

н а п л а т ф о р м е

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

МИХАИЛ ЛЮБИМОВ

Роковая ловушка

ПАЛЪМИРА
ТВ ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 4

УДК 82-821
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л93

Любимов, М.

Л93 Роковая ловушка : [сборник] / Михаил Любимов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 253 с., ил. — (Серия «Пальмира — Любимов»).

ISBN 978-5-517-10882-1

«Роковая ловушка» — новый сборник автобиографической прозы знаменитого советского разведчика и писателя Михаила Любимова. Автор с присущими ему искренностью и остроумием рассказывает о людях — шедших с ним по жизни рядом и встреченных лишь однажды, коллегам-разведчиках и тех, кто вовсе не был связан с разведкой, правителях и художниках, родителях и детях — о таких разных и в то же время таких похожих человеческих судьбах...

УДК 82-821
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-10882-1

© Любимов М. П., 2024
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии»,
ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2024

Ведь жизнь — роковая ловушка,
Предчувствие счастья и мук.
И чудится, будто на мушке,
И слышится выстрела звук...

М. Любимов

Неисповедимы наши пути

«Быть русским заблудившимся поэтом среди лепета латинского цикада!» — это великий Набоков, прочитанный уже в зрелом возрасте. Но в юности в глупом подсознании теплилось нечто подобное. Сочинял стихи и рассказы с детства: уже в конце 1941 года после бомбежек в Киеве и на пути оттуда в Днепропетровск жарко писал на фронт отцу:

Ты там, ты там во тьме ночной,
В землянке и в огне.
Но знаю я, что ты, родной,
Всё думаешь о мне.

Это корявое «о» до сих пор вгоняет меня в краску. Разумеется, послали с мамой в «Пионерку» и вскоре получили ответ: мол, учись, Мишенька, хорошо, слушайся родителей, пиши стихи, работай над ошибками — всё у тебя получится, пиши нам, дорогой наш мальчик!

Взрослых я слушался и тут же начал писать роман из морской жизни на манер Новикова-Прибоя. Мама внимательно прочитала первую главу и сказала: «Всё очень интересно, но у тебя, Мишуня, адмирал ест мороженое в метро. Это ведь ни на что не похоже! Он же советский адмирал, это непри-

лично!» Я расстроился, сочинил целый поэтический цикл любимому коту Барсику и с тех пор писал только стихи.

Конечно, многое отвлекало от творчества. После долгих мытарств мы оказались в Ташкенте, там нашим соседом оказался мужичок, у которого я взял почитать «Капитал». Прочел честно пару страниц, очень этим гордился, и мама гордо говорила знакомым: «Мой мальчик уже читает Маркса!» Кроме Маркса меня вытеснило из поэзии нахлынувшее половое созревание. Началось с похода с мамой в женскую баню — там меня поразили загадочные треугольники. «Разве можно брать такого взрослого мальчика?» — возмущались голые дамы. В начале 1944 года мы с мамой переехали в Москву, в комнатку её подруги, там я совсем оторвался от поэзии и окунулся в платоническую, увы, любовь, даже пел на коленках у полненькой старшекласницы: «У юнги Билля вздрагивают губы, и пристань ищет взглядом сквозь туман».

Наши войска наступали вместе с папой, в 1944 году освободили Львов, папу назначили в руководство военной контрразведки Смерш («Смерть шпионам»), он забрал нас к себе и заставил меня изучать немецкий язык (я ликовал и надеялся, что меня забросят в немецкий тыл). В тыл я не попал, зато вместе с папой и офицерами Смерша палил в воздух из вальтера в День Победы! Палил и палил, это были незабываемые минуты счастья! Не до поэзии: постреливали бандеровцы, зарубили топором публициста Ярослава Галана, застрелили униатского священника Костельника, убивали наших командировочных в сельской местности, а однажды прислали во Львов в бидонах отрубленные головы молочниц, поставляющих в город молоко. Наш дом охранял часовой. А тут я поступил в третий класс, начал изучать украинский, да еще ухаживать за девочками, с одной даже прошелся под ручку. Какое тут, к дьяволу, твор-

чество?! Однажды мне выпала честь читать по-украински со школьной сцены стихи Павло Тычины, посвященные великому Сталину:

Людина стоїть в зореноснім Кремлі,
Людина у сірій віськовій шинелі.
Ця постать знайома у кожій селі,
У кожній оселі на нашій землі.

Отец любил театр, особенно оперу — постоянно брал меня с собой. Послушал я даже патристическую «Великую дружбу» Мурадели, осужденную партией. Это отвлекало от моих любимых муз, зато я декламировал гостям «Лесного царя» Гёте по-немецки, учился фотографировать и с учительницей осваивал Черни на пианино. Папу перевели в Куйбышев (Самару), там играл марш из «Фауста» и пел девочкам «Ах, шарабан мой, американка, а я девчонка и шарлатанка» под собственный аккомпанемент. Тут меня совратила Мельпомена: в школьном драмкружке играл в пьесе «На дне» Сатина, Барона, даже Актера с его пронизывающим стихом «Господа, если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!» Водевили Чехова, пьесы Островского, особенно запомнился старик Крутицкий из «На всякого мудреца довольно простоты» — ха-ха! Так я метался по горе Геликон, раздираемый на части прекрасными музами, дочками бога Зевса.

Окончил школу и в 1952 году поступил в институт международных отношений в Москве. Тут и началось. Снял с помощью папы комнатушку в доме на Твербуле у дальнего потомка русского классика — актера Камерного театра Дмитрия Сумарокова. Дом был забит коммуналками с актерами Пушкинского (бывшего Камерного) театра. Несмотря на бедность, жили они весело и сумбурно, а уж как

любили и умели выпить! Какие возвышенные разговоры вели! Трепетные воспоминания о диспуте наркома Луначарского со священником Введенским... Там изрядно отшлифовали провинциала, говорившего «красивей» и — о позорище! — не знавшего ни американского драматурга Юджина О’Нила, ни гениев Камерного театра Александра Таирова и Алисы Коонен.

На Твербуле в мою жизнь ворвалась и первая любовь, нежная и прекрасная, а с нею возвратилась пламенная муза: она извергала водопады стихов, до безумия страстных, вроде:

Как же выпустить Вас на просторы Параны,
Где изысканных дев разрывают кайманы?

Студенческие годы проходили не в шикарных ресторациях, а в Иностранке и Ленинской библиотеке, включая секретный спецфонд, где я изрядно «подзарядился» Ахматовой, Мандельштамом, Кузминым, Г. Ивановым, Гумилевым — Блока и Хайяма всегда обожал. Написал курсовую «Фашизация государственного строя США»: по этой стране специализировался. Решения XX съезда партии, критику репрессий и «оттепель» принял всем сердцем. Взахлеб читал Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулину, Окуджаву, позднее пристрастился к Иосифу Бродскому и бардовским песням (Галич, Высоцкий, Визбор, Городницкий, Ким). Влюбился в Хемингуэя, почитал Фолкнера, Вийона, дю Белле, Т. С. Элиота, боготворил Шекспира и пытался его читать в оригинале. Уважал Донна, Рэли, Суинберна, Уайльда, Милна и других поэтов абсурда. Работал над поэтическим стилем и ударился в рассказы. Куда путь держать? Играл в футбол с Шуриком Брайниным, сыном известной критикессы Берты Брайниной, бывшей замужем за пушкиноведом Благим. Подсунул ей рассказы, она посоветовала поступить в лит-

институт. Я представил участь писателя, подчиненного цензуре и решениям партии, и загрустил, ведь в мечтах светился путь советского Талейрана, триумфальные выступления в ООН, поездки в разные страны — нет уж, проживу и без литинститута имени Горького.

После окончания МГИМО меня в гордом одиночестве направили по линии МИД СССР секретарем консульского отдела в Хельсинки. Писал горестные стихи подружкам, тосковал по Родине. В Финляндии приобщился к работе в разведке, а по возвращении в Москву был зачислен в комитет. Женился на актрисе театра Транспорта (Гоголя) Екатерине Вишневецкой, в 1961 году направлен в Туманный Альбион. Работа в разведке за рубежом подарила мне свободный доступ к чтению, включая произведения Бунина («Окаянные дни»), Замятина, Шмелева, Кэстлера («Темнота на рассвете»), Оруэлла, Солженицына. Постоянное и зачастую острое общение с иностранными политиками, лекции на английском по приглашению консерваторов — et cetera — научили дискутировать, избавили от чисто пропагандистских штампов. В Лондоне в самом начале мы с женой жили в полуподвальной комнате с видом на помойку, конечно, с соседями, восхищались городом, ходили по музеям и театрам. Вскоре родился сын Саша, разумеется, чуть позже я посвятил ему стих:

Дорогой сыночек Сашка!
Съев свой утренний омлет,
Думай, думай о кашках,
Вылезаящих на свет!
Есть кашки всех тенденций,
Всех размеров, всех цветов.
Беспредельность консистенций
Поражает знатоков.
Если все кашки рядом
Посадить, то их не счесть!

Есть какашки даже дяди,
Впрочем, тёти тоже есть!
Коль не хочешь стать букашкой,
Жаждешь счастья для страны,
Думай, думай о какашках,
Чтобы не было войны!

Ныне Александр свет-Михайлович возглавляет «Телекомпанию ВИД», создает программы и фильмы. Мы с ним крепко дружим, хотя порой и цапаемся, он мне щедро помогает во всём. Подробно о его богатой биографии можно почитать на его сайте lyubimov.com (там нашлось местечко и для папаши).

Разумеется, в Лондоне как марксист и партиец я отдал дань неравенству и классовый борьбе: «Сэр Генри смакует свой порт на Пел-Меле, а Джон свое пиво в дешевой таверне». Лондон был интересен и прекрасен, но меня всё время тянуло домой, действительно тянуло, даже ныне бывает тяжело жить за границей более трех недель!

В самом начале 1965 года меня выслали из Великобритании за чрезмерную шпионскую активность, объявив персоной нон грата. Затем отправился в командировку в Данию, жена подала на развод, и вскоре вернулся в родные пенаты. В 1976 году меня, уже вторично женатого и потому транспортабельного, вновь отправили в Данию в качестве советника посольства и резидента разведки. Служить в этом качестве, не скрою, приятно, но каждому свое. По натуре я скорее не брандмейстер, а простой топорник. Всё время непрерывно писал стихи, оперативной работе это не мешало — наоборот. Само собой разумеется, что я снова влюбился, на сей раз в свою нынешнюю жену, судьбоносную (не шутка) Таню. Тут уже поэмы полились нескончаемой рекой, я, как истинный менестрель, трубил на все лады, даже баллады писал. Само знакомство с Таней

было предельно поэтичным. «Такие, как я, на дороге не валяются!» — строго заметила она. Не знала, на кого напоролась! Я тут же отреагировал:

Соблазняет очень многих
повалиться на дороге,
мордой сунуться в дерьмо,
вставить в задницу перо!
Мы не моемся годами,
проросли насквозь лишаем
и кровавыми зубами
ногти яростно сгрызаем!

Чуткое сердце Танечки прониклось жалостью и затрепетало. Уже в Дании я почувствовал, что некая мистическая сила выталкивает меня с моей службы на тернистую литературную тропу. Однажды, когда я был в отпуске, мы крепко выпили с моим другом, поэтом Юрием Левитанским, и помчались за добавкой в ресторан в международном аэропорту Шереметьево — единственном месте, где ночью торговали водкой. Юра предъявил пограничнику свою книгу с огромным портретом, и тот его с улыбкой пропустил через границу в ресторан за водкой! До сих пор я вспоминаю этот эпизод как триумф поэзии, как победу над железной пятой государства!

И вот в 1980 году я вернулся на Родину, получил лакомую должность начальника отдела в штабном управлении ПГУ. Родник любви не иссяк, а превратился в Ниагару. Грянул второй развод, возмутивший начальство, и правильно возмутились!

В результате я написал рапорт об увольнении по собственному желанию и вскоре был выпущен на волю без особых репрессий. Неслучайно «красный граф» А. Н. Толстой говорил: «Чтобы стать писателем, нужно трижды же-

ниться». Таня вдохновила меня на поэмы и множество стихов, она — мой Ангел, моя Любовь. Её отец — Сергей Федосеевич Афанасьев — с тридцатых служил в охране Сталина, сопровождал его на Тегеранскую, Ялтинскую и Потсдамскую конференции, забрасывался с парашютом за линию фронта для выполнения спецопераций. После войны папа Тани работал на даче Сталина в Сочи. Там произошло историческое событие: маленькая Танечка и папа возвращались с пляжа и неожиданно на дороге повстречались с Иосифом Виссарионовичем. Вождь народов демократично поздоровался за руку с Сергеем Федосеевичем и Таней, сорвал с куста алу розу и протянул девочке с воистину вещими словами: «Красавыцэй будэш!»

Итак, я вышел в отставку и занялся литературой. Как поклонник Шекспира, начал с пьес, причем сравнительно удачно: пьесу «Убийство на экспорт» взял Московский областной театр и поставил уже в 1984 году, радиовариант озвучивали звёзды М. Державин, Н. Волков, Н. Вилькина. Однако сам процесс «пробивания» пьес приводил меня в отчаяние. Я и с завлитами встречался в ресторанах, и драматургов Г. Горина и И. Дворецкого обхаживал, и влиятельного критика А. Смелянского ублажал. Паровоз еле двигался, колеса скрипели. В Минкультуры СССР и РСФСР меня занудно поучали молодые чиновники, намекая на мою литературную малограмотность, внутренне меня ненавидя как дипломата, жировавшего за границей (о КГБ я молчал как рыба! Иначе бы сожрали с потрохами!). Пробивал несколько пьес: две опубликовал в журнале «Детектив и политика» у Юлиана Семенова (масса моей публицистики печаталась в газете «Совершенно секретно» при нём и при Артеме Боровике), еще одну (пародию на разведку) поставили в Душанбе (!) и в Астрахани. Встречался с мэтрами М. Захаровым, И. Владимировым, М. Эскиной —

тогда завлитом Таганки — даже с самим мэтром Г. Товстоноговым...

Всесоюзной сенсацией спектакль «Убийство на экспорт» не стал, знаменитым я не проснулся — перешел на суровую прозу. Известность пришла в 1990 году, когда пятимиллионный «Огонек» опубликовал мой политический роман «И ад следовал за ним», а позже я написал продолжение — «Выстрел». КГБ публично отреагировал странно: мол, у моего героя «бутылка — в одной руке, а презерватив — в другой». А я написал роман о патриоте, который жертвует собой во имя Родины, карикатурно показал резидентов ЦРУ и СИС: их-то я знал не понаслышке. Но колобок покатился, поплыл по течению дальше. Я опубликовал «Записки непутевого резидента» — веселый мемуар-роман, точнее, нон-фикшн. Опубликованный в «Совершенно секретно» отрывок «Голгофа» из романа «Декамерон шпионов» вызвал скандал в нашем обществе, еще не отравленном апокрифами-фейками. Затем «Шпионы, которых я люблю и ненавижу», «Блеск и нищета шпионажа», «Скитания по родословным» с упором на род Вишневецких (это моя первая жена Катя), оттуда морганатическая жена Александра II — Катрин Долгорукая, позже княгиня Юрьевская. В предисловии к книге выдающийся критик и писатель Лев Аннинский так отметил мой интерес к своим «сродникам»: «“Отечество”, прикрытое усмешкой, как спасительной завесой, и есть та сверхценность, которая держит у Любимова всю систему оценок, хотя можно подумывать, что сродники, проедавшие накопленные богатства, достойны одной только критики». Не забыл я о Туманном Альбионе: отдал дань уважения Льюису Кэрроллу «Гуляниями с Чеширским котом» и «Гуляниями с чудесной Алисой», затем был автобиографический «Вариант шедевра» и сборник «Раненый ангел». Признаюсь, что многое написанное автобиографично. Оказалось, что я прожил целых

две жизни, и мой литературный стаж намного превысил двадцать пять лет служения Родине.

Сам я скорее не писатель и не поэт, а всего лишь человек пишущий, homo skribens, таких очень много. А уж от «легендарного разведчика» меня бросает в дрожь. Зачем пишу? Нет, это не желание славы, не мечта остаться в сомнительной вечности, это стимул к жизни. Хочу вернуться на свои далекие, зеленые берега и вновь ощутить другого себя, мои тогдашние убеждения и сомнения, будоражащую музыку прошедших лет. Часть моей открывшейся, уже ускользающей души.

Роковая ловушка

Скользя по лезвию ножа,
Дрожа от сладости пореза,
Чтоб навсегда зашла душа
Привыкнув к холоду железа.
И так с озябшей головой,
С надеждой слабой на спасенье
Меж двух земель одной ногой
Ступить в момент землетрясения.
И не заметить с высоты,
Где ослепительно и пусто,
Что там давно горят костры,
И ждет расплата за искусство.

М. Любимов. «Разведка»

Война уже догорала над бесконечностью трупов. Отчаявшийся фюрер метался, как загнанный зверь, искал спасительный выход, уповал на чудо. Совсем недавно ликовал по поводу застрявших в Арденнах англосаксов, наступавших из Нормандии, но дьявол Сталин им помог, и теперь они были уже в Берлине. Гитлер вглядывался в прошлое: в чём он просчитался? Как триумфально началась война, как послушно легла под нацизм тряпочная Европа! Почти никто не сомневался, что прочный треугольник Берлин — Рим — Токио захватит полмира. Еще рывок — и проклятые британские острова превратились бы в жалкие руины, еще рывок — и фюрер отпраздновал бы победу в Большом театре, прямо в сердце России. И вот в пожар стариков и гитлерюгенд, но что делать? Куда исчезли легендарные германские рыцари — зигфриды, умытые кровью дракона? Как внести сумятицу в стан союзников? Ах, этот Скорцени, вызволивший из плена Муссолини! Дал маху, не сумел в Тегеране устранить

эту гадкую тройку: доходягу Рузвельта, позёра Черчилля и проклятого грузина Сталина. Все друзья предали, как последние твари. Как он верил в хвастливого румына Антонеску, вкрадчивого генерала Франко, сероватого мадьяра Хорти. И что? Все попрятались в свои мышинные норы.

И вот уже пылает Рейхстаг. Даже в личном бункере запахло смертью, сам видел, как Ева Браун спрятала под подушку цианистый калий. Никогда! Никогда немцы не подведут своего фюрера и его великую Германию. Он достал из письменного стола вальтер, осмотрел и положил обратно...

Рузвельт умер еще до начала штурма Берлина, пост президента занял Гарри Трумэн, совсем недавно ставший вице-президентом и видевший Рузвельта всего два раза. В Белом доме царил растерянность: как будет вершить судьбу Америки бывший сенатор от Миссури, не имевший высшего образования и не занимавшийся внешней политикой? Уже давно назревала война с Японией, зато в Европе, благодаря Эйзенхауэру, дела шли хорошо.

Сэр Уинстон Черчилль чувствовал себя на коне, однако не мог понять причину своей падающей популярности у сограждан — об этом говорили все предвыборные опросы. Победа уже на носу, а разве не он главный Победоносец? Ведь именно он создал коалицию из трех партий: консервативной, либеральной и лейбористской — именно он объединился с США и Советским Союзом против Гитлера, именно он защитил Великобританию от фашистского вторжения. Приближались всеобщие выборы, народ жаждал воцарения лейбористов, суливших социально-экономические реформы, консерваторы были в кризисе — народ забыл о своем герое, о неблагодарный народ! Да разве он понимает, что Сталин и его большевики не успокоятся и попытаются подчинить себе всю Европу? Берлин скоро падет, но почему бы не использовать пленных немцев в случае рас-

ширения действий Красной Армии? Болгария и Чехословакия проиграны, Грецию Сталин обещал не трогать, король Михай в Румынии ненадежен. Пока польский эмигрантский премьер Миколайчик в Лондоне, влияние Англии в этой ненадежной стране фифти-фифти. Как он, сэр Уинстон, заигрывал с главой югославских партизан Иосипом Броз Тито: ящиками сигары ему посылал, приучил к виски «Чивас Ригал», сулил помощь, но, увы, опытного коминтерновца не перехитрил. Да, яростно боролся с большевиками всю жизнь, но пошел с ними на альянс во имя любимого Альбиона. Чем всё это закончится? Во Франции растет популярность коммунистов, в Италии их вообще носят на руках, неужели они придут к власти? Как не ко времени скончался Рузвельт, разве его сможет заменить безликий Трумэн?

Иосиф Виссарионович Сталин был в отличном настроении. Прошелся по кабинету взад и вперед, чуть размял ноги в мягких сапожках, насвистывая мелодию «Прощания славынки», полюбившуюся еще со времен Гражданской войны. Присел за стол к бумагам, с особым удовольствием, даже наслаждением, словно Шота Руставели углубился в перевод стенограммы последнего заседания английского кабинета — одного из секретных документов, полученных советской разведкой от своих верных агентов из «кембриджской пятерки»: Кима Филби, Дональда Маклина и других. Читал и улыбался: слишком много было нелепых реплик. Чувствовал себя еще одним участником заседания, ведь Черчилля знал лично, в дар получал от него меч короля Георга, да и сам дарил ящики с армянским коньяком и многое другое. С Энтони Иденом, министром иностранных дел, тоже был хорошо знаком: тот слыл красавцем и, по слухам, любил мужчин. Но в Англии правящий класс этому не чужд — пусть буржуазия развлекается, как может, лишь бы помо-

гала и их не трогала. Но тронет. Сталин вспомнил, как они с Уинстоном расчерчивали с сферы влияния в Европе — будет ли он это соблюдать? Разве мы забыли расстрел англичанами бакинских комиссаров и их попытки контролировать азербайджанскую нефть? А бесчинства английской армии вплоть до создания концлагерей в Архангельске в дни интервенции? Правда, Черчилль всё же вытеснил гниду Чемберлена, устроившего сговор с фюрером в Мюнхене, вошел в войну. Искупал свои грехи, с риском пересылая из Англии в Мурманск и Архангельск оружие и боеприпасы по ленд-лизу. Но классовым врагом и антикоммунистом остался.

Маршалы Жуков и Конев, несомненно, вот-вот возьмут Берлин, армия ликует, однако наблюдается много случаев мародерства и даже насилия женщин. Народ измучился, истосковался по радостям жизни. Не забыть сказать начальнику Смерша Абакумову, чтобы не переусердствовал в карательных мерах, не отбирал у солдат часики и мелкое барахло, а вот генералам, эшелонами увозящим домой старинную мебель и музейные картины, давать по шапке! Но это мелочи, главное — обеспечить в Европе буфер на будущее, расширить рамки социализма. В Болгарии всё в порядке: Георгий Димитров, бывший генсек Коммунистического интернационала, выстоял в фашистском суде после поджога Рейхстага. Правда, в стране остается многопартийная система, но народ Димитрова любит. В Чехословакии чуть хуже, но с президентом Бенешем можно поладить. В компартии Чехословакии и у других провести чистку, избавиться от соглашателей, сделать ставку на Клемента Готвальда, при случае привести к власти, если нужно — применить силу. В Румынии компартия — с гулькин нос, хотя и участвовала в свержении фашистского режима Антонеску, нынешний король Михай неплохо к нам относится, мы даже

орденом Победы его наградили. Пока неплохо. Наши войска помогут укрепить власть народа. В Венгрии обстановка сложная, при фашисте Хорти коммунистов загнали в подполье. Но с нашими войсками уже приступил к работе в Венгрии старый друг Матиас Ракоши — революционер, в 1918-м глава Красной Армии в Венгерской Советской республике. Между прочим, урожденный Розенфельд, как расстрелянный враг народа Лев Каменев. Уж он не подведет, укрепит партию и выведет страну к социализму. Польша, конечно, сильно пострадала от немцев — они это должны полякам компенсировать. Но антисоветские настроения никуда не исчезли с приходом наших войск. Надо активнее поддерживать жесткую линию Болеслава Берута, главы компартии — без силы польский вопрос не решить.

Он набил трубку табаком «Золотое руно» и задымил. Думала ли мама, бедная прачка из Гори, что её сын Сосо будет вершить судьбами мира? И страны тоже. Сейчас надо воссоздать экономику, построить новое жилье, накормить народ. Уже появились одиночки, понюхавшие на войне Запад, побегавшие по Праге и Будапешту, узревшие тамошний уровень жизни. Эх, это вечное преклонение перед Западом! Не забыть напомнить об этом Берии с его органами.

В Берлине шли смертельные бои. Грохот орудий и оглушающая стрельба, безумные крики и стоны, лихорадка, бред.

Солдату Глебу Коргину всё это казалось странным наваждением, он будто бы смотрел со стороны на самого себя, тяжело дышал, перебегал, прятался, стрелял и стрелял. Коргин родился в милом провинциальном Козлове, в те времена к названию относились спокойно, хотя и не без иронии. Позднее в честь великого садовода Мичурина город переименовали. Отец Глеба приобщил его к немецкому языку и культуре, на фоне сверстников мальчик выглядел

эрудитом, любил литературу, читал наизусть «Лесного царя» Гете по-немецки и каждый год посещал усадьбу в Маре поэта Баратынского.

Глеб высунулся, метнул гранату, затем другую, его подержали и другие бойцы. Взрыв разнес часть дома, сквозь завесу дыма вдобавок хлестнула снарядами артиллерия. Ожидали пленных, но живых не осталось. Внезапно воцарилась тишина. Солдаты передавали друг другу, что наши взяли проклятый Рейхстаг. Кто-то заиграл на губной гармошке «Вьется в тесной печурке огонь...». Неужели пришел конец войне? Неужели вернемся домой? А некоторым и некуда возвращаться: всё сгорело дотла, всё спалено захватчиками, а когда-то верные спутницы жизни не выдержали, сошлись с другими мужиками. Да, вьется в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза, и ноет сердце от тоски. Откуда она, проклятая, взялась? Не тоска, а водка. Пили из всех посуды и из горла, орали, прыгали, танцевали друг с другом и в одиночку, целовались чуть ли не в засос. Русское пьянство, как полет в небо: не видно ни зги, счастье в сердце, слезы в глазах. Как не пить, если рядом Победа?! Только бы дожить, только бы дожить.

Знаешь ли ты, что такое запах победы, дорогой читатель? А я вдыхал его ещё мальцом. После бомбежек эшелона, набитого до краев беженцами, свалок и свар на перронах — эвакуировались из Харькова в Казахстан. Штурм поезда при пересадке в Сталинграде, маму не пускают в вагон, проводница грудью встала насмерть. Мама передает меня с перрона в окно, я реву белугой в пропахших махоркой руках солдат. Господи, поезд вот-вот двинется, я останусь без мамы — как дальше жить? Я молю неведомого бога вернуть маму, хотя ничего не знаю ни о нём, ни вообще о религии. Папа на фронте, и вскоре мы у него в освобожденном Львове. Девятое мая 1945 года — великий праздник Победы,

папа и группа офицеров палят в воздух, мне тоже суют автомат, я захлебываюсь от восторга и слез...

Мы выжили. Глеб тоже выжил, остался в армии, подучившись в военной школе, получил «лейтенанта», его часть дислоцировалась около Берлина. Много читал, но и бутылки не чурался. Однажды в отгуле забрел в кабачок в Западном Берлине, там накачался, выбрался на улицу и пошел вдоль домов, иногда заглядывая в окна, улыбался, напевая «Цыпленок жареный, цыпленок пареный». Сплошные двухэтажные коттеджи с садиками — живут же люди! Большинство окон были занавешены, но одно освещено и приоткрыто, оттуда доносилась музыка. Глеб сунулся к окну и узрел девицу у рояля, она увлеченно играла 24-й прелюд Шопена. Ух, какая царственная мелодия! Послушал, позвонил в дверь. Открыла девица лет восемнадцати: «Вам кого?» Он вошел и замолчал. Она смотрела на него с любопытством. Улыбающийся русский офицер, голубоглазый и отнюдь не урод. Неожиданно для самого себя, он вдруг взял её в охапку и потянул на диван. Она удивилась, но не сопротивлялась. Он рванул с себя гимнастерку с медалью «За боевые заслуги». Прерывистое дыхание, нелепые движения, стоны и выкрики то ли от блаженства, то ли от боли. Вся эта суматошная возня продолжалась около часа, оба стояли полуголые и растерянные.

— Конечно, вы не граф Гангский, — заметила она по-немецки вроде бы про себя, — но это было совсем неплохо.

Это еще что за новость? Неужели она знает Генриха Гейне? Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! А он думал, что это обыкновенная немецкая дуреха, и ответил на весьма сносном немецком:

— Madame! Я обманул вас. Я вовсе не граф Гангский. Никогда в жизни не видел я ни священной реки, ни цветов лотоса, отражающихся в её блаженных водах.

Она обомлела. Это еще что?

— Вы знаете моего любимого Гейне?!

Он даже обиделся.

— А почему бы нет? Или вы считаете всех русских безграмотными идиотами? Это из почитаемой мною «Идеи, книга Le Grand».

Она была ошеломлена: вот тебе и русский медведь!

Девушку, которая оказалась отнюдь не дурехой, звали Эльзой. Образованные родители, бизнесмены, особо не пострадавшие в войне, неоконченный университет, неплохое знание русского. Восхищалась Генрихом Гейне.

А что, собственно, Гейне? Талантливый еврей из купеческой семьи. Учился в четырех университетах. Дрался на дуэлях. Был весьма и весьма любвеобилен. На родине подвергался жесткой критике за свои неординарные взгляды. Свободолюбивый левак, сочувствовал Июльской революции и умчался политэмигрантом в Париж. Там прожил бурные тринадцать лет, заболел прогрессивным параличом и умер в пятьдесят восемь. Кстати или некстати, сменил свое иудейское вероисповедание, о чём никогда не жалел. Его любили не только коварные дамы, но и прославленные личности: великий ученый Эйнштейн, молодой агитатор-фашист Геббельс и правоверный коммунист Бухарин, приконченный Сталиным.

— Гейне ненавидел англичан, считал их лицемерами! — заметила Эльза.

— А это зря! — возразил Глеб, и не случайно, ведь англичане в дни войны считались союзниками. Хотя затянули второй фронт, зато под угрозой вражеских подлодок северные конвои привозили по ленд-лизу оружие, медикаменты и продовольствие в Архангельск и Мурманск. Правда, после речи Черчилля в Фултон дали старт холодной войне.

Они расстались, но ненадолго. Глеб зачастил к возлюбленной, не принимая особых мер конспирации.

— Давай станем мужем и женой! — сказал он однажды.

— Ты шутишь? Разве твоя власть позволит?

— Советская власть — самая добрая в мире! Всё политбюро придет к нам на свадьбу.

Эльза промолчала, но подумала про себя: «не дай бог».

В те времена партия уже осудила Сталина за культ личности, миновала хрущевская оттепель, наступила брежневская стабильность, и чуть попахивало свободой. Правда, на служивых в ГДР это мало распространялось, ведь свобода разрушает армию — разве не так случилось после Февральской революции?

Эльза и Глеб радовались жизни, а почему бы не веселиться, если надвигается лето, легкомысленно светит солнце и вся жизнь впереди? Пели на два голоса стихотворение Гейне, перебивая друг друга:

Бей в барабан и не бойся беды,
И маркитантку целуй вольней!
Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот тебе суть науки всей.

Оба кружились в танце, Глеб учил немку петь по-русски: — Англичанин нам не враг. Генрих Гейне был дурак!

Смеялись до слез.

Эх, молодость, бесподобная молодость! Кто из нас, грешных, не терял тогда голову? Не спал ночами, страдая от безответной любви?

Однако кто-то стукнул, возможно, добрые соседи. Коргина арестовала военная контрразведка. Простодушный Глеб ничего не скрывал: не дезертир же, каких в свое время фильтровал Смерш, не картины же стащил и увез в Москву! Что плохого он сделал? Допрашивали и Эльзу, она тоже не

запиралась. Её как гражданку ГДР отпустили, однако заставили под диктовку написать расписку: «Я, Эльза Бухвальд, обязуюсь оказывать всяческую помощь советской армии и держать это в строжайшей тайне. Мой псевдоним будет “Марлен”. Подпись».

Эльза пробовала сопротивляться, но быстро поняла, что ничем хорошим это не закончится. Написала и подписала. Ни слезинки, ни просьб. Что касается Глеба Коргина, то его с треском уволили из армии, и он восояси вернулся домой. Не в родной Мичуринск, а в соседнюю деревушку, куда переехала мать после смерти отца. Мать не узнала сына, он потолстел, помрачнел, каждый день выпивал. Через полгода пришло первое любовное письмо от Эльзы, он ответил. Так нежно переписывались два года, он перечитывал письма ночью и плакал. Неожиданно Эльза замолкла — подала голос только через год.

Увертюра, досточтимый читатель, это, так сказать, увертюра — дальше начинается повесть. Как писал один другок: «Нет повести печальнее на свете, чем сказ об Александре в Комитете». Тогда пахло счастливой жизнью, казалось, войны исчезнут навсегда вместе со всеми несчастьями и бедами, вместе с проклятой, но вечной геополитикой. Ушли в прошлое война в Корее, кубинский кризис, Вьетнам — никто не мыслил, что грядут Афган, Чечня, Украина. Много ли человеку нужно для счастья? Крыша над головой, щи да каша под гранёный, любимая жена и детки. А сверху напоминают: не упивайся жизнью, вокруг тебя враждебные военные союзы, базы с ядерным оружием, оголтелые политики, норовящие оторвать у тебя кусок родной земли. Государство всегда тебя защитит, оно не дремлет, а бдит. Его всевидящее Око просвечивает всё твоё прошлое и настоящее. Так было и будет, дорогой читатель. Уважай Око государево, не ропщи!

Грянул семидесятый год.

У капитана КГБ Александра Фролова неожиданно приключилась беда. Стояла июльская жара, он открыл окно, а тут внезапно налетел шальной ветер и выдул на улицу служебную телеграмму. Не какое-нибудь сообщение ТАСС, который он читал ежедневно, дабы не отрываться от мировой политики, не ритуальный обзор института США и Канады, а совершенно секретный документ, зарегистрированный в секретариате начальника разведки и еще им не читанный. Капитан покрылся холодным потом и помчался вниз с шестого этажа старого дома номер два на площади Дзержинского (ныне Лубянка). Слетел Фролов очень вовремя: к телеграмме уже тянулся прохожий восточного вида в узорной тюбетейке. Кто он такой на самом деле? Не агент ли ЦРУ? Американцы вездесущи, как клопы, они во всех щелях, от них можно и нужно ожидать любого подвоха.

Телеграмма оказалась из тамбовского управления КГБ.

Обычно в разведывательном управлении, где служил капитан, к провинции, вечно просившей о содействии и предлагавшей свои услуги, относились снисходительно, но корректно. Капитан небрежно засунул телеграмму в карман и даже заскочил в гастроном прямо рядом со службой. Фролов уважал его и часто там закусывал. В общей служебной столовой в обед образовывались очереди: это же не генеральская едальня, где особое меню, официантки и начальство, решавшее судьбы нации. Однажды капитан дежурил по всему КГБ, так отовсюду валом шел целый поток чрезвычайной информации. Доносили, что муж зарубил топором жену, в метро учинили драку, задержали пьяного сотрудника и прочие ужасы. И в мире неспокойно: перевороты, интервенции, покушения, разгоны демонстраций, бесконечные забастовки. Порой все эти судьбоносные во-

просы решались в генеральской столовой за тарелкой щей и бутылкой боржоми.

Фролов достал из автомата кофе с молоком, два бутерброда с докторской колбасой, съел их и вернулся в свой кабинет, где и приступил к чтению депеши. Она оказалась не вполне обычной, а потому достойной оперативного внимания. Тамбовское управление сообщало, что уже несколько лет ведет перлюстрацию переписки гражданина Коргина — ранее старшего лейтенанта вооруженных сил, уволенного за аморальные встречи в ГДР с немкой Бухвальд Эльзой, завербованной военной контрразведкой под псевдонимом Марлен. Прилагались её расписка о сотрудничестве с советской армией, а также письма обеих сторон.

Тут началось кардинальное: в одном из последних писем Марлен сообщила, что уже год, как ей удалось поступить в Западном Берлине на работу в важное учреждение (в какое — не уточнила), переехать в новую квартиру. По просьбе тамбовцев, КГБ в ГДР поставил за Марлен наружное наблюдение, и оказалось, что она работает в разведывательном центре БНД и ЦРУ в Западном Берлине. Управление предлагало направить туда своего работника вместе с Коргиным для восстановления оперативного контакта с Марлен и её использования в наших интересах.

Глаза у капитана Фролова загорелись, запахло увлекательной авантюрой, воистину стоящим делом. Сам он происходил из семьи ученого, пострадавшего из-за дружбы с профессором Рамзиным, осужденным за создание антисоветской Промпатии. Отсидел год, был отпущен и восстановлен на работе в институте. Прошел войну, был ранен. С женой развелся, жил с сыном в двухкомнатной квартире.

Отец сидел? Старые чекисты хмурились: всё равно это криминал, который рано или поздно может перерасти в беду, даже в угрозу стране. Но в кадрах после антисталин-

ского XX съезда партии уже смыслили вполне по-новому. У нас и министр иностранных дел Вышинский был меньшевиком до революции, маршал и герой войны Рокоссовский тоже сидел, его даже пытали — и ничего! Да у каждого в России можно найти криминал! У одних близкие были в оккупации или в тюрьме, у других деда — слуги царского режима или кровопийцы-кулаки, у третьих родственники работают в торговой сети и потому рано или поздно проворуются. А если еще проверять кадры по месту жительства через агентов-дворников или, не дай бог, соседей, то обнаружится, что честный партиец или даже чекист постоянно выносит в авоське или в атташе-кейсе пустые бутылки и сдает их в магазин в обмен на водку. В отсутствие супруги принимает на квартире незнакомых женщин. Ого! Где же брать надежные кадры? Не на Северном же полюсе среди белых медведей?!

Любовная переписка фигурантов дела порядком разгорячила капитана и живо напомнила историю Катрин Долгоруковой и царя Александра II, который был не только реформатором, но и страстным любовником. Жена Александра Фролова Нина вела начало от этого рода, и капитан читал страстные письма влюбленных в библиотеке со словарем: царственные особы изъяснялись на французском. Запретное «это» конспиративно называли «бингирлье» (такое слово во французском отсутствует, это их собственное открытие): «Мой ангел, шалунья... нам страсть как хотелось *бингирлье*... подлинное наслаждение, счастье, которое ты даешь мне». Ей было восемнадцать лет, ему — пятьдесят. Всё закончилось тем, что царь поселил возлюбленную с зачатыми им детьми во дворце, прямо над покоями своей законной, умирающей от туберкулеза жены Марии Александровны — немки по национальности. После её смерти Катрин, чей род Долгоруковых происходил от Рюриковичей, стала моргана-

тической женой Александра II и светлейшей княгиней Юрьевской. Готовилась в императрицы. Но тут пламенные террористы разорвали царя на куски, окровавленное тело охранники протащили по лестнице в покои, где он и почил. Сын убитого монарха, новый император Александр III, и весь двор ненавидели Катрин и способствовали её отъезду с детьми в Ниццу.

Фролов хорошо знал эту историю. Нина рассказывала, что последний представитель рода по имени Гаврила занимал пост предводителя дворянского собрания города Киева, владел большим имением под Полтавой, где бывала и бабушка Нины. Гаврила частенько выезжал в Ниццу с подарками для Катрин в виде банок домашнего варенья, скрашивающего её эмигрантскую жизнь.

Капитан Фролов родился в тридцать четвертом году в день убийства Кирова — видного советского деятеля. Это совпадение казалось ему зловещим знаком — чего? Скорее всего, смерти или иного рокового события, загадка сия мучила его всю жизнь. Благополучно жил с папой в подмосковной двухкомнатной квартире (мать развелась и ушла к другому), после поступления на иняз отец решил снять для сына жилье в центре. Тут и началась новая жизнь. Александр поселился в одной из двух комнат Дмитрия Хераскова, ведущего род от известного русского поэта. Дмитрий служил актером Пушкинского театра (бывшего Камерного, закрытого при Сталине). Дом располагался рядом с театром и был заселен его актерами, жили они шумно и весело, некоторые даже бегали и делали зарядку прямо на Тверском бульваре. Режиссера Таирова и его жену Коонен все боготворили, Саша даже послушал её исполнение «Пер Гюнта» в концерте. В библиотеке Хераскова студент впервые прочитал драматурга О «Нейла и восхитился им, но больше всего поразился, что дворяне Хера-

сковы поддерживали революцию, взахлеб рассказывали, как бегали на потрясающие речи Луначарского и его публичные споры со священником Введенским. Именно атмосфера жизни в квартире Херасковых подтолкнула Фролова к регулярному посещению библиотеки им. Ленина, а также чтению иностранной литературы, где как рифмоплет с детства он увлекся Мандельштамом и даже Кузминым. В институте по уши погрузился в учебу, иногда выпивал с друзьями в шашлычной рядом с кинотеатром повторного фильма у Никитских ворот. Однажды всей группой двинулись к цыганам в ресторане Химкинского вокзала, потом, чуть подвыпившие, рванули на ул. Горького, где один наш парень вдруг поднял на руки на проходившую даму, за что вся группа попала в милицию. Вот и вся жизнь: сплошная учеба, ни одного красивого просвета. Даже девушки не было: один раз промаялся с одной всю ночь, однако оба остались невинными агнцами. Закончил иняз с немецким и датским, в разведшколе осваивал профессию. Там будущие разведчики тренировали язык в театральных постановках на немецком, Александр даже сыграл Франца в пьесе Фридриха Шиллера «Разбойники». Затем женился и четыре года поработал в Бонне под прикрытием атташе посольства, занимался политической разведкой с упором на США — главного противника. Ему нравилось вращаться среди дипломатов, депутатов бундестага и партийных боссов, хитроумно обхаживать их, выяснять настроения, разрабатывать, как месторождение золота. Тянул из них разного рода информацию, иногда ценную. Вскоре Фролов понял, что политикой, как правило, занимаются середняки, не имеющие серьезных талантов, лишённые высоких устремлений и чувства юмора. Неизбежные дискуссии с враждебными элементами сделали его весьма опытным игроком, умевшим быстро менять свое мнение. Александр недолюбливал

провинциальный Бонн, зато обожал немецкую литературу. Еще студентом мечтал работать в Дании, увлекался сказками Андерсена, целый год стажировался в Копенгагенском университете после иняза. Его умиляли одиночки-рыбаки на набережной Копенгагена, они целый день просиживали под холодным ветром. Он влюбился в художественную галерею Луизиана близ гамлетовского замка Эльсинор. Там скульптуры Родена и Майоля красовались прямо на берегу моря, казались застывшими людьми, а лежащий в песке среди сосен человек Генри Мура приводил в трепет. О Дания, милое, игрушечное королевство! Чарующая демократия, даже сама королева Маргрете ходила отовариваться в универмаг Du Nord (однажды Саша чуть не врезался в нее при покупке). Так бы и работал в Дании, но случилась беда. Свел счеты с жизнью приятель Фролова, эстонец из Таллина, тоже стажер университета. Труп не вскрывали, вывезли в Москву, а там эксперты пришли к выводу, что его отравили враги советской власти из числа эмигрантов. При поступлении в разведку Фролову этот печальный эпизод вспомнили и на всякий случай нацелили на ФРГ, посоветовав глубже изучать западногерманских неонацистов.

Но вернемся на шестой этаж упомянутого здания, где капитан читал депешу. Неужели любовники увлекались Генрихом Гейне? О, странные совпадения в нашей непредсказуемой жизни — он сам восхищался поэтом. Случайность, конечно, но разве случайности не управляют нашей жизнью? Разве все мы не песчинки над грохочущей пропастью, как писал великий немец Эрих Мария Ремарк? Разве это образ чекиста, знакомый народу по фильмам и книгам? Не пахло подвигами разведчика-красавца Кадочникова или героя со щитом и мечом в тылу врага, окруженного на редкость отвратительными немецкими рожами. Как луч света в темном царстве, прорезался киношный

Штирлиц, да и то он был неправдоподобно идеален: по-мужски не пил, любил только жену и Родину, точнее, Родину и жену. Эх, заблудшие читатели, вам бы познакомиться и даже выпить с капитаном Сашей Фроловым, познать человека романтического, влюбленного в поэзию!

Итак, прочитав переписку Эльзы и её партнера, капитан предстал пред светлыми очами генерала Петра Федоровича Самсонова — заместителя начальника разведки. Старый зубр Самсонов мигом оценил депешу тамбовских коллег. Он пришел в органы на закате сталинских репрессий, во время наступления немцев на Москву минировал Большой театр, где Гитлер вроде бы хотел отметить победу. При Хрущеве пару лет просидел в одиночке, как соратник Берии. Хозяина (Сталина) уважал, однако свои взгляды не афишировал и твердо поддерживал антисталинские решения XX съезда партии.

Грубоватый Петр Федорович к молодому капитану относился по-отечески, даже с симпатией.

— Пикантное дельце! Подумать только, оба любят этого еврея Гейне! Нет чтобы Пушкина любить... хотя он тоже какой-то зулус... Ясно, что дело этим тамбовским мудакам не отдадим — всё завалят! Им бы только за границей обрахлиться... Спешить не будем. Надо глубже познакомиться с этим... Коргиным. Оформляй командировку в Тамбов.

«Тамбов на карте генеральной кружком отмечен не всегда». Капитан знал наизусть поэму Лермонтова «Тамбовская казначейша», даже слушал её из уст бабушки Шуры — матери жены. В городе бывал впервые, хотя хорошо помнил рассказы отца, брат которого погиб во время схваток с тамбовскими бандитами Антонова в революционные двадцатые.

Сразу поехал в управление КГБ, встретили его, как положено встречать столичного гостя: разместили в приличной гостинице, представили начальству. Александр попросил

устроить ему встречу с Глебом Коргиным, однако никаких своих планов не раскрывал, хотя этого от него и ждали.

На «москвиче» проехали в весьма бедную деревеньку близ Мичуринска, но дома хозяина не застали, соседи объяснили, что он торгует на рынке. Там капитан Фролов и познакомился с обрюзгшим, немногословным человеком, торговавшим свининой, куриным мясом и еще всякой всячиной. На чекиста Фролова Глеб Коргин реагировал сдержанно, хотя тот пригласил его в ресторан и даже пытался втянуть его в беседу о Гейне. О романе с Эльзой тоже был немногословен, мол, было дело по молодости.

Вернувшись в столицу, о своих впечатлениях Александр доложил генералу, мол, Коргин постарел, замкнулся, похож на доходягу, к заграничной операции не подходит.

— Небось тамбовские шустрики рвались в загранкомандировку, ведь они думают, что это каждому по зубам вербовать.

— Конечно. Но виду не показывали.

— Хрен им в зубы, переживут. Конечно, поедешь ты, но придется взять и этого типа. Мало ли, как себя поведет с тобой его баба... На встречу пойдете вдвоем, подготовь план работы с этой немкой. На месте узнай, как она бежала из ГДР? Коргина вызвать в Москву, обласкать, подготовить к встрече с его кралей! — завершил свои инструкции генерал Самсонов.

Так и порешили.

В Москве Глеба приодели в шикарный заграничный костюм, однако внешнее преображение отнюдь не скрыло безучастного выражения его лица и не разбудило интеллект. Сводили в «Арагви», он жадно пожинал сациви и шашлык, хохотал над анекдотами Фролова, с интересом слушал его рассказы о Гейне, водку пил аккуратно, боясь опьянеть и упасть в грязь лицом.

— Я доложил дело Председателю, получил санкцию на твой выезд и на встречу, — говорил генерал. — Помощь окажет наше представительство в Карлсхорсте. Из Восточного Берлина вы с Глебом конспиративно переберетесь в Западный Берлин, где живет Эльза. Вербовка может быть сложной, с её расписки сделай копию, возьмишь с собой, — напутствовал он.

Долетели до Берлина без приключений, в Карлсхорсте разместились в гостинице. Разумеется, в резидентуру Фролов поехал один. Встретил резидент Савенко — симпатичный служака, говоривший с украинским акцентом.

— Я уже получил указания Центра. У меня для Вас сюрприз...

В эту минуту в кабинет картинно вошел генерал Самсонов, он улыбался и был в отменном настроении.

— Не ожидал, Сашенька? — спросил старый зубр ласково. — Председатель приказал мне тоже ехать, авось, помогу своими скудными познаниями. Савенко, а выпить за встречу и успех операции разрешишь?

Савенко не заставил долго ждать. Выпили по рюмахе, поговорили о немцах, о пользе Берлинской стены, о сложности предстоящей операции.

Вскоре Самсонов, сославшись на дела, удалился.

— Умный у тебя генерал, — заметил подпивший Савенко, — и хитрован. Сам напросился в командировку, в случае успеха операции схватит орден, ну а ты, дай Бог, медальку получишь или шиш с маслом! Ну, и нас, дураков, ловко от выигрышного дела отстранил... «Гляжу я на нібо тай думку гадаю, чому ж я не сокол, чому ж нэ літаю...»

Тенор у него был приличный, и вообще он располагал.

Самсонов лично взял операцию под контроль.

— План вербовки Эльзы одобряю. Проверяйтесь всё время. Вот тебе магнитофон, его нужно надеть под пиджак.

— Зачем мне магнитофон? Он такой неудобный. Да и рискованно, мало ли что?

— Позже будет удобнее воспроизводить и анализировать процесс вербовки.

Потом Савенко добродушно прокомментировал:

— Твой начальничек не дюже тебе доверяет. Бойтся, что ты можешь липовать. Мой работник однажды пошел вербовать одного немца, оба напились в доску, и немец написал под диктовку расписку о сотрудничестве — наутро никто ничего не помнил. Нашего парня пришлось за липачество откомандировать, дать ему под задницу... а ведь неплохой парень был, пели вместе «Катюшу». «Расцветали яблони и груши...» — снова запел резидент.

Да, уважаемый читатель, вербовать иностранцев за границей совсем непросто. Это не триумфальные вербовки советских граждан, в которых преуспели внутренние органы. Там всё простенько и со вкусом: вызываем товарища в партком, проводим мысль, что сотрудничество — это дело партии. Или-или. Ну, а беспартийного можно прямо вызвать на Лубянку и деликатно намекнуть на последствия в случае отказа. Правда, проку от таких агентов было с гулькин нос. Другое дело — вербовать иностранцев за рубежом. Тут возможна и провокация, и подслушка, и неожиданная реакция объекта. Вот однажды в Амстердаме один америкашка взял и бросил в лицо нашему вербовщику кружку с пивом. И другой случай, когда во время вербовки появились крепкие парни и увезли нашего на допрос. Как призывал писатель Юлиан Фучик: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

Итак, визит на квартиру Эльзы.

Александр и Глеб приоделись, надушились и походили на процветающих кинозвезд. Запаслись щедрыми подарками.

По указанию Савенко, выделили автомобиль советского посольства с дипломатическими номерами, на котором часто выезжал в Западный Берлин завхоз — он и сидел за рулем. Двух наших героев положили на пол у заднего сидения, укрыли ковром, навалили сверху пустые ящики.

Смеешься, почтенный читатель? Хохочешь? А попробуй сам полежать под вонючим мешком! Разведка полна комических ситуаций, иногда живот разрывается от хохота. Классическое на явке:

Вопрос: «У вас продается славянский шкаф?»

Ответ: «Шкаф продан, есть кровать с тумбочкой».

Разве это не смешно? А ведь в работе чем абсурднее пароль, тем надежнее. Сколько было случаев, когда из-за простенького пароля оперативник принимал за агента случайного прохожего и раскрывал ему в беседе важные секреты! А разве не смешно, когда глуховатый агент на явке орет на весь ресторан: «Сколько заплатите за эту секретную информацию?» Или резидент в Лондоне, влюбленный в красивейший остров Маврикий, назначает встречу с агентом из США именно на этом благодатном острове в баре «Шотландия»? Агент с пересадками и передрыгами добирается до острова, а бар «Шотландия», блин, исчез. Не могут его узреть ни американский агент, ни лондонский резидент. Оказывается, год назад здание сгорело, такие вот пироги. Так что проверяй место прежде, чем назначить встречу, не полагайся на прошлый опыт.

Машина беспрепятственно прошла через пропускной пункт у Берлинской стены, завхоз приветливо помахал рукой знакомому стражу. Он нервничал и очень боялся, что западноберлинские власти засекут его участие в некой

грязной затее и устроят скандал или, не дай бог, арестуют на своей территории. А тут еще этот кагэбэшник Саша зловеще шептал из-под ковра:

— Ты, голуба, проверяйся, не спеши, можешь остановиться, посмотреть, нет ли наружки, заскочи для понта в магазин, купи что-нибудь.

Завхоз пыхтел и выполнял приказы.

Ничего подозрительного не обнаружили. Согласно плану проверки, утвержденному генералом, в пустынном переулке Глеб и Александр выползли из-под ковра и конспиративно прошли к остановке автобуса.

В автобусе Фролов внимательно изучал входящих и выходящих, фиксировал автомашины сзади и спереди. Вышли в намеченной точке, через проходник (на оперативном сленге это дорожка, проходящая через железную дорогу, что теоретически и практически отсекает машины наружки) вышли в намеченный район. Сели в такси, затем пешком протащились к дому Эльзы. Подъезд оказался незапертым, поднялись на лифте, Глеб неуверенно нажал на кнопку звонка. Открыла Эльза и в недоумении уставилась на пришельцев.

— Не узнаешь? Это я, Глеб Коргин, твой русский друг. Мы с Михаилом приехали туристами в Германию... — он говорил по-немецки, заикался от волнения и улыбался.

Эльза застыла от неожиданности, происходящее казалось нелепым сном. Механически приняла огромную сумку с подарками, врученную Глебом, такую тяжелую, что тут же пришлось передать её Александру. Пришла в себя, впустила в квартиру.

— Очень рада вас видеть. Вы пришли очень кстати, ко мне приехали погостить папа и мама.

Черт побери! Очень уж некстати. Какой уж тут серьезный разговор? придется мотать отсюда, не солоно хлебавши.

Незванные гости вошли и церемонно познакомились с родителями, те уже трапезничали за столом.

Глеб начал неуклюже вываливать подарки: банки с зернистой икрой и крабами «Чатка», матрешки, бутылки с водкой и, как ударный аккорд, огромного, мороженого осетра — такого даже в цековских буфетах не сыскать.

Родители, жившие в Лейпциге, потрясенно глядели на подарки. Разлили бутылку водки, выпили. Несмотря на приглашение, гости за стол не садились, и возникла общая неловкость.

— Извините, — промолвил капитан Фролов на великолепном немецком, — мы подневольные туристы, у нас сегодня масса мероприятий, мы спешим.

Все растерянно улыбались, ситуация выглядела нелепейшей. В коридоре Михаил, взявший на себя инициативу, обратился к Эльзе.

— Не могли бы мы с вами встретиться послезавтра в кафе «Адлон»?

— С удовольствием. Вы знаете, что это любимое кафе Гитлера? Вас за это не посадят?

Все захохотали и дружески расстались.

Снова автобус, проверка. Завхоз ждал в переулке с новыми закупками для легенды. Героев укрыл знакомым ковром и пустыми ящиками. Спокойно проехали пропускной пункт в свою часть Берлина. Произошла осечка, но через день была назначена встреча в «Адлоне».

А вы бывали в «Адлоне», уважаемый читатель? Стобит, и очень. Мне посчастливилось, когда появились баксы — тогда, собственно, всё началось с «Адлона». Ребята, что есть наша жизнь без путешествий? Ничто! Правда, некоторые заграничные туры проходили с невероятными приключениями. В туалете на станции в Ницце вляпался в экскременты. Ужасно, но это же не уборная великого писателя

Эрнеста Хемингуэя в его домике на Кубе, где всё уставлено книгами и пахнет виски! В ресторане Рима небрежно повесил на спинку стула пиджак, из которого приходящий мальчишка-певун слямзил две тысячи баксов. В Мадриде на переходе кто-то облил вином, отмыться помогли два подскочивших на помощь идадьго, вытащив попутно из шортов портмоне с водительскими правами. Выстояли часовую очередь в галерею Уффици, но неожиданно перед самым входом вклинилась тысячная группа китайцев. Постояли еще два часа. На кубинском пляже заинтересовался старухой с огромной сигарой в зубах. Тут же обступили девки, стали соблазнять. Упирался, как мог, они возмущались, зачем ты приехал сюда? Древних бабок клеить? Загорать, блин! Но это всё пустяки, туризм запоминается не sightseeing (осмотром достопримечательностей. — *Прим. ред.*), а именно чрезвычайными происшествиями. И это прекрасно! Разве интересно тупо наблюдать бой быков в Памплоне с отретпетированными переживаниями показушных матадоров и тоreadоров? Или не бежать вместе с быками перед началом выступления? Со спотыканием и падением наземь? Великие древности Китая запомнились меньше, чем внезапная пересадка туристов из автобуса в общий поезд, где бедные китайцы с неподдельным удивлением разглядывали иностранцев и даже трогали их руками...

Но самым первым туром был Берлин — Бранденбургские ворота — кафе «Адлон». «Не гремит колесница войны, что же вы не ушли от погони, на верху Бранденбургской стены боевые немецкие кони?»

На следующий день в Карлсхорсте разведчики стояли у карты Берлина, разрабатывали маршрут проверки к завтрашней встрече с Эльзой. Решили снова использовать завхоза, хорошо знавшего город.

— Глеба брать не надо, — говорил Самсонов. — Он будет разрушать атмосферу. Скажи ей, что он заболел: ну, разбила его невралгия позвоночника или артрит, как бывает у меня. Будь предельно обходителен и осторожен, к вопросу о расписке подходи по-кошачьи: медленно, не выпуская когтей.

Савенко уж вычертил на карте маршрут проверки для передачи завхозу, резидент очень нервничал, словно сам собирался сесть за руль. Да как тут не волноваться, когда эти москвичи могут устроить скандал на весь мир? Уедут, а кому расхлебывать?!

Глеб тем временем выпил у себя в номере стакан водки, ожил, развеселился и решил плюнуть на всё и поехать немедленно к любимой Эльзе. Беспрепятственно прошел через контрольный пункт «Чарли» у Берлинской стены, увидел ресторанчик и двинулся к его манящим фонарям, дабы подкрепиться перед встречей с дамой сердца. Там он и накачался, взял такси, где его совсем развезло. Еле добрался до квартиры Эльзы, она открыла дверь и сразу оценила его состояние. Глеб был весел и невменяем.

— Англичанин стал нам враг, Генрих Генри не дурак! — запел он и чуть не упал.

— Извини, я сейчас занята, до встречи завтра! — шокированная Эльза захлопнула дверь.

Глеб почти скатился вниз по лестнице, каким-то чудом нашел такси и добрался до гостиницы в Карлсхорсте — благо, что от Берлина до нее километров двенадцать, иначе бы заснул.

После выезда из восточного Берлина с Фроловым под ковром с ящиками завхоз, уже прошедший боевое крещение, почувствовал себя великим разведчиком. Он был возбужден, будто вез самого великого разведчика Зорге, а может быть, и сам превратился в героя.

— Ничего подозрительного, если они, гады, не идут параллельно. Сделаем поворот направо, а затем налево. Как говорят в вашей службе, «правое колено». Никого нет. Теперь «левое колено». Блеск! Пусто, как в пустыне Сахара. Вот и ваша остановка автобуса, начальник.

Бранденбургские ворота, кафе «Адлон». Место помпезное, оркестр из трех человек играл вальсы Штрауса. Вскоре появилась Эльза в эффектном, строгом костюме, капитан встал и пошел навстречу.

— Извините, что я пришел один... Глеб не может двигаться, у него приступ артрита.

— Как же он вчера приперся ко мне на квартиру совершенно пьяный? Или его подвезла скорая? — бровь её иронически взметнулась.

Большой пассаж. Правда, бывало и хуже.

— Извините, но мне было неудобно сдавать товарища...

Михаил проклинал в душе этого пьянчугу Глеба. Нет, чтобы напиться и мирно залечь в гостинице, а то вдруг взыграла кровь!

Далее всё разворачивалось в мажорных тонах. Фролов с видом гурмана придиричиво изучал меню, выбирал и советовался с официантом. Продегустировал три бутылки вина, всё возвращал, словно миллиардер в парижском «Максиме». Наконец, остановился на Chateauneuf-du-Pape, долго нюхал и морщился, велел чуть подогреть. Попросил оркестр исполнить старое польское танго, желательно со Славой Пшибильской. Музыканты радостно закивали, почувствовали не чужака с улицы, а знатока и меломана.

Эльза уже с первой встречи положила глаз на капитана. Красивый и элегантный друг Глеба ей понравился с первого взгляда, к тому же он свободнее говорил по-немецки и знал Генриха Гейне. А Глеб... Что Глеб? Он постарел, стал другим, а у любви, как у пташки, крылья... О, танго! Это

танец влюбленных, это любовный вулкан, слияние в огне двух жаждущих тел, бешеный трепет, это черт знает что. Танцевали томно, весь зал любовался ими. Цветочница поднесла корзиночку с фиалками, Александр вручил Эльзе все цветы — она сияла от счастья.

— Я пару раз была в этом заведении, однажды оно сгорело вместе с отелем дотла, это уже новое здание, — говорила Эльза.

— Я заметил, что вы знаете толк в ресторанах, я даже никогда не пробовал морской язык, который вы заказали...

— Неужели? Это обыкновенная камбала. Очень дорогая и вкусная рыба.

— Дорогая? — удивился капитан. — У нас она стоит копейки и имеет прозвище одноглазой, извините, бляди, которая сама пришла в магазин. Я не люблю рыбу и потому заказал телячий бифштекс «Адлон».

— У вас тонкий вкус. Вот видите, какие мы разные, — она обняла его за шею.

Он процитировал Гейне:

«Я делал глупое выраженье.
Потом уехал. И мимо бежали
Деревья, как духи под бледной луною».

«А воздух звучал голосами печали,
И призраки мертвых летели за мною», —

откликнулась она. И положила голову ему на плечо.

Вернулись за столик, выпили шампанского.

— Вы такая красивая. Вы работаете?

— Разумеется. Но давайте не будем об этом. Потанцуем?

И они снова прошли в середину зала, оркестр играл «Лили Марлен», известный хит Марлен Дитрих, блондинистая певичка пыталась ей подражать:

«Если в окопах от страха не умру,
Если мне снайпер не сделает дыру,
Если я сам не сдамся в плен,
То будем вновь крутить любовь с тобой, Лили Марлен...»

— Вы действительно вылитый граф Гангский! — кокетничала она.

Опять Гейне, как он надоел, попробуй теперь от Гейне — к вербовке.

— О да, моя Беатриче, — ответил капитан и легко поцеловал её в щеку.

— Я не люблю Данте. Такая скука читать его бессмысленные гуляния по аду...

Пора подходить к делу. Начал как бы нехотя. Первая проба пера.

— Вам передают приветы друзья... — Что-то невидимое пробежало по её лицу: не поняла или сделала вид? Что ж, переждем. Еще одно проникновенное па. Еще одно. Пауза.

— Они часто вспоминают вас... с большой симпатией... — Пауза. Одно па, два па, три па. Неужели не усекала, чертова баба, не дошло?! Ведь такое не забывается.

Никакой реакции, карамба! Что делать? черт побери, что делать?! А может, действительно, она обыкновенная дура, ничего не помнит, подписывает и забывает...

Вернулись к столику, выпили. Действуй же, действуй, не мандражи, не вражеский же дот закрываешь грудью!

Он одним махом достал расписку.

— Вот еще записочка от друзей... — старался мягко стелить, даже слишком мягко, голос, правда, чуть не сорвался.

Она взглянула на расписку и побледнела. Вытерла платком губы, резко встала, грозно выпрямилась. Прищурила глаза.

— Я вызову полицию.

И пошла к выходу каким-то твердым, почти строевым шагом.

Дело запахло жареным. Александр почти побежал за нею.

— Что вы, Эльза? Вы меня неправильно поняли. Я пошутил...

— Отлично поняла, — шла к выходу с каменным лицом.

— Давайте я вам всё объясню, — пытался удержать её за рукав.

— В другой раз, прекрасный граф Гангский, в другой раз...

И исчезла, как возмущенная тень.

От волнения у него чуть не выпал из-под пиджака магнитофон, — самое время нагреть полицию... Впрочем, слова женщины — всего лишь слова, тысячу раз перерешит. «Слова, слова, слова», как говорил принц Гамлет. А вдруг нет? Что тогда? Спокойно, дружище, спокойно, у нас еще всё впереди. Не будь тряпкой, ты же офицер!

Больше всех волновался Савенко, он бегал по кабинету, размахивал руками.

— Она доложит своему начальству... международный скандал, ополчится вся пресса, так и жди провокаций у нас... Вам надо срочно уезжать!

— А ты что кладешь в штаны? — разозлился генерал. — Сидите тут спокойненько под крылышком немецких друзей, сосете у них информацию... Разве не так?

— Да вы же давали хорошую оценку нашей информации.

— Давал и буду давать. Только с вас не слезу, пока сами не начнете вербовать. Уезжать? Это тебе следует уезжать за хилые результаты. А пока немедленно вышли в Москву этого пьяного сумасброда Глеба! С сопровождением: мало ли, что он отколет...

Савенко ахнул, а генерал Самсонов отвернулся к хмуromу Фролову.

— Не слушай этого перестраховщика. Никуда не поедешь, через день ей позвонишь и пригласишь в ресторан, словно ничего не случилось.

Тем временем, однако, случилось неприятное происшествие: жена Фролова, красавица-актриса Нина, подала на развод: явилась в отдел кадров службы и заявила, что не хочет больше мучиться, намаялась за четыре года в Бонне, когда муж день и ночь работал. Её пытались отговорить, увещевали, говорили о патриотизме и важности служения Родине. Однако актриса не сдрейфила и держалась, как кремень.

Это ЧП было изложено в телеграмме из Москвы.

Фролов переживал, не понимая причин. Супруги жили примерно, никогда не ссорились, оба обладали природным чувством юмора. Правда, обожая Блока, иногда цапались из-за его творений: Нина не выносила поэму «Двенадцать», считая её вульгарной подделкой и заискиванием перед Советами, Саша же находил поэму гениальной. Нина обычно приходила после театра поздно, муж уже засыпал, просыпался в семь утра, а у актрисы рабочий день начинался в одиннадцать, и она еще спала. Эх, разве кто поймет, почему произошел развод? Что будет теперь с их сыном Колькой? Ведь она наверняка возьмет его с собой. Нина обладала характером решительным и бескомпромиссным, её боялись все вокруг, даже грубиян-продавец из мясного магазина внизу. Однажды ввела в ступор скандального соседа, грозно спросив его: «А ты рожал?!» Тот обомлел и старался с тех пор не попадаться ей на глаза. До замужества жила с любимой бабушкой в небольшой комнатке (деревянный ангелок висел в углу под самым потолком) — части коммуналки. Мать тоже служила актрисой, во время выступлений перед воинами на фронте попала в немецкий плен. После войны вернулась на родину, прошла жесткую «фильтрацию» органами, которые не раз-

решили ей работать и жить в Москве. Сошлась с известным режиссером и уехала с ним в сибирский театр.

Так что в биографии капитана имелось множество изъяснов, правда, он их совершенно не замечал — служил, делал свое дело.

Но развод — дело серьезное и неприятное.

Фролов знал, что у жены появились ухажеры. Сам видел её с одним актером на скамейке в садике театра Моссовета. Правда, и сам Александр сидел на другой скамейке в отдалении, причем с дамой-режиссером, что ничего дурного не доказывает.

Александр сумел договориться по телефону о встрече с Эльзой, думал, что будет сложно, но она сразу согласилась. Словно камень упал с сердца.

В прекрасный «Адлон» не повел: опасно светиться в одном и том же ресторане — нашел другой кабачок поблизости. Танцевали сдержанно, к вопросу о расписке не возвращались. Неужели всё кончено и к прошлому возврата нет?

— Поехали ко мне! — вдруг сказала она и прильнула к нему. Словно замороженный, он двинулся за ней в такси.

В квартире стали бешено целоваться. Эльза сбросила с себя платье, стала снимать с Александра брюки.

— Извини, дорогая, я сегодня не совсем в форме...

— Что с тобой?

— Потом расскажу. А сейчас у меня срочные дела. Приеду к тебе послезавтра в двенадцать. Пообедаем у тебя.

И отбыл, оставив женщину ломать голову в загадках.

Разве она знала, что в почтенной организации Фролова на установление известной связи с разработкой требовалась санкция начальства? И правильно! Иначе бы накушались еще одной свободой в правах человека...

В Карлсхорсте народ трудился. В кабинете шефа по радио исполняли Чайковского.

— Вообще-то всё идет как положено, — заметил генерал, выслушав доклад Фролова. — Хорошо, что не согрешил, горячее будет. Помнится, я в такой же ситуации не удержался, однако вербовка не выгорела, а на парткоме мне впаляли выговор. Санкцию даю на свой страх и риск. В Москве потом оформим рапорт, как требуется. Так что действуй! Купи ей хороший подарок, например, золотую брошь.

— Служу Советскому Союзу! — улыбнулся Фролов.

— Служи, пока не посадили... — аукнулся черным юмором генерал.

На следующий день Александр явился с букетом цветов, бутылкой шампанского и подарком. Оба уже не скрывали своих чувств и замерли в объятиях. Далее произошло санкционированное и неизбежное. Потом выпили шампанского, Эльза раскрыла подарок.

— Что это? Золотая брошь? Огромное спасибо, но, кажется, ваш Ленин писал, что будет делать из золота унитаза. Я не возьму этого. Это очень дорого. К тому же, я не люблю золото. Помнишь, что писал в «Утопии» английский канцлер Томас Мор?

— Ты что, коммунистка?

— Я не интересуюсь партиями. Это не моё. Я вообще не терплю политики, там сплошные лгуны, причем по зову сердца! И вообще, прошу тебя, не принимай меня за дурочку. Думаешь, я не понимаю, кто ты такой?

— Разве я не говорил, что журналист?

— Может, ты и журналист, но из КГБ! Разве не так? Какой у тебя чин? Майор? Молодой полковник? Гордость разведки КГБ? Или ты работаешь в Министерстве любви? И ты бакалавр любви, нет, магистр!

— Что с тобой? Что ты придумала? — и он перекрыл её монолог поцелуями.

Наступила долгая пауза. Вдруг она процитировала Гейне, отрываясь от поцелуев:

«Женское тело — те же стихи!
Радуясь дням созиданья,
Эту поэму вписал Господь
В книгу судеб мирозданья».

Когда на пути обратно пересекли Берлинскую стену, Фролов попросил завхоза сбросить его в центре. Задумчиво пошел, рассматривая витрины, заскочил в кафе и выпил рюмку-другую. Он был влюблен и не знал, что делать.

— Ты сегодня какой-то пришибленный, — заметил генерал, — такое впечатление, что ты болен. Или ошалел после ласк? Бывает... Уж не слишком много наводящих вопросов она задает? Не разрабатывает ли она тебя... Не подстава ли она? Как говорят мудрецы, доверяй, но проверяй!

— Это исключено!

— Ничто в жизни не исключено, Саня. Может, вас фотографируют вдвоем в интересном положении, а потом явятся господа хорошие из разведки тебя вербовать...

— Да я их пошлю на.

— Не сомневаюсь. Но проверить эту бабу надо.

— Не говорите так о ней, — вспыхнул капитан.

— Ого! Однако... какой ты чувствительный... Купи подходящий бюстик Гейне, мы туда заделаем кое-что и будем её слушать. Это лучше, чем презренный металл совать! — он хохотнул. — А пока мы её будем слушать, тебе стоит сделать перерыв. Ей скажешь, что дела. Это полезно для любящей женщины.

— Вы так думаете? — Фролов помрачнел.

— «Путь она поплачет, ей ничего не значит», — смеясь процитировал Лермонтова генерал Самсонов, что лишний раз доказывает склонность к юмору в КГБ.

Приказ есть приказ, правда, сердце болит, не может смириться с враньем и мнимым отъездом.

«Твое сердечко — бриллиант. Огонь его так ярок. И счастлив тот, кому пошлет его судьба в подарок».

С этими стихами Гейне и с бюстиком поэта Фролов явился к Эльзе. Пили финьяшампань, ели уже готовых куропаток, купленных капитаном в лавке, слушали Луи Армстронга.

— Что-то ты невеселый сегодня? Неприятности?

— Да нет, всё хорошо. Правда, придется на недельку отъехать в Москву.

Эльза насторожилась.

— В газету?

— Ага.

— А я думала, что ты до сих пор работаешь заезжим туристом. Вместе с Глебом.

Он промолчал.

— Странно, а почему ты ничего не спрашиваешь о моей работе? — она прищурилась.

— А зачем?

— Однако, ты очень хитрый, полковник Саша!

— Опять ты о своем...

— А если я работаю в подразделении разведки НАТО?

— Брось валять дурака, мне это совершенно неинтересно.

— Это очень интересно, что тебе «неинтересно!» — хохотнула Эльза.

Впрочем, любовь — это большое королевство. Говорили обо всем на свете, миловались, слушали музыку, бросались

объединенными косточками куропаток, играли в карты. Расстались нежно и со слезами, без всякой игры.

Фролов маялся в надоевшем Карлсхорсте, не знал, чем заняться, думал об Эльзе.

Генерал позвал его с собой в оперный театр на Унтерден-Линден, слушали «Летучего голландца» Вагнера, но вскоре ушли — не пошло. Перешли в кинотеатр на фильм о Бонде, через десять минут покинули зал. Не вынесли, что русские показаны идиотами. Да и Бонд — это бабник и цирк. В жизни всё по-другому.

Прошла неделя.

Самсонов сидел в резидентуре вместе с Савенко, напряженно слушал результаты прослушивания квартиры немки.

Мужской голос. Пистоль, опорожнили вы кошелек мистера Слендера?

Голос Эльзы. Клянусь этими перчатками, опорожнила! Пусть мне иначе не входить в свою гостиную. Семь гротов шестипенсовиками, два стертые Эдуарда для игры, за которые, клянусь этими перчатками, я заплатила Киллеру по два шиллинга два пенса за штуку.

Мужской голос. Слова неправды у тебя в устах, Слова неправды. Лжешь, нагар и накипь!

Вошел Фролов и тоже вслушался в текст. Потер лоб, женский голос принадлежал Эльзе.

— Какой-то бред, — вымолвил он.

— Попахивает английской разведкой, — многозначительно вставил Савенко. — Мистер Слендер, шиллинги и пенсы... Англичанка всегда гадит.

— На редкость сложный шифр! — генерал нахмурился. — Какая-то хреновина, никогда не встречал. Да... дело пахнет керосином. Надо переслать запись в Центр для ана-

лиза. Кажется, Сашок, мы вляпались в большую задницу. Помнится, такое чувство я испытывал, когда фрицы обманом взяли Майкоп. Фриц из Эстонии, вырядился в красного комиссара, и на отличном русском приказал нашему коменданту сдать город. Тот, дурак, и сдал.

— Но почему они говорят на этом странном языке? — хлопал глазами Фролов.

— Технический прогресс, — заходил по комнате генерал. — Противник шлифует мастерство, усложняет шифрование, вводит нас в заблуждение. Всё это, Саша, предстоит узнать у твоей мадам. Тут что-то готовится. Как бы тебя не арестовали. На встречу возьми сигнализатор, в случае форс-мажора нажмешь кнопку — мы вышлем команду на случай захвата. Савенко, снабди его дипломатическим паспортом для страховки. Разумеется, на другое имя. Машину завхоза не используем, спокойно перейдешь через пункт Чарли!

Да какое тут, черт возьми, спокойно? Как ни крути, а холодок в животе, сумбур в голове. Да нет! Не может Эльза быть провокатором! Почему не может? Небось, и Мату Хари, всего лишь любопытствующую о перемещениях дивизий, никто не подозревал. А потом расстреляли за шпионаж. Работай, капитан! «Играй же на разрыв аорты с кошачьей головой во рту!» Тьфу, с какой стати лезет в башку Мандельштам?

Заснуть не мог, как ни старался. И валерьянку пил, и таблетки глотал, и теплый душ принимал. А когда, наконец, под утро задремал, приснился кошмарный сон, просто кафкианский. Эльза и он предаются любви. Внезапно двери взламывают, и в комнату врывается толпа фотографов во главе с английским полковником в форме и в неестественно огромных сапогах. Александр пытается и не может достать свои трусы с пола, но полковник картинно наступает

гигантским сапогом на них. Оглушительная музыка Бетховена, переходящая в «Интернационал».

Под эти звуки капитан проснулся, привел себя в порядок, взял в руки.

На пути к Эльзе проверил сигнализатор, ощупал магнитофон. Как давит на шею этот ремень — всё же у нас еще несовершенная техника, тяжелая и неуклюжая. Вперед, вперед! Нас честь зовет туда, где к славе путь прямой! Разведчик о славе не думает. Великий Зорге работал во имя Родины, казнен и закопан в японской земле. Не жена Катя, репрессированная родными органами, а верная любовница-японка ухаживала за могилой. Радует ли слава его прах? Кто помнит героев-нелегалов, перестрелянных в годы репрессий? Да что Сталин! Хрущ тоже не поленился, расстрелял, кроме Берии, бывшего главу Смерша Абакумова, куратора всех спецслужб, министра Меркулова и других неугодных. Где ты, слава? Где прошлогодний снег?

Фролов осмотрелся вокруг и осторожно вошел в дом. Эльза встретила его в шелковом халате, в доме был беспорядок, на креслах валялись бумаги, раскрытые книги. Не обыск ли прошел? Почему всё перевернуто?

— Представляешь, в нашем любительском театре мне неожиданно дали роль в пьесе Шекспира «Веселые виндзорские кумушки». Это Пистоль, спутница пьяницы Фальстафа. Я репетирую целыми днями... Вот тебе пьеса, играй все мужские роли!

Какой пассаж! Что скажет генерал? Вот тебе и вражеская подстава, и прогресс в шифровании! Бред сивой кобылы. Как он раньше не догадался? Ведь он читал и любил Шекспира.

Капитан покорно взял томик и начал подыгрывать.

Фролов за Фальстафа. Правда это, Пистоль?

Фролов за Эванса. Нет, это фальшь, раз это было карманным воровством.

Эльза за Пистоль. Ну ты, черный иностранец! Сэр Джон и мой хозяин, я вызов шлю жестяной этой шпаге! Слова неправды у тебя в устах, Слова неправды. Лжешь, нагар и накипь!

Александр уже захлебывался от смеха, но читал и даже что-то играл.

Фролов за Слендера. Тогда, клянусь этими перчатками, это сделал вот он.

Фролов за Нима. Ну, вы, сэр, эти шутки оставьте. Я ведь могу тоже сказать вам «попался», если вы вздумаете напустить на меня полицейских ищеек. Зарубите у себя на носу.

Тут на Алекандра напал такая истерика, что он уже не мог читать, он давился от смеха.

Фролов за Слендера. Тогда, клянусь этой шапкой, вот эта красная рожа. Хоть я и не помню, что со мною было, когда вы меня напоили, но не такой же я всё-таки осел! И капитан рухнул на пол, содрогаясь от хохота.

Эльза смотрела на него с нежностью, она тоже не могла удержаться от хохота. Выпили шампанского, успокоились.

— А у меня для тебя сюрприз, товарищ полковник, — и протянула книгу больших размеров.

— Что это?

— Не притворяйся, пожалуйста, шпион недоделанный! Тебе это не идет. Это шифровальная книга нашего хозяйства. Разве ты этого не хотел? Небось, мечтал, дырочку в мундире сверлил? Но выносить её нельзя, я должна сегодня вернуть её на место. Я позаботилась о тебе... — и она протянула ему миниатюрный фотоаппарат «Минокс».

Конечно, Александр сразу всё понял. Шифры НАТО! Мечта любого разведчика, такое счастье редко приваливает, это удача, это жар-птица! Принесла с фотокамерой, которую знал досконально и пользовался ей неоднократно.

Начал лихорадочно фотографировать шифровальную книгу. Быстро собрался домой.

— Ты забыл меня поцеловать... Спешешь доложить? — Эльза насмешливо улыбалась.

Он действительно забыл, но исправил этот промах.

В Карлсхорсте изучали фотографии шифровальной книги.

— Это успех! Победа! — сиял генерал. — Теперь сможем читать всю переписку этого шпионского гнезда! — От волнения он облизнул губы. — Эх, какие шифры перед войной добывала разведка! Сталин изучал стенограммы бесед английского кабинета, досконально знал все, что происходит вокруг Рузвельта. Да и немецкие шифротелеграммы читали, имея агента в английском дешифровальном центре Блечли.

— Я сам не ожидал... — Александр был растерян.

— Ожидал, не ожидал, какая разница? Получишь орден и «подполковника», перепрыгнув через «майора», — ликовал Самсонов.

Фролов лишь улыбнулся, выглядел он подавленным, что-то угнетало его.

— Проведи еще одну встречу. Затем улетаем с этим делом в Москву, поедешь со мной. Доложу лично начальнику, — генерал посмотрел на часы, словно уже опаздывал на самолет.

Не зря поют «с любимыми не расставайтесь», это противопозаказано, это бесчеловечно, это невозможно! С таким настроением Александр прошел через контрольный пункт

к Эльзе. Встреча прошла сумбурно. Сквозь поцелуи и слезы прорывались слова: «Я уезжаю». — «Но ты вернешься?» — «Конечно, но точно не знаю, когда, ничего не знаю... люблю тебя». — «Люблю тебя, люблю, всегда буду любить». Дальше уж полились слезы. Уносит ли разлука любовь, не знает никто, но разлука влюбленных — это когда уходит из-под ног земля и сердце превращается в дрожащий комочек горя.

Слегка успокоившись, он перешел к делу.

— Мы высоко оценили твою помощь. Как я понимаю, ты не против нашего сотрудничества?

— Какого еще, к дьяволу, сотрудничества? Я люблю тебя, разве этого мало?

— Я тоже люблю тебя. Но ведь без сотрудничества нельзя.

— Нельзя любить без сотрудничества? Что ты мелешь, товарищ полковник? Да меня мутит от всех разведок! И наших, и ваших, и даже со стороны небесных ангелов. Или ты не любишь меня?

— Я тебя обожаю, моя милая... На время уеду в Москву, но скоро вернусь. Очень скоро.

Расставались со слезами.

Самсонов и Фролов летели вместе.

— Ты не расстраивайся, брат, насчет развода, — утешал генерал. — Актрисы — ненадежный элемент, они не пара для разведчика, нам нужна любящая домохозяйка, в идеале радистка Кэт. Многие считают, что все артистки развратны, но это фигня. Они любят театр, не могут жить без театра, а ты обрек её на одиночество в обывательской советской колонии, в бездушном Бонне. С кем ей общаться, если ты сутками на работе? К тому же дворянка из Рюриковичей. Не тужи, брат! Женишься на примерной девуш-

ке — будет сама готовить тебе баклажанную икру, утку с яблоками запекать, согревать по ночам...

Фролов тянул сухое вино и молчал.

Кабинет начальника разведки выглядел аскетично. К огромному письменному столу приставлен небольшой столик — туда хозяин сажал важных сослуживцев и гостей из других ведомств. Разумеется, и сам туда иногда садился. Портрет Ленина на стене — один из последних, где Ильич скорбный и особенно справедливый. Полка со справочной литературой (на видном месте Маркс, Энгельс, Ленин, сборники с решениями съездов), карта мира на стене. Письменный стол с прибором итальянского мрамора и бронзовой чернильницей — подарок резидента, которого знал еще со школы, множество ручек в кожаном стакане. Посередине стола — большой красный карандаш, им он правил беспощадно. Порядок и аккуратность вошли в кровь шефа еще со времен его работы в ЦК партии.

— Что ж, поздравляю, твой успех отметим. И Фролова тоже. Данное дело я держу на контроле и не помню рапорта о вербовке этой прекрасной дамы.

— Шифры она принесла по своей инициативе, однако от сотрудничества отказалась, — генерал несколько смутился.

— Ох уж эти прекрасные дамы, от них так и жди подвоха... — вздохнул шеф. — Конечно, Фролова будем двигать, перспективный кадр, а кадры решают все. Она красивая?

— Не видел. Интеллектуалка, любит поэзию, особенно Гейне. Почитает англичанина Мора, помните?

— Конечно, помню, я же семинар по партучебе веду. Кажется, Гейне с Марксом был знаком или с Энгельсом... Кра-

сивое дело! Хотя признаюсь тебе, Петр Федорович, между нами говоря, мне не по сердцу эти оперативные соблазнения, эти медовые ловушки. Всё-таки у нас есть кодекс коммуниста, а тут вопиющее нарушение морали.

— И что? Мы же не институт благородных девиц! — возразил Самсонов. — Да понимаю я всё... Но сердце свербит. А эту даму, как положено, оформи... Внесем в агентурную сеть. Разве все наши помощники знают, что они агенты? Тем не менее они такие же герои.

В Москве стояла зима, дул легкий ветерок, снежинки слетали с крыш, достигали даже памятника Юрию Долгорукову. Прохожие боязливо глядели вверх: не пронзит ли огромная сосулька? Редкие автомобили медленно проезжали мимо Моссовета.

Самсонов вошел в любимый «Арагви». Генеральская бекеша с каракулевым воротником, слегка заломленная папаха. Его тут уважали, метрдотелем служил отставной полковник, бывший подчиненный, он и помог разоблачиться, проводил в отдельный кабинет.

— Заказ обычный! — бросил Петр Федорович.

Фролов уже ожидал его за столиком.

— Привет, будущий подполковник, что ты такой понурый? Кухня тут отменная, ресторан близко от работы. Мэтр обещает первоклассные шашлыки, настоящую чачу и хванчкару прямиком из Грузии. Я бы на твоём месте плясал от радости: «Знамя» и прыжок через звание редко бывают!

— Я хочу подать рапорт об увольнении... — слова упали, словно лёд с крыши, разбились о пол.

— Шутишь?! — у Петра Федоровича отвисла челюсть.

— Я совершенно серьезен, я хочу жениться на Эльзе... — язык еле ворочался, застревал, будто боясь провалиться.

— Ты с ума сошел! — Самсонову показалось, что у него самого поехала крыша, и для равновесия он тут же хлопнул рюмку чаи, услужливо налитую самим мэтром.

— Я долго думал об этом, Петр Федорович. Я понимаю, что с Эльзой мне не место в разведке.

— Конечно, нет! Это против правил, — генерал встал и нервно зашагал по кабинету. — Но ты подумай, пошевели мозгами. И заверши дело. Хрен с ней, не хочет стать агентом — и не надо. Пиши рапорт о внесении Эльзы в агентурную сеть под новой кличкой «Джувьетта». А насчет увольнения и новой женитьбы — это бред собачий! Чем будешь заниматься? Сапоги шить? Ты же офицер, слуга народа... — генерал разволновался и пропустил еще одну рюмку. — До чего мы дошли, если проверенные кадры ведут себя, как дети? Что это? Влияние оттепели? Или Запада? Вроде бы напомнили народу процессы Даниеля и Синявского, что не бывает абсолютной свободы, ведь даже Евтушенко писал: «Настоящей свободы — её ни у нас, ни у вас». Да что этот поэт, у Маркса изречено, что «свобода — это осознанная необходимость».

— Петр Федорович, я с детства пишу стихи и прозу. Сошелся в редакции. Безуспешно. В свое время хотел поступить в литературный институт... У меня полный шкаф рукописей, стихов... я мечтаю стать писателем! — не унимался чуть воспрявший Александр.

— Кому это всё нужно? Ты, Саша, просто псих! — третья рюмка прошла легко, как игривый бриз.

— Знаешь, я тоже влюблялся, однажды просто втюрился по уши, разводиться задумал. Начальство отговорило, полковником был, рвался в генералы. Потом... жена заболела, умерла. Женился второй раз — и счастлив... — генерал закашлялся, выпил боржоми.

Разговор вроде бы получился, а вроде бы и нет.

В Москве Фролова ждало объяснение с отцом, недавно вышедшим на пенсию.

— Глупость, конечно, с отставкой, но тебе решать. А вот с женитьбой не торопись, мало тебе одного развода. Ведь немка, иностранка. Я в свое время с одним иностранцем чуть общался, дома бывал. А потом его вдруг посадили, и он, дурак, прямо на Лубянке бросился вниз с лестницы. И перед смертью — с чего бы? — вдруг назвал мое имя. Меня затащали с допросами, отстранили от секретной работы.

— Так это при Сталине!

— Это, сынок, при России, а в ней всякое может быть... — не унимался отец. — Тебе же еще алименты платить! На что жить будешь? Какое счастье, что мать умерла, она бы с ума сошла!

Александр не спорил с отцом: тот прошел сложную жизнь, как и всё его поколение. Войны, вечный дефицит, казни вплоть до «ленинградского дела» и других гонений. Борьба с космополитизмом, с заблудшими генетиками Морганом и Вейсманом, композитором Шостаковичем, поэтами Ахматовой и Пастернаком. Даже с неким Мурадели, написавшим патриотическую, но порочную оперу «Великая дружба». В конце жизни отец предпочитал заниматься внуком Колькой, даже катался с ним на коньках в парке Горького. Любил на Пасху посидеть у младшего брата Гришки — слесаря, с которым когда-то пел в церковно-приходском хоре. Жена брата прекрасно готовила форшмак и рыбу фиш (гефилъте фиш) — откуда эта страсть к еврейской пище у истинно русской, деревенской бабы? Водочка, охлажденная до боли в зубах, подогревала воспоминания, пели негромко псалмы, особенно пятидесятый. «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот твоих очисти беззаконие мое. Наипаче омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя...» Отец считал, что научно-тех-

нический прогресс приведет к вырождению и гибели человечества, вытравит из душ всё светлое и нежное. Часто повторял то ли Лао-Цзы, то ли Конфуция: механизмы испоганят человека, сделают его сердце ледяным, выветрят из него романтику и фантазию.

Добавлю от себя, терпеливый читатель. Вот сэр Уинстон Черчилль изрек: «Демократия — наихудшая форма правления, если не считать всех остальных». Наихудшая! Так неужели среди просвещенных гениев человечества не нашлось ни одного смельчака, который попытался бы эту «наихудшую» исправить? Пытались и коммунары, и корезившие станки луддиты, и большевики... Не вышло. А хитроумные китайцы приспособили к своей системе капитализм без демократии и в ус не дуют. Вам это нравится? Абсолютной свободы не существует в природе, избиратель в большинстве своем — быдло и золотая рыбка прохиндеев-политиканов.

Суд идет, размеренным шагом шествует суд.

Театр полон, ложи блещут.

Занавес разводного процесса открывается. Мантия была к лицу судье — высокой даме с пышной прической. Жена Нина тоже не отставала, приделась в вечернее платье, вошла торжественно, словно на аплодисменты после триумфального спектакля, держа за руку десятилетнего сына. Александр Фролов, одетый в серый твид с диагоналевыми брюками, не произвел никакого впечатления, правда, народ высоко вскинул брови, когда стороны публично поцеловались. Дальше последовала откровенная скучища: односложности типа «не сошлись характерами», «с дележкой собственности и квартиры сами разберемся». Ни взаимных крикливых упреков, ни потасовок с выдиранием волос. Сын Колька с интересом смотрел вокруг и улыбался.

Развод состоялся. Молоток судьбы отстучал три раза.

После суда все трое двинулись в шашлычную, славно выпили и закусили, но, в конце концов, разрушили идиллию и поругались. Из-за чего? Да из-за той же пресловутой княгини Юрьевской.

— Жуткая была выжига эта княгиня, — отметил Саша, — зажирела в царских двух миллионах, а еще три миллиона он ей завещал. Огромная сумма, ведь тогда классный особняк на Мясницкой стоил тысяч двести! А у царя Николая затребовала еще двести тысяч рублишек на содержание, бедняга содрогался от её просьб...

— Это выдумки, ведь были другие расходы — дети, наконец, к тому же в Ницце всё дороже, чем в России... — Нина, как валькирия на баррикаде, отстаивала честь династии.

— Не подчищай свое древо, даже честнейший князь Барятинский считал её дурной бабой, подумать только, сразу после смерти императрицы заказать себе вензель Екатерины III! Помню его отзыв: «Много я видал на веку отчаянных баб, но такую еще не встречал!»

В парткоме беседовали более приземленно и по-разному, использовали проверенный принцип «доброе и злого следователя». Сначала стелили мягко: «Не надо ни отставки, ни женитьбы. Дадим тебе выговор, переведем на периферию, через год вернем и повысим. Отправим в хорошую резидентуру». Потом говорили покруче: «Отберем казенную квартиру, исключим из партии, и никуда ты не устроишься! Еще неизвестно, с какой женщиной ты работал, может, она тебя завербовала?!» Скучно на белом свете, господа, невероятно скучно! Даже в парткоме.

Тем не менее Александр Фролов уже готовился к новой жизни. Размен квартиры — самое жуткое — произошел легко, Фролов перебрался в «однушку» в Бирюлеве, а Нина с сыном двинулась к маме, устроила еще одну комбинацию,

и мамина «двушка» превратилась, как по волшебству, в «трешку».

Будущая звезда литературы, он перебирал рукописи, сортировал книги. Раздел мебели оставил на совести бывшей жены, для себя, правда, сохранил «горку» — эдакий стеклянный шкаф с изысканной посудой, явно вывезенный из поверженной Германии и купленный в комиссионке. В «горке» стоял умопомрачительный бокал из Мурано близ Венеции, туда Фролов выезжал на встречу с ценным агентом. Такие операции случались редко, но оставляли приятные воспоминания. Так, в Бейруте он посетил варьете с живыми слонами: сладострастная арабка исполняла танец живота, в бурном финале сорвала с ноги оранжевую подвязку и швырнула в зал. Разумеется, драгоценный подарок приземлился не на плешь какого-нибудь азиатского менялы, а прямо на столик тогда еще старлея Фролова. О, подвязка, пахнувшая раем! Приходя в гости, отец регулярно нюхал её и восторгался развратным капитализмом: «Додумались же, гады! Так бы её всю жизнь и нюхал...»

Саша тоже иногда нюхал подвязку. Еще в юности он увлекался эротикой и замирал над «Дьяволом» Льва Толстого: там плотоядный помещик уводил в овраг полемойку, и она лукаво спрашивала у него: «Голомя?» Юноша замирал над страницей, правда, потом полемойку вытеснила Анфиса из шишковской «Угрюм-реки». Увы, небезупречен был и студент Фролов, мысленно раздевавший преподавательницу датского Надежду Павловну, добросовестно повторяя за ней популярный в Дании тост якобы викингов: «Дин скооль, мин скооль, алля вакра фликорс скооль!», — что означало: «Твоё здоровье, моё здоровье, здоровье всех красивеньких девушек!»

Подозрительный читатель может подумать, что студент Фролов попал в Данию благодаря протекции преподава-

тельницы датского Надежды Павловны... О, нет! Даже и мысли такой не допускай, дорогой читатель, окстись!

Но в Данию всё же попал. Не сразу адаптировался к обстановке. Фролова шокировал разгул порнографии в витринах магазинов: не какие-нибудь картинки в стиле индийской Камасутры, а случки коров и козлов, даже мужчин с козами. Свободолюбивые датчане создали в столице заповедный участок, где царили общечеловеческая мораль и свободная любовь, — назвали «республика Христиания». Торговцы наркотиками и алкоголем, жульё на каждом углу, беспризорные, оборванные дети, грязные двухэтажные полусараи с балконами, где ржали лошади и по утрам заливались петухи. Там единой и дружной семьёй радовались бытию мужчины и женщины, коты и кошки, кобеля и сучки, лошади и попугаи. Повсюду сушилось бельё на веревках, сновали в обнимку пары, близкие к соитию, и валялись алкоголики. Разумеется, район, как саранча, заполнили проститутки и педерасты.

Стажер Фролов однажды даже встретил там советского посла в Дании Ивана Захаровича — бывшего боевого генерала, после войны брошенного партией на укрепление советской дипломатии. Разумеется, посол посещал Христианию не из-за пристрастия к извращениям, а в целях более глубокого изучения утопического социализма, уходящего к Сен-Симону и Кампанелле. «Происхождение семьи, частной собственности и человека» Фридриха Энгельса принадлежало к его любимым книгам, и республика Христиания являлась неким образцом, хотя и несовершенным, коммунистической организации общества. Иван Захарович положил глаз на молодого стажера, причем по понятной причине. Известно, что после Октября поездка за границу стала своего рода привилегией для избранных, и Дания пользовалась особой популярностью в партийно-правительствен-

ных кругах. Отсюда огромный наплыв высокопоставленных особ и соответствующая загрузка дипломатического персонала, включая повара. Собственно, именно из-за частых приемов послу даже пришлось переехать из посольства в двухэтажную виллу у парка, ведь кухня в посольстве отравляла жизнь дипломатам, и они жаловались в профбюро на отвратительные запахи, мешавшие обдумывать проблемы советско-датских отношений. Отметим, что под профбюро было законспирировано партбюро: со времен революции руководство страны опасалось обвинений в создании незаконных коммунистических ячеек, что в двадцатых привело к налету полиции на одно посольство.

Но почему посол со своих высот вдруг потянулся к стажеру? Дело в том, что ни сам посол, ни дипломаты не могли бросать тень на должность и водить высокую публику по притонам и прочим аморальным местам, а вот безответственный стажер подходил. Деятели среднего партийного звена показывали грязноватый Ньюавн — любимое место заезжих пьяниц-моряков, переполненное отпетыми проститутками. Там однажды Фролов накололся: зашел с двумя обкомовцами в пивнушку, и вдруг на колени к замсекретаря обкома по идеологии плюхнулась толстая шлюха. Никто и виду не подал, что произошло нечто из ряда вон выходящее, все мирно выпивали и закусывали, при этом не отставала и шлюха, трахала рюмку за рюмкой прямо с колен ответственного партработника.

— Как же вы выдержали такое испытание? Почему не согноли? — спросил его потом Михаил.

— Как же я могу? Ведь она тоже пролетариат... Это неэтично, не по-нашему — отвечивал партиец.

Высшее руководство, особенно из ЦК и политбюро, принимали на ином уровне. Ресторан Gröne Kakadu, на вид непримечательный, находился рядом с вокзалом и не был

похож на английский клуб, где швейцар с позументами, платное членство джентльменов, шикарная библиотека, где можно пропустить портвейна, почитать газеты и отдохнуть после скудной ресторанной кухни. В «Попугае» у бара — разодетые красавицы, пахнущие «шанелями» и «диорами». Белые леди, негритянки, персиянки, японки, китайки, словно подружки, собрались поболтать друг с другом. Тихий блюз и медленные, поднимающие дух танцы. Гость имел право на один бесплатный танец (только на один!) — за границей тоже обожают халяву и могут затанцевать до утра за просто так. Некоторые приглашали даму за столик, она не скромничала, что выливалось в шикарное пиршество: цены были заоблачные. Сторговывались и в танцах, и за трапезой, шептались, шелестели купюрами, ругались, расставались, сходились. Богатых счастливых прямо в здании ожидали покои с бескрайним ложем под балдахином.

О, любезный и неиспорченный читатель, не кусай локти, не горюй, что прожил жизнь бессмысленно и безвкусно. Надеюсь, отведал хоть чуточку счастья в свободные девятые годы? Насмотрелся на вереницы примадонн вдоль московских дорог, на шеренги жриц любви во главе со старшей дамой — старшиной? Облизывался, ощупывал карманы? И мне, несчастному, тоже не подфартило. Не познал шика иностранных борделей, не нюхал «шанелей», не сорил там зелененькими из-за скудости финансов. Правда, один раз посчастливилось побывать туристом в амстердамском «квартале красных фонарей», потолкаться, поглазеть на кривую толстуху в витрине. И то беда! Слишком долго любовался уродиной, она выскочила и с проклятиями погналась за мною, благо, выручило такси.

Капитан Фролов начал обживать свою однокомнатную квартиру. Нормальная квартира, правда, на первом этаже, что всегда привлекает вору. Но капитана эта проблема не

волновала: ценных вещей в квартире не было, а сбережения как честный советский человек он хранил в сберегательной кассе.

Однажды его посетил старый друг Витя Васильев — прошедший всю войну артиллерист, потом работавший советником посольства и в МИДе.

— Полностью одобряю твое решение, старик! Женись на своей немке и будь счастлив. Вот мы, человеки, гонимся за карьерой, завидуем другим, а жизнь летит, как птица, и вдруг... Тебя уж нет. Посему дорожи каждой минутой жизни. Ты сам знаешь, что с женщинами я осторожен, они как бы с другой планеты. Ты читал «Железную женщину» Берберовой? Это о Муре Будберг, вроде бы великой. Последние годы жила в Лондоне, и я однажды посетил её на квартире. Любовница, агент чекиста Петерса — заместителя Дзержинского. Одновременно и Брюса Локхарта — английского дипломата и шпиона. Постоянная любовница Максима Горького, законная жена Герберта Уэллса, потом снова с Горьким, сидит у его смертного одра. Не сама ли умертвила по приказу вождя? Скажи, Саша, чем она отличается от продажной шлюхи? Молчишь? Если серьезно, ничем, но тем не менее умная и порядочная баба!

В свое время Александр крепко дружил с Витей, оба увлекались кино и даже ухлестывали за одной кинозвездой. На международном кинофестивале в Москве пытались прорваться к одной кинозвезде в ресторан, однако стражи, несмотря на дипломатический паспорт советника Васильева, путь к счастью заблокировали. Вместе путешествовали в отпуске — не в санатории ездили. Однажды махнули на Сахалин, там царило сплошное пьянство, еле выбрались, увезя с собой по чемодану засоленной горбуши. Другой раз рванули на Иссык-Куль, поперлись в горы для ознакомления с аулами, поднимались с проводником, таща на спине по

рюкзаку с водкой, задыхались, но дошли. Киргизы напились в дым, гости так изнемогли от подъема, что воздержались, зато покатались на ослax.

— Но мне пора. По одной на дорожку? — Володя вдруг заторопился.

— Вискаря?

— Не. Приелся... давай по сто водки. С прицепом. Пиво в погребах имеется?

После прицепа Васильев попросил ключ от квартиры для randеву с «одной симпатичной девушкой», и туда зачастил. Однажды Александр пришел домой чуть раньше и с ней познакомился. После неожиданного вызова Васильева на работу девушка, точнее, дама в летах расположилась было продолжить удовольствия с владельцем квартиры, однако Саша воздержался из этических соображений — отдадим должное его моральному облику. По необъяснимой игре случайностей в ту же ночь в его окно постучали. Александр всмотрелся в темноту и разглядел яркую блондинку, явно под хмельком. Высунулся в форточку: «Что надо?» — «Душ можно принять?» — спросила шельма. Не впустил.

Тут уж не только рука (с отрубленным, как у отца Сергия, пальцем), но и всё тело просит поставить Фролова в один ряд со святым Антонием, пережившим чудовищные искушения, и вручить ему знак «Почетного чекиста», если уж не «Андрея Первозванного».

О сыне Кольке Александр не забывал, однажды решил вместе с ним и отцом съездить в Суздаль. Погрузились в «Москвич-408», захватили портативные газовую плитку, столик и, конечно же, палатку, — какой смысл летом париться в душевой гостинице? В городской ресторации отведали знаменитые суздальские огурчики, стерлядку, мест-

ный квас, потом сходили в баньку, похлестали друг друга вениками. Вышли, выдохнули пар. Церкви на каждом углу — благолепие. «Жаль, что мы как коммунисты помолиться в церкви не можем...» — ворчал отец.

Но Колька в церковь пошел. Правда, не молился, а прихватил у какого-то мальчика игрушечную машинку для своей коллекции. За это был репрессирован — лишен мороженого. В ответ последовала агрессивная риторика: после ужина у костра скрылся вечером в лесу, затаился, не отвечал на нервные призывы взрослых, в общем, показал характер, щенок. Явился около полуночи, мрачный и обиженный.

Тут и новое событие подвалило. На работе у Фролова раздался звонок из приемной КГБ на Кузнецком мосту. Сообщили, что явился некий гражданин Глеб Коргин и ожидает его в приемной. Причину визита называть не стал. Капитан удивился и спустился вниз. Глеб несколько похудел, выглядел опрятно, даже благородно.

— Я уже не пью, завязал, лечился, вставили в задницу «торпеду». И знаешь, стало легче жить. Снова Гейне ожил в памяти. Но я по другому поводу. Помоги по старой дружбе мне выехать в Берлин к Эльзе, тамбовский КГБ меня не пускает.

Фролов напрягся. Разумеется, Глеб ничего не знал о планах разведки, но просьба бывшего любовника его возмутила: мало ему, что чуть не сорвал всю операцию?!

— Сделаю всё, что могу! — уверил его капитан с улыбкой. Только еще не хватало, чтобы этот алкаш встретился с прекрасной Эльзой! Сразу после встречи позвонил в Тамбов, кратко рассказал о внезапном визите Коргина и поддержал решение ни в коем случае не выпускать его из страны.

Летело время. Остались позади и развод, и размен, и поездка в Суздаль — всё проходит под солнцем, пройдем и мы.

Телеграмма пришла внезапно. На следующий день он радостно помчался на Белорусский вокзал. Эльза прибыла с туристской группой.

Поехали с группой в отель, где, деликатно отослав в галерею соседку-немку, предались любви.

— Нас слушают? — внезапно спросила Эльза.

— И, наверное, видят, — со смехом ответил он, — тут везде в стенах камеры, везде глаза и уши!

Свадьбу справляли дома в семейном кругу. Отец приоделся, щеголял в галстук-бабочке и смокинге, выглядел, как постаревший артист оперетты.

Собирались немногочисленные гости.

Пришла Нина с сыном, любезно поздоровалась с Эльзой, будто и не бывшая жена. Одевалась скромно, на днях какой-то прохожий, взглянув на её когда-то шикарную шубу, ехидно бросил: «Мадам, как блестят на солнце ваши шеншеля!» Что такое «шеншеля», Нина не ведала, но посмотрела в словарь, узнала, что это «шиншилла», обиделась и решила строже одеваться.

Колька не преминул ляпнуть, блеснув эрудицией:

— Правильно, отче, что уходишь с этой службы! Теперь станешь как Пушкин, и поедем гулять в Гурзуф, где поэт пил и веселился в компании братьев Раевских!

Появился предельно серьезный Глеб с букетом белых роз, увел в сторону Эльзу и зашептал:

— Умоляю тебя, не выходи! Он бросит тебя, он ненадежен... подожди немного...

Растерянная Эльза не знала, как себя вести.

Генерал Самсонов явился с сервизом из саксонского фарфора, начал тривиально:

— Поздравляю с законным браком!

— Абсолютно незаконным, — рассмеялась Эльза, — мы решили не расписываться.

— Ничего себе мерси... вы просто как старые большевики. Свободная любовь? А ведь семья — основа государства! — и генерал в шутку погрозил пальцем.

Свадьба как свадьба: все чуть подпили, но напился один Глеб. Вот вам и «завязал», и «торпеда», а пьян в дупель. Сначала спел «Какой обед нам подавали, каким вином нас угощали, а я пила, пила, пила...» из оперетты «Перикола», затем оттащил в угол Фролова и устроил ему сцену ревности, мол, обманул, отбил, последний негодяй, великим Гейне прикрылся, ублюдок. В итоге мирно заснул на диванчике.

Элегантная Нина сдержанно выпила за счастье новобрачных и добавила игриво: «Ты, Сашенька, не унывай насчет карьеры, наш Колька всё-таки потомок Рюриковичей — вырастет, станет императором Николаем III, пристроит тебя, поможет».

Витя Васильев раскрыл глаза на женское нутро словами Проспера Мериме: «Каждая женщина — зло, но дважды бывает прекрасна: или на ложе любви, или на смертном одре». За Эльзу!

Генерал Самсонов был навеселе, и нарушил правила конспирации: «Поработали, вы, ребята, на славу, стащили у врага шифры, помогли Родине, хотя в рамки нашей морали не уложились. Горько!» — и вдруг затыкнул, а остальные подтянули: «Бей в барабан и не бойся беды, и маркитантку целуй вольней, в этом смысл глубочайших книг, в это смысл философии всей!»

А что дальше?

Дальше люди жили, работали, умирали. Ушли и были похоронены на Ваганьковском генерал Самсонов и отец Александра, завещавший выгравировать на своем памятнике слова поэта Алджернона Суинберна:

От страсти к жизни быстротечной
Освободясь, от страшных снов,
Благодарим своих богов
За то, что жизнь не длится вечно;
За то, что мёртвые навеки
Укрыты крышкой гробовой;
За то, что, утомившись, реки
Находят в море свой покой.

Отставной капитан Фролов с головой окунулся в литературу, мечтал создать если не шедевр, то что-нибудь стоящее. Представлял общение с писателями, нежные объятия и поздравления, писал же от души, сердца своего не щадил, за длинным рублем не гнался. Как он в молодости мечтал войти в центральный дом литераторов, обняться в вестибюле с писателями, еще не сняв кожаного пальто! А уже за столиком неожиданно его сбросить, показав собратьям по перу генеральский мундир в орденах... Немая сцена, как в «Ревизоре».

Но жизнь оказалась суровее: вход в литературу больше походил на десант в тыл врага. Написал антицерэушную пьесу, согласовывал в министерствах СССР и РСФСР, выступая как дипломат. Будто не представлял наивный капитан, что советские служащие считали всех дипломатов гэбистами и врагами истинной культуры. В любом случае — чужак! Зажрался в своих заграницах, на пьески потянуло! Ты поработай в минкульте, поживи на нищенскую зарплату, а то жируешь за границей, куда истинным интеллигентам путь закрыт...

Теребил Фролов и другие приюты муз: завлекал завлитов театров, кормил и поил их в ресторанах, но вскоре понял, что пользы от них как от козла молока — всё решает режиссер. Начал обхаживать, одному даже квартиру предоставил для тайного свидания с актрисой его театра. За другим помчался аж в Одессу, где режиссер гастролировал с театром, но тот умело увиливал — Фигаро тут, Фигаро там... Внезапно просыпался, казалось, что звонит Олег Ефремов или Марк Захаров, говорит, захлебываясь от слез: «Я прочел вашу удивительную пьесу, не могу заснуть... браво!»

Мечты, мечты, где ваша сладость?

Но так и не довелось русскому Шекспиру раскланиваться со сцены вместе с актерами — пришлось отставнику перейти на суровую прозу и написать шпионскую повесть. Писал легко, собственную жизнь переиначивал, зашифровывал, фантазировал.

Уже, как гром среди ясного неба, разразилась горбачевская перестройка, публика жаждала свежака. Журнал с руками вырвал повесть, убрал лишь пассаж о закладке в автомобиль презерватива, наполненного динамитом: опасался, что все террористы мира возьмут эту секретную информацию на вооружение и подорвут Кремль. Триумф! Гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс! С восторгом изучал пассажиров метро, углубившихся в повесть, омывал с закадычным другом каждый номер в ресторане ЦДЛ. Однажды после пьянки приехал к бывшей жене Нине похвастаться текстом, однако она уже спала, и, вместо похвал, получил по мордасам. В результате свалившейся славы народ узнал, что автор служил в разведке и отнюдь не безмолвствовал. Благодаря телевидению особо глазастые читатели останавливали в метро, задавали острые вопросы, развивали сюжет, обсуждали героев повести и, разумеется, предлагали

выпить. Встречи с читателями в книжных магазинах оказались еще более убийственными: никакого интереса к творчеству автора, надпишите, плиз, пару слов маме или больной бабушке. Последней каплей явилась поклонница, узнавшая адрес Александра и заснувшая на подоконнике рядом с его квартирой, это покорило даже терпимую Эльзу. Даже за граница заворошилась: перевели в Болгарии, пригласили на книжную ярмарку в Иерусалим, правда, там не столько превозносили уникальность повести, сколько обнюхивали автора с целью вербовки на ЦРУ.

Перестройку Фролов давно ожидал и встретил с энтузиазмом, как и большинство народа. Однако, услышав о призывах к общечеловеческим ценностям, оторопел. Что это за общие ценности у человечества, раздираемого вечными разбродами и войнами? Потом востепенулся: да это обычная демагогия, народ всё проглотит, да еще «спасибо» скажет. Сашу и Эльзу покорило хаотичный вывод советских войск из ГДР, почему-то проходивший под чутким руководством жуликоватого адвоката, при этом генералы активно строили дачи. Зачем было реформаторам уничтожать своих союзников по Варшавскому договору, которые тут же перебежали во враждебную НАТО?

Александр и Эльза слегли с высоким давлением, когда суд ФРГ выдал ордер на арест главы ГДР Хонеккера, его сначала вывезли в Москву, а потом... решили вернуть обратно. Тогда несчастный старик попросил убежище в чилийском посольстве в Москве, но вскоре был доставлен в Берлин и предстал перед судом. Разве это перестройка? Это предательство! Фролов возмущен выступлением Ельцина в конгрессе США и его лизоблюдством перед штатниками за борьбу с коммунизмом и считал, что Горбачев обязан был его арестовать за незаконное решение о распаде СССР. Тут подоспел и августовский путч. Александр

и Эльза преодолели свои колебания и вышли на защиту свободы и демократии, кстати, вместе с сыном Колей.

Наступило чуть ли не братание с Западом, особенно с понаехавшими оттуда мошенниками. Сын Коля уехал учиться в США, там влюбился в американку, женился и родил дочку. Разбогател, построил стареющему отцу загородную дачу, бревенчатую и с кирпичным камином. Кроме дочки у него появился сын Федя, который вырос и пошел другим путем: отказался от американского гражданства, вернулся в Россию и ушел воевать в СВО против украинских бандеровцев. Так что судьбы у нас, грешных, неисповедимы и смешаны, как в толстовском доме Облонских.

Было и светлое пятно еще при Ельцине: пригласили в Сочи на кинофестиваль «Кинотавр», где происходила смычка киношников с разведкой. Там Фролов встретил своего старого знакомого Мишу Вольфа — бывшего шефа разведки ГДР, пережившего все судебные передраги после объединения Германии. Вместе с ним посмотрел ранее запрещенный фильм «Прощай, Америка», сделанный великим Довженко по приказу Берии. Фильм поведал о «вербовке века»: оболыщении ведущим солистом московской оперетты дипломатки, первого секретаря посольства США в Москве Аннабеллы Бюкар. В результате мадам попросила политического убежища в Москве, написала разоблачительную «Правду об американских дипломатах», вышла замуж за солиста и прилежно вещала на США в советском радиокомитете. Потом Александр славно выпил с Маркусом Вольфом за славное прошлое обеих разведок.

Удивился, когда к власти пришел Путин, ведь в то время новая элита травила КГБ, вменяла чекистам все смертные грехи: и кровавые репрессии Сталина (после XX съезда КПСС КГБ твердо осуждал репрессии), и похищенные «деньги партии», не говоря уже о голоде, просчетах в войне

и дефиците. Даже гибель Галича и смерть Высоцкого — дело рук КГБ, палачей народа. Александр не понимал, за что гнобят коммунистов, сам он, коммунист и разведчик, всю жизнь боролся за интересы страны, а не мировой революции, многие его коллеги защищали родину от фашистов, вернулись с войны израненные, отнюдь не одобряли сталинских чисток и вовсе не были тупыми конформистами.

Время и старость подтачивают душу, Фролов перестал писать книги, ограничился газетными статьями. Новое время воспринимал неоднозначно. Презирал приватизацию и дикий капитализм, удивлялся, что «бабло» вдруг превратилось в цель жизни. Почему на телевидении идет программа «Как стать миллионером?», а не «Как стать умным человеком?» Ради бога, давайте призы, но зачем такая заикленность? В то же время противоречивый старик радовался отсутствию дефицита и присутствию немецкого рислинга и пива, к которым привык в Бонне. Хотя трындел, что продукты уже не те, похожи на фальшак, печеночный паштет даже не пахнет печенкой, а все эти фуа-гра — сплошная химия. Неизбежные болезни требовали дорогих лекарств, интернет заполняли лживые статьи о неких мгновенно исцеляющих средствах, инструкции к лекарствам печатали таким мелким шрифтом, что только в телескоп разглядеть. Угнетала молодежь, уткнувшаяся в айфоны, особенно мажоры на папиных порше, снимающие на видео сцены насилия ради лайков — вот ужас, за это под суд!

Ах, эти старики, ничем им не угодить! Неслучайно дикари на острове Фиджи убивали своих стариков. Неудивительно, что Александр возликовал, когда мы вернули Крым и начали войну с бандеровцами, фактически со всей НАТО — этому он отдал лучшие годы жизни. Неужели перестанут хаять всё советское и поднимется слава России?

Эльза давала частные уроки немецкого языка, подружилась с ученицей — актрисой, мечтавшей уехать в ФРГ. Правда, дама оказалась лесбиянкой, жаждущей оборотиться в мужчину, и фанаткой ЛГБТ — Саша только хохотал, но Эльза страдала и отлучила новую подругу. Зато часто общалась с Ниной, а она приобщила немку к обожаемому Блоку, обе восхищались строчками:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

В дальние страны особо не тянуло: Фролов уже наездился, а Эльза изучала Россию. Правда, когда мужу взбрело в голову написать очерк об английском поэте Уолтере Рэли, пришлось впервые посетить Лондон. Туманов не увидели, англичан не возненавидели. Александр два дня провел в Тауэре у темницы башни Бошан, где сидел Рэли, в то время как Эльза любовалась старыми вóронами и йоменскими стражами — бифитерами. Вот великий Рэли — мореплаватель, пират, историк, поэт, вечно искавший свое Эльдорадо: «Через ад, через рай, всё вперед поезжай, если хочешь найти Эльдорадо». Бросил под ноги королевы Елизаветы свой золотистый плащ, стал её любовником, писали друг другу послания, вырезая их алмазами по стеклу, — куда там до них Александру II и Катрин Долгоруковой!

Но вот беда: боевой адмирал и государственный муж, как мальчик, влюбился во фрейлину двора Бесси Трокмортон и, к ужасу шестидесятилетней королевы, женился. Скандал в благородном семействе, Елизавета выгнала свою фрейлину. Но нашла предлог, чтобы заточить неверного любовника в неприступный замок Тауэр. Много лет он просидел в комфортабельной темнице замка, много писал,

вышел на волю к своей Бесси. Но топора палача всё же не избежал: новый король приказал отрубить ему голову по придуманному поводу. Безутешная Бесси до конца жизни хранила рядом со своим ложем заспиртованную голову своего Уолтера.

Как ни странно, у башни Бошан Фролов думал об Эльзе и своей судьбе, и в Москве об этом размышлял. Какая бурная жизнь и каким серым выглядит его, Фролова, существование... «Интересно, что сделает с моей головой Эльза, если даже её не отрубят? Или я схожу с ума?»

Вот и сейчас, поздней ночью, ему казалось, что он сходит с ума. Кружилась голова, мерещились наши танки, расстреливавшие дом с нашими парламентариями, завораживающие огни ресторана «Адлон», умирающий отец, сжимавший его руку в последнем прощании. «Всё в нас — актерство, до последних поз, и только умираем мы всерьёз», — мелькнули в голове слова Уолтера Рэли.

Эльза уже спала.

Александр выглянул в окно.

Сквозь падающие снежинки поблескивала луна. Брызгами рассыпались звёзды.

Камо грядеши?

Жизнь была прекрасна, хотелось бессмертия.

Эльза вызвала скорую помощь.

Сталин и арбузы

По свидетельству А. Т. Рыбина (в «Записках телохранителя Сталина»), «на территории дачи были великолепные сады и виноградники, зрели арбузы... Ведь помощник коменданта Афанасьев держал на учете все арбузы, мандарины и ягоды, за всё отчитываясь перед Сталиным, который зорко следил за поспевающим урожаем». Это подтверждают и родственники Афанасьева.

Сталин проснулся, как обычно, около одиннадцати часов, пару раз повернулся, но залеживаться не стал. Уселся на жесткой кровати, протер глаза. Надел махровый халат, прошел в ванную, побрился опасной бритвой, чуть подправил усы. Переоделся в белый костюм, внимательно осмотрел себя в зеркале, одернул френч и вышел в сад. Тут же, словно невидимки, за спиной появились два охранника, держались на расстоянии. Одним глазом Сталин глянул вокруг и с удовлетворением отметил, что зашевелились кусты, что-то зашуршало за забором. Значит, безопасность на уровне. Иосиф Виссарионович приучил себя к короткой прогулке перед завтраком, особенно приятной, когда лицо ласкал легкий утренний бриз с моря. Зеленую дачу под Сочи он жаловал, но долго жить там не мог — тянуло в горы, на озеро Рицу, да и соображения безопасности диктовали перемену мест. Вся аллея была усажена розовыми кустами и кипарисами, мелкая щепенка тре-

щала под мягкими сапожками. Навстречу уже шел Афанасьев Сергей Федосеевич, личный охранник и помощник коменданта дачи, за ручку вел девочку лет шести:

— Здравия желаю, товарищ Сталин! Это моя дочка Маринка.

— Здравствуйте, Сергей Федосеич! И ты, Мариночка, здравствуй!

Сталин пожал руку охраннику, он привык здороваться за руку со всеми товарищами по партии, включая охрану. Марине тоже нежно пожал ручку, подошел к розовому кусту, сорвал цветок и протянул его девочке.

— Красавицей будешь, когда вырастешь!

Пошел дальше, Афанасьев с дочкой следовал рядом.

— Ну что, Сергей Федосеич, дефицита арбузов в этом году не будет?

— Никак нет, товарищ Сталин, зреют нормально.

— Это хорошо! А то у нас многие жалуются на дефицит, письма в ЦК пишут...

— Страна у нас такая, товарищ Сталин, писать любит, благо, все грамотные стали.

Девочка тем временем норовила сорвать еще одну розу, но отец её удержал.

— Путь рвет, сколько хочет! — приказал Сталин. — Вам что, жалко? Детям ничего нельзя жалеть, ведь коммунизм строим.

— Так точно, товарищ Сталин!

А Сталин подумал о дефиците в стране. Этот проклятый дефицит преследовал его: почему плохие урожаи? Почему колбаса только в Москве, почему не хватает одежды? Кто виноват? Да, это он отменил НЭП, введенный великим Лениным — многие коммунисты взбунтовались, ведь Ленин писал, что «НЭП — это всерьез и надолго». Разве не он, Сталин, разогнал троцкистов и старых большевиков, фанатич-

но веровавших в мировую революцию? Это и есть ленинский стиль, не случайно вождь революции назвал его «чудесным грузином». НЭП всегда существовал, как мина замедленного действия, оказывающая разлагающее влияние на весь народ. Даже преданные партии коммунисты начали шляться по нэпманским ресторанам, жрать устриц и тискать публичных девок, не говоря уж о беспартийных гражданах, завидующих и подражающих. Смердящая система НЭПа была уничтожена им, Сталиным, как порождение частной собственности и свободного рынка. Лучше дефицит во всем, чем возрождение капитализма со всеми его пороками! Истинный революционер должен быть аскетом, как Рахметов у Чернышевского, если потребуется, спать на гвоздях и не опускаться до благополучия мещанина. Вот и его дача скромная: жесткая кровать, рабочий стол, никаких картин и разных финтифлюшек. Презирал и карал генералов, вывозивших из поверженной Германии дорогие картины, шикарную мебель и шубы: даже славный полководец Жуков получил за это и прочие грехи по заслугам. Да, овеянный славой герой войны! Но и на солнце есть пятна. А на солнце товарища Сталина имеются пятна? Сколько угодно, но не для публики. Страна не может жить без вождя. Сам всегда любил и пел «Добьемся мы освобожденья своей собственной рукой!» Но это блажь, сладкая манная каша для масс. Какое освобожденье без сильной руки лидера?

Подчиненные знали его привычки и стиль жизни, копировали по мере сил и глупости: некоторые на своих дачках картины Шишкина из «Огонька» вырезали и к стенкам пришили, мол, любуйтесь, какие мы скромные, какие антибуржуазные! И всё страх! Перед кем? Да перед Сталиным и партией. Страх — движущая сила истории, увы, просмотренная Марксом. Страх бросает целые народы на смерть и на подвиг, не только на создание новой жизни, но и на

несусветные мерзости вроде фашизма. Кто сказал, что мы выиграли бы эту жуткую войну без страха навсегда лишиться очага и всех радостей жизни, без страха попасть в Смерш как дезертиры и предатели, без страха перед тенью великого Сталина?

— А у нас не будет дефицита арбузов? — отвлекся от своих мыслей Сталин.

— Никак нет, товарищ Сталин, — перепугался охранник. Иосиф Виссарионович улыбнулся в ответ и пошел завтракать, а папа с дочкой спустились к морю. Поедая гречневую кашу с молоком, Сталин из окошка наблюдал за парой и вдруг вспомнил о своей «хозяйке» Светланке. Как она там? Выросла, влюбляется во взрослых мужиков... распущенных. Недосмотрел: нет времени на воспитание. Поручил всё начальнику охраны Власику, а он с одним сыном Васькой не справляется. Но сын всё же не дурак, прошел войну, как боевой летчик, генерал, хотя и с дурным характером. Руки до него не доходят, руки великой и трудной страной рулят. А сын пьет. Была бы жива Надя, нежное существо, сумасбродное — дернуло же её застрелиться... Он помрачнел, но взял себя в руки.

Тем временем Сергей Федосеевич с дочкой стояли на берегу и смотрели, как начинался небольшой шторм. Волны набегали и убегали, словно играли друг с другом, камешки не успевали высохнуть и поблескивали под солнцем. Покрикивали чайки, взметаясь к небу, растолстевший буревестник беззаботно грелся на берегу, погруженный в самого себя и важный, словно царь птиц. Недалеко располагался пляж, предназначенный для избранных друзей: особенно вождь жаловал маршалов Ворошилова и Буденного — соратников по Гражданской войне, они располагались в гостевом доме. В этот раз на пляже уже делал зарядку Буденный: методично двигал руками, приседал и подрыгивал вместе со своими

роскошными усами. Затем маршал сбросил трусы, вышел на небольшой дебаркадер и смело нырнул в море. Разумеется, пляж был изолирован и абсолютно безлюден, стесняться было некого — так уж повелось, что мужчины предпочитали купаться голыми. Сам Сталин купаться не любил, на пляже не бывал, в трусах и тем более голым его никто никогда не видел.

Марина с интересом смотрела на обнаженного маршала, но отец утянул её в другую сторону.

— Папа, а кто такой товарищ Сталин?

— Долгий разговор... Но это большой человек...

— Папа, а ты большой?

— Конечно, большой... Но по-своему.

Нашла, моя любимая, с кем сравнивать. Жизни ведь почти не видел. Бедная деревня на Полтавщине, отец погиб на германской войне, мать кормила с помощи коровенки. Призыв в армию, затем предложили в НКВД, окончил спецкурсы, парень был здоровый и мускулистый — поручили заниматься охраной. Довелось охранять Сталина на Тегеранской конференции, где тот встречался с Рузвельтом и Черчиллем, это великая честь. Большой ли он, папа, человек? Никогда не думал об этом. Может быть, большой, а может, и маленький. Против судьбы не попрешь. Но человек, и при важном деле. К партизанам во время войны забрасывали для скрытной ликвидации одного предателя, орденом наградили. Да и сейчас на даче забот по горло, особенно когда сам Сталин приезжал. Обеспечение высококачественными продуктами с обязательной дегустацией в целях пищевой безопасности, чистота помещений, постоянный ремонт, поддержание в порядке сада с ценными деревьями и клумбами и, наконец, фруктово-огородное хозяйство, к которому вождь имел особое пристрастие. Особенной заботы требовали клубника и малина, не говоря уже о бахче с арбузами, которые своего рода экзотика для Кавказа.

Завтрак подали, как только Иосиф Виссарионович уселся за стол. Ни клеенок, ни скатертей не любил — простое дерево ближе натуре и душе. С удовольствием начал с мацони, съел для здоровья овсянки, равнодушно прожевал куриную котлету, прописанную доктором, и потянулся к медной турке с кофе по-восточному. Истинно наслаждался, смаковал каждый глоток, попутно просматривал срочные телеграммы, уже стопкой ожидавшие его на столе. Глаз был наметан, быстро выдергивал нужное и требовавшее решений. Внешние дела подождут: пока наша армия в Европе, никто не пикнет. Правда, в странах народной демократии много проблем, надо укрепить коммунистов, да и процессы над противниками не помешают. Трумэн, конечно, серый мышонок: недалекий, но опасный — английский премьер Эттли явно уступает умному Черчиллю, так как всё сделает под дудочку США. Внутренние дела посложнее — надо подумать. Встал, отер салфеткой усы и снова вышел на воздух. Охрана ожидала на скамейке.

— А где Маринка?

— К подружкам побежала, скучно ей со мной, товарищ Сталин

— Что ж, и моей молодежи со мною скучно, Сергей Федосеич. Проедем, товарищи, на бахчу — как там наши арбузы?

Небольшая бахча располагалась недалеко, но потребовался автомобиль. Зрелые, большие и средние, маленькие, почти крошечные недозрелки. Последние и начал полоть Иосиф Виссарионович.

— Посмотрите, Сергей Федосеич, на эти недоспелки, почти все гнилые, очень напоминают Каменева и Зиновьева. Зиновьев, конечно, известный болтун, а с Каменевым я сидел, весьма приличный человек. С нами еще Свердлов Яков сидел, я ему как-то в шутку в похлебку плюнул. Все смеялись.

Он разломил прогнивший арбузик и бросил на землю. Взял большой арбуз, приложил к уху, постучал.

— А это Троцкий! Смелый и спелый, но перебродил, ох, как перебродил со своими амбициями. Носился с мировой революцией, а что она? Ленин тоже её поддерживал, но передумал, а этот Лев — карьерист и перебродивший раскольник! Впрочем, мои соратники тоже далеко не арбузы за исключением Кирова, убитого врагами народа. Калинин, Каганович, Хрущев и Ворошилов — мелкие ягоды, а Микоян вообще оппортунист и армянин. Был приличным арбузом Молотов, но жена Полина Жемчужина подвела: спуталась с сионисткой Голдой Меир, попала под опеку органов, всегда верных линии партии.

Да что этот охранник понимает в политике? Разве ему понять, что вождь остался в одиночестве, соратники переродились или предали. А за всем нужен глаз да глаз. Вдруг космополиты ожили — разные там Морганы и Вейсманы — отечественные, тьфу, кибернетики. Мало композитора Шостаковича, сочинявшего сумбур вместо музыки, или злопыхателя Зощенко с развратной Ахматовой, так академик Марр еще учение о новом языке придумал... Они все думают, что я вцепился во власть, но ведь не раз просил об отставке. А кто раскритиковал оперу «Великая дружба» Мурадели, восхваляющую товарища Сталина? Зарубите на носу: генеральный секретарь и сподвижник Ленина думает только о стране Советов. Вроде бы на что ему эти арбузы? А ведь думает о них, даже при ближней даче в Кусково бахчу завел, арбузы с нее поставил в гастрономы №1 на Смоленской и №2 на Дзержинского. И это не блажь: надо умножать посевные площади страны и обеспечить народ хлебом и фруктами.

Уже заходило солнце, дул ветерок, и жизнь была прекрасна.

Люди, которых я знал

Как много интересных людей я встречал в жизни, в том числе и знаменитых, и обладающих большой властью — ведь в советские времена за кордон, как пчелы на мед, слетались и известные артисты, и мастера пера, и крупные ученые, и влиятельные политики, и сильные мира сего — на мир посмотреть и себя показать. В посольстве СССР в Дании поздравлял с днем рождения будущего генсека Константина Черненко, зачитал ему теплую шифровку от председателя КГБ Юрия Андропова, вручил подарок — кукольных троллей для внуков. Особого впечатления он не произвел — обычный партийный работник.

А вот писатель Илья Эренбург, посетивший Лондон в начале шестидесятых, произвел и даже на меня повлиял. Мне поручили показать ему Лондон, что я и сделал на своей машине. Эренбург был снисходителен и молчалив: о чём ему говорить с молодым парнем за рулем? Писатель был одет на английский манер: серый твидовый пиджак, фланелевые брюки в тон, в верхнем кармане пиджака красовался цветной платочек. Эту форму одежды я взял на вооружение и люблю до сих пор. Разве это не серьезное влияние?

Прославленную Марлен Дитрих я лишь увидел в лондонском клубе на показе фильма о ней, но и она оказала на меня влияние — не знаю почему. Исполнительница великолепной «Лили Марлен» вошла в переполненный зал в норке, мужчины встали, желая уступить ей место. Она сбросила мантию на пол перед передними рядами и небрежно на него уселась. Почему это запомнилось? Экстравагантный жест, вызов мужчинам или толпе? Писатель Хемингуэй дружил с ней и называл «капусткой», не менее значительному Эриху Марии Ремарку посчастливилось быть её любовником. Её дочь в мемуарах поведала о последних, трагических днях Марлен в больнице.

Любимого Хема, увы, не встречал, зато в честь его рассказа «Развлечения мистера Уилера в Монтре» (из цикла «Посвящается Швейцарии») провел агентурную встречу в его кабаке у станции в Монтре. Это было во времена холодной войны.

За творчеством русского писателя Александра Солженицына я следил с интересом и пристрастием, прежде всего, меня поразили его стиль, язык, художественные образы. На первый план ставлю «В круге первом», его рассказы, а многотомное «Красное колесо» читаю и перечитываю с разных страниц почти каждый день — это уникальная история нашей революции, нашей страны. Однако не нужно считать меня слепым поклонником писателя. Ленин в «Колесе» карикатурен, изображение большевиков порой отдает фельетоном. Во «В круге первом» у меня вызвала резкую неприязнь сдача героем романа — дипломатом Володиным (возможно, сотрудником нашей разведки) — американского агента, связанного с разработкой атомного оружия. Да, было такое жуткое желание у русского человека Солженицына поддержать США в ядерном уничтоже-

нии ненавистного Советского Союза. Правда, эту историю он выбросил из фильма по роману после возвращения на родину. Худо ли бедно, но своими глазами увидел Запад, понял, что там живут не ангелы, да и капиталистический строй отнюдь не рай на нашей планете. «Архипелаг ГУЛАГ» написан крепко, однако в докладе Никиты Хрущева на XX съезде приводились не менее хлесткие истории, посему особого впечатления «ГУЛАГ» не оставил.

Солженицын в молодости поклонялся Сталину, потом его возненавидел, прошел всю войну в артиллерии, стал орденоносцем. Был арестован контрразведкой после перлюстрации письма к другу, где он осмелился критиковать линию вождя народов. Дальше — тюрьма и ссылка, освобождение после смерти Сталина, первый рассказ в «Новом мире», всеобщий ажиотаж, любовь и ненависть. Несмотря на первоначальное расположение Хрущева, власти со временем поняли, что писатель метит в советскую власть и коммунистическую партию. Тут же приняли меры. Решили выслать его из страны к чертовой матери, подражали Ильичу, который не расстрелял цвет русской интеллигенции, а мирно погрузил на пароход и отправил за кордон. Перед решением о высылке Солженицына председатель КГБ Юрий Андропов созвал актив руководящего состава и спросил, что делать с этим упрямым диссидентом. Часть начальников требовала расстрела, часть — тюрьмы или ссылки, однако мудрый Андропов при поддержке Брежнева предпочел высылку. Понятно, что советское руководство заботилось о своем имидже на Западе. После триумфального возвращения на родину Солженицын много выступал и издавался. Через поэта Юрия Кублановского я передал ему свою книгу. Он вдруг мне позвонил, но (о, Судьба, почему в этот момент ты увела меня из дома?) мило поговорил с женой. Потом я много раз звонил

ему по телефону, но безуспешно. Тем не менее и его влияние на меня было большим и подстегивало к занятиям литературой.

Шостакович, Ростропович, Вишневская

Я давно мечтал посетить Шотландию, но оперативные дела не отпускали, увы. И тут случайно узнал, что на известный фестиваль в Эдинбурге приезжают три гения, поэтому предложил своему начальнику-резиденту отправить меня в Шотландию для сопровождения Шостаковича с сыном Максимом, Ростроповича и Вишневской. Резидент заколебался.

— Заодно я попытаюсь проникнуть в район базы американских подводных лодок, оснащенных ракетами, которая у морского озера Холи Лох.

— Не уверен, что англичане подпустят вас к базе, — отрезал шеф.

— Если нет, я покручусь в кругах лорда Харвуда, организатора фестиваля, несомненно, там будут меломаны-шифровальщики и другие носители секретов.

Это убедило резидента, он дал мне зеленый свет и отправил в Эдинбург.

Вскоре прибыли и великие соотечественники в сопровождении переводчицы министерства культуры и молчаливого, величественного полковника КГБ, удобно осевшего в этом светлом учреждении и не упускавшего шанс лишний раз вдохнуть и выдохнуть угарные дымы капитализма.

Ростропович оказался демократичным и непосредственным человеком, тут же попросил называть его не иначе как Славой, легко пил водку, шутил и рассказывал

разные байки, в том числе и о своем виолончельном выступлении на подшефном заводе, где после концерта какой-то рабочий проникся к нему, похлопал по плечу и сказал: «Хороший ты парень, Слава, бросай свою гитару и валяй к нам на производство!»

Галина Павловна была сдержанна и величественна, как царица, и до бесед с молодым дипломатом не снисходила, видимо, полагая, что в посольстве служат одни стукачи.

Максим Шостакович бродил по городским магазинам в поисках техники, а Дмитрий Дмитриевич, наоборот, никуда не выходил и сидел у себя в номере.

Однажды утром, когда, погруженный в себя, он вышел к завтраку, гостиничные оркестранты решили его осчастливить и грянули на скрипках что-то, потрясшее даже меня, путавшего сюиту с сонатой.

Лицо Шостаковича исказилось мукой, вилка выпала из рук, он нервно вскочил и удалился в номер. Максим сказал, что большего ужаса он не слышал, и ушел к отцу, оркестранты расстроились, но доиграли до конца, полковник сидел угрюмо, смотрел на меня, как на чужеродное тело, заброшенное в его черноземы, и строго перехватывал стыдливые взоры, которые я бросал на хорошенькую переводчицу. Позже я узнал, что он участвовал в кровопролитном штурме Будапешта, и сильно его зауважал.

Но Галина Вишневская в «Мессе» Бетховена в Эдинбургском соборе — это нечто непередаваемое. Из-за уникальной акустики в соборе её голос звучал волшебно. Тогда еще молодой старлей и домашний поэт, я так взволновался, что записал в блокнот:

Подожди. Это «Месса» Бетховена.
Мы летим на лодочке по волнам,
Купола зеленые заливают солнце,
А под нами мечется ураган.

Этот голос женщины оставляет
Все хоры органные за собой, —
Так шальная лодочка выплывает
Прямо из прибоя на прибой.
А на улице торгуют сэндвичами,
А на улице — восемь по Гринвичу,
А на улице в старом отеле
Очищают к обеду форелей.
Стрелки в тартанах бьют в тимпаны,
Стальная гвардия в прожекторном блеске
Вяло вздрагивает на белом вереске.

Большевиcтской революционности явно не хватало,
и я поддал жару:

Сыплется вереск на белые головы.
Где же вы, Кромвели? где же вы, Моры?
Чтоб острый кинжал решал право на трон и споры!

Но душа, отравленная «оттепелью» и мятущаяся в потемках, не давала перерезать всех жителей Шотландии, и я закончил в духе идеологов будущей перестройки: «А может быть, обойтись без кинжала? Неужели не хватает музыки и солнца?»

Извини, великодушный читатель, за слишком длинное лирическое отступление, но очень хочется передать атмосферу того времени.

Но лорда Харвуда я так и не оседлал, несмотря на то что в Ростроповича была влюблена секретарша лорда, не пригласили меня к Харвуду на светский прием, даже полковника оставили за бортом. Артисты, как и большинство творческих личностей, дьявольски хитры и умело вырываются они из-под бдящего ока.

Ростропович снова появился на моем горизонте уже в конце семидесятых, когда я предводительствовал в дат-

ской резидентуре. Гастролировал тогда в Копенгагене Сергей Образцов, давал концерты в это время и Мстислав Леопольдович с репутацией тогда еще не антисоветской, еще не успели его с женой отлучить от гражданства, но изрядно ворчали, что делают, черт возьми, всё, что захотят, — вплоть до выезда из родной страны.

После концерта Образцова на сцену, как положено, взошел наш посол в Дании Николай Егорычев — бывший секретарь МГК, отправленный послом в Данию за критику московской противовоздушной обороны (вспомним приземление восемнадцатилетнего немца Руста рядом с Красной площадью в 1987 году). Николай Егорычев ушел на фронт добровольцем, был защитником Москвы, по характеру смелый и талантливый человек. Посол поприятствовал Образцова, и они нежно, по-русски, расцеловались. В этот сентиментальный момент на сцену из зала выбежал Ростропович, специально прибывший на концерт, он тоже расцеловал Образцова, а заодно и посла: ну как не расцеловать бывшего покровителя и соседа по даче в Жуковке?

Вроде бы для нынешнего поколения всё нормально, но среди зрителей нашлись товарищи, тут же ринувшиеся к офицеру безопасности советского посольства. Что же это такое? Иудин поцелуй, совершенный публично и нарочито на глазах у многочисленных советских граждан, заполнивших зал! Это не иначе как демарш Егорычева, сознательно не уклонившегося от поцелуя, даже подставившего щеку и таким образом связавшего себя навеки с диссидентом-виолончелистом.

С Николаем Григорьевичем отношения у меня сложились теплые, я уважал его и как жертву придворных интриг, и как солдата, прошедшего войну. Этот пожар «правдолюбцев» был тут же потушен.

Хорошо помню прилетевшего в Москву Ростроповича, дремлющего рядом с телеведущим Листьевым в Белом доме во время августовских событий 1991 года...

Артисты МХАТа

Борис Ливанов и Анастасия Зуева

В начале шестидесятых МХАТ приехал на гастроли в Лондон. Через режиссера театра Раевского моя жена, его ученица, направила мне из Москвы посылку, и я поехал за ней в гостиницу на Рассел-сквер, где остановилась труппа.

Однако оказалось, что артисты отбыли на ужин к командору Кортни, члену парламента от консервативной партии, которого у нас не переваривали из-за острых антисоветских выступлений. Уже возвращаясь к машине, я вдруг наткнулся на Бориса Ливанова, мрачно бродившего вокруг гостиницы в компании добродушно-улыбчивой Зуевой.

— Сволочи! — пророкотал Ливанов своим неповторимым басом. — Уехали на гулянку к Кортни, а нас с Настей не взяли...

— Может, показать вам достопримечательности? — предложил я, преисполненный вечной любовью к артистам.

Ливанов и Зуева уселись в машину. Пэлл-Мэлл, колонна Нельсона, Букингемский дворец с гвардейцами в натуральных меховых шапках, Вестминстерское аббатство — путешествие продолжалось недолго. Борис Николаевич даже по сторонам не глядел, всё ворчал, что его предали.

— Послушайте, Миша, — вдруг спросил он просто, — а у вас дома водка есть?

— Конечно! — я даже возмутился. — Не только водка, но и джин, и виски!

— Поехали! — скомандовал Ливанов, правда, Зуева как-то странно на меня взглянула.

— А стоит ли, Боря? Может,ждемся своих? — спросила она осторожно, но он только зарычал в ответ.

Жена в отъезде, в доме беспорядок, я залез в холодильник и, к ужасу своему, увидел там только бутылки и яйца. Поставил на стол непочатую, как ни странно, бутылку джина и стаканы, а сам отправился на кухню, дабы зажарить яичницу, достойную дорогих гостей. Когда я внес сковородку в гостиную, бутылка джина уменьшилась ровно наполовину, Борис Николаевич был приятно возбужден и словоохотлив.

— Какие негодяи! — гремел он, сотрясая дом басом. — Особенно эта Алка! (Популярная и красивая актриса Тарасова — тогда директор театра.) Подумать только: уехать, а меня не взять! И вот сейчас сидит великий артист в этой халупе и с дипломатом Мишкой яичницу жрет!

Зуева утешала и успокаивала, джин таял на глазах, в ход пошла вторая бутылка, загремели живописные воспоминания о жизни МХАТа. Одновременно Ливанов заинтересовался репродукцией рисунка английского актера Кина и пожелал её у меня купить. Гул нарастал, стены дрожали, я позвонил в гостиницу, труппа уже вернулась, жена Ливанова волновалась. Вскоре приехала машина и забрала моих знаменитых гостей.

Утром на следующий день меня вызвал на ковер резидент и отчитал за срыв целой операции дирекции театра. Оказалось, что дирекция решила «сохранить» Бориса Николаевича для спектакля и отсечь от искушений зеленым змием у Кортни. Посему разработали хитроумный план с участием Зуевой, провели целую акцию дезинформации и тайно от него (так им казалось) уехали в логово командора.

Кстати, на следующий вечер Ливанов блистательно сыграл свою роль на сцене.

У меня остались самые приятные впечатления от встреч с двумя выдающимися артистами.

Говорят, что на детях гениев природа отдыхает. Однако сын Ливанова Василий — не менее великий артист. Его киношный Шерлок Холмс в паре с Ватсоном (Виталием Соломиным) — это шедевр, восхитивший даже прихотливую королеву Елизавету. Побольше бы Ливановых русскому театру!

У великих Георгия Товстоногова и Евгения Лебедева

Я ушел в отставку, написал пару пьес и усердно их пробивал. Тогдашний первый замнач ленинградского управления КГБ Олег Калугин, которого я хорошо знал по работе, предложил организовать встречу с режиссером Товстоноговым и драматургом Дворецким, и, недолго раздумывая, я двинулся в северную столицу. Калугин и Товстоногов жили в престижном доме, хорошо известном ленинградцам. Дверь нам открыла Натела, сестра Георгия Александровича, в квартире больше никого не было, мы поговорили на светские темы и выпили чаю. Вскоре появился муж Нателы актер Евгений Лебедев. (Совсем недавно я восхищался в БДТ его Холстомером.) Чрезвычайно обаятельный и раскрепощенный, он сразу располагал к общению, мы чуть глотнули вина, и он начал читать собственные стихи, декламировал вдохновенно, мне на миг даже показалось, что он считает себя больше поэтом, чем актером. Неожиданно дверь в стене открылась, и оттуда, словно призрак отца Гамлета,

вышел Георгий Товстоногов в домашнем халате. Оказалось, что потайная дверь соединяет квартиру Товстоногова и четы Лебедевых. Мы познакомились, и он завел разговор о нашумевшем рассказе Ю. Нагибина в «Новом мире», там речь шла об инвалидах-«обрубках» на острове Валаам. Видимо, он прощупывал, не имеет ли дело с безграмотным графоманом, ведь множество таких всегда крутится вокруг театра. Наш визит продолжался недолго, вскоре мы распрощались. Я успел всучить ему свою пьесу «Кемпинг» из жизни туристов в надежде, что он позвонит и скажет: «Мы в восхищении, приезжайте на первую репетицию!» Тогда гремевший драматург Дворецкий пришел от пьесы в восторг, но, разумеется, никакой помощи не оказал. Каким же я был карасем-идеалистом!

Кто шел со мной по жизни в поисках красоты

В студенческие годы меня приобщил к искусству живописи известный художник Владимир Милашевский, соратник Добужинского, автор рисунков Одоевцой и Барбюса. Он блестяще оформил в свое время ершовского «Конька-Горбунка» и «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса, в Москве проходили его выставки, да и у него дома висело много картин. Владимир Алексеевич лично в качестве гида провел меня по музею изобразительных искусств, особо отметив его любимого голландца Йонгкинда. Позднее я близко сошелся с известным театральным художником Михаилом Курилко, потерявшим руку во время войны, он даже сводил меня к известному коллекционеру Костаки, там я увидел интереснейшие современные картины. Курилко много работал для Малого театра и для «Современника». Увы, природа не одарила меня талантом к рисованию, но я люблю живопись, не пропускал ни одной значительной выставки и побывал во всех значительных галереях Европы, США и Мексики. Так что я не художник, не специалист, а просто поклонник живописи.

Всю свою великую историю человечество мечтает о синтезе литературы, живописи и музыки. Увы, такое случается редко. Очень многое мне открыл народный художник РФ (декоративно-прикладного искусства) Валерий Мало-

летков, преуспевший в керамике и рисунке, автор энциклопедической «Современной керамики мира» и многих других книг. Как прославленный Константин Коровин, он не чужд писательству. Он опубликовал необычную книгу-альбом «Противостояние», где в острой прозе в соединении с собственными рисунками и фото керамики повествует о том, как поразил его ковид, что он чувствовал во время болезни, какие химеры лезли ему в голову. И смех, и грех. Хотя порой грустно. Его чудесную керамику невозможно описать, только смотреть и смотреть. Прекрасны его мифологические работы, образы Ахматовой, Цветаевой, Есенина, горельефы в Палеонтологическом музее, много его работ хранится за рубежом. Валерий Малолетков — очень русский художник, постоянно путешествующий по России со своими выставками, истинный фанат своего дела, он постоянно рисует в свой альбом. В качестве профессора давно преподает в Строгановке. Сравнительно недавно мы посетили крупного художника Владислава Провоторова, ставшего ныне настоятелем Церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в Павловской Слободе, — с ним я познакомился еще в семидесятых годах. Храм построен еще при царе Алексее Михайловиче, там молились бесконечные толпы верующих. Был закрыт советской властью в 1933 году, подвергся разрухе, буквально, словно птица Феникс, возродился из пепла в начале девяностых, когда его настоятелем стал Провоторов — художник так называемой религиозно-мистической школы. Вознесенный на высоком берегу Истры белоснежный храм дышит красотой и гармонией, напрочь заглушающими новодел, понятно, что главным художником и архитектором является сам настоятель. Тут собрано множество старинных икон, алтарь и жертвенник в Никольском приделе искусно расписаны художником А. Петраковым, восхищает воссозданный пятиярусный иконостас,

богато украшенный барочной резьбой, величавая храмовая икона Благовещения Святой Богородицы. Справа от Царских ворот находится икона Спасителя, в иконографии — «Спас на убресе», а слева от них — образ Божьей Матери. Как и большинство церквей XVIII века, храм расписан фресками, выдержанными в духе ярославских мастеров, что хорошо сочетается со стилем иконостаса и храма в целом. Понятно, что всё это воссоздано великолепными русскими художниками, нашими современниками. Провоторов написал великое множество картин: блестящий «Ноев ковчег», пугающая «Космогония 666», разящие душу картины с распятым Христом. Совершенно уникальны картины на темы Страшного суда, в особенности завораживающие «Четыре всадника Апокалипсиса». Сам отец Владислав ушел от мирской славы, он кажется равнодушным к судьбе своих творений. Настоятель целиком погружен в служение Господу, он активно общается с паствой и в курсе всех перипетий нашей жизни. Он верит в будущее России и молится за её счастливую судьбу.

Шпионы и актеры — близнецы-братья

Черное море ласково лижет пятки кинозвезд. Шпионы тоже любят море им скучно вечно бдить и вербовать, они тоже хотят признания общества и ласки.

В Сочи разворачивается и сверкает «Кинотавр-96». Тут же на пляже «Жемчужины» и представители мафий (их ласково зовут «бандюгами»): на шеях тяжелые, словно рок, золотые цепи, многие с семьями, и дети, окончившие оксфорды и музыкальные школы, плюнут в лицо тем, кто будет утверждать, что папа Морган был разбойником с большой дороги и пиратом.

Я не был в Сочи лет двадцать, но прекрасно помню забытые, тело к телу, городские пляжи и вечный напруг: занять место, достать лежак, найти столовку с очередью минут на тридцать, а не на час.

Сейчас эти проблемы растаяли, как иллюзии перестройки: полупустые, тоскующие по людям санатории, киоски и закулочные — вроде бы всё есть.

Кроме людей.

Их немного, несмотря на разгар сезона. Что будет дальше, когда обещанные реформы в отличие от Петра I, Александра II и Столыпина удастся довести до конца? Будут ли люди вообще?

Впрочем, оставим философию, — перенесемся на фестиваль, где фильм за фильмом, триумф за триумфом (по крайней мере, для тех, кто получает премии).

Голые звёзды и тайны восточногерманской кухни

Обнаженные любимцы публики глотают солнце и запивают его пивом. Даже не верится, что звёзды нашего и мирового кино могут вот так запросто завернуться в полотенце и поменять плавки, вытянуться на деревянном лежаке или скромно отойти в туалет. Неужели они тоже ЭТО делают? Эти боги и богини, собравшиеся на кинотаврском Олимпе?

Дерзкая фантазия главного энтузиаста Марка Рудинштейна родила невероятную идею: запустить некоторые фильмы времен холодной войны и организовать круглый стол с её активными участниками — нашими и иностранными разведчиками.

Хотя наши разведчики, конечно же, не шпионы, а иностранные — именно шпионы и гады, тут как-то ласково называют шпионами всех.

В ресторане: «Ребята! Наши шпионы идут! Какие ребята! Класс!» В штаб-квартире фестиваля кличут официальнее — «группа холодной войны», так и лезут на ум карикатуры Кукрыниксов с изображением клыкастых поджигателей войны.

И действительно, на встречу прибыли сливки международного шпионажа, конечно, когда-то они были пышнее и гуще, однако и сейчас еще не прокисли и выглядят вполне впечатляюще.

Легенда разведки, киношный прототип всех врагов агента её королевского величества Джеймса Бонда, включая злодея Голдфингера, — Маркус Вольф, возглавлявший внешнюю разведку Министерства государственной безопасности ГДР почти с момента основания этого исчезнувшего государства до его конца. Дуайен шефов всех разведок мира, сын известного немецкого писателя-антифашиста, создателя «Профессора Мамлока», брат не менее известного кинорежиссера Конрада Вольфа, ныне историк и автор нескольких книг, включая самую «разоблачительную» — «Тайны русской кухни».

В кулинарии Маркус знает толк, с чувством юмора у него тоже в порядке, секретами он не торгует, как некоторые, но очень умело их обыгрывает.

«Мишу» — так зовут старые советские друзья Маркуса — превосходно знают в Москве, тут он со всей семьей жил в эмиграции до конца войны, затем трудился в посольстве ГДР, но вскоре был призван партией на создание внешней разведки, естественно, тесно взаимодействовавшей с КГБ.

Молодая восточногерманская разведка быстро стала одной из самых эффективных в мире благодаря тому, что их

нелегалам не приходилось, как нашим, годами долбить язык, дабы выглядеть канадцем или эфиопом: немцы — везде немцы, и разведчики Вольфа чувствовали себя в ФРГ как дома.

Проникли почти во все звенья западногерманского государственного аппарата: в разведку и контрразведку — дошли их основательно и с чувством.

Особенно блестяще внедрялись красавцы-мужчины: подкатывали к секретаршам министров обороны или иностранных дел, обволакивали своим шпионским шармом, привязывали канатом к сердцу и ради вечной и великой любви просили притащить секретные документы шефа.

Иногда даже женились — научились у Остапа Бендера — ради драгоценного стула, готового на супружеские ласки мадам Грицацуевой.

В свое время нашумело дело восточногерманского нелегала Гийома, внедренного в помощники Вилли Брандту. Из канцелярии Брандта секретные документы потоком шли в ведомство Вольфа, а оттуда — в братский КГБ. Одновременно лелеяли и направляли в нужное русло «восточную политику» канцлера, нацеленную на сотрудничество между ФРГ и ГДР.

После провала с Вольфа снимали стружку: что же вы внедрили агента под бок к Брандту, который дружил с Брежневым и поддерживал политику смягчения отношений с ГДР?

Действительно, всё это дело скомпрометировало Брандта, бросило тень на «восточную политику», привело к его отставке, однако, как резонно замечает Маркус, никто не отдавал ему приказ не внедрять агентов в аппарат канцлера — «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...»

Перестройка медленно подтачивала ГДР и её блестящую разведку, затем Михаил Сергеевич поразил мир, пошел на волне событий и запросто отдал ГДР в ФРГ.

Канцлер Коль не поверил этому счастью и дрожащими руками принял подарок. Потрясен был не только он, но и Миттеран, и особенно мадам Тэтчер, боявшаяся резкого усиления объединенной Германии на континенте.

Нарушили и ялтинские, и потсдамские, и прочие соглашения в мгновение ока.

Маркус Вольф недавно отмотался от очередного процесса против него (чуть не получил семь лет за терроризм) — ловить «штази» постфактум в Германии (впрочем, и в Восточной Европе, и в Прибалтике) приятно: помахать руками после драки, отомстить за прошлое.

Попробовали бы это сделать, когда он был у власти...

Мне лично претит неблагодарность Запада, ведь мы сами, без нажима отдали Восточную Европу, возвратили людям свободу, за это России в ножки кланяться нужно, а не преследовать по мелочи наших бывших друзей: большого Хоннекера или других деятелей режима.

Или — что вообще мерзко — снимать памятники нашим солдатам. Солдаты-то при чём? Может, они и верили Сталину, но жизнь отдали за чужой народ.

Какой дурак придумал, что мы проиграли холодную войну?

Да нас боялись, как огня, — это сейчас обнаглели.

Гонка вооружений и холодная война всегда была выгодна коммунистической номенклатуре, она укрепляла тоталитаризм, живший на концепции вечной угрозы извне.

Если бы не вечная русская тяга к реформам, к свободе и демократии, подхваченная Горбачевым и Ельциным, то быть противостоянию еще век-другой, а то и больше.

Ну, жили бы по-прежнему скромно и по уравниловке, но мы ведь привыкли...

Интересно, раздают ли в ЦРУ ордена за победу в холодной войне? Вот смех-то!

Вольф получил право выезжать из Германии, более того, получил самую низкую пенсию (как и остальные не привлеченные к суду сотрудники «штази») в размере 810 марок — думаю, что о такой сумме может только мечтать действующий сотрудник российской внешней разведки, не говоря о наших пенсионерах-генералах. Квартира Маркуса стоит 1600 марок в месяц, но он страдает и выкручивается, активно занимаясь писательской деятельностью.

Перед легендарным Мишей я чувствую себя, как на ковре у Председателя КГБ: хочется вытянуться и взять под козырек.

— А вы часто выезжали нелегально за границу? — спрашиваю осторожно.

— Чаще ездил под чужой фамилией, но с диппаспортом ГДР. Однажды в Швеции, куда я выехал на встречу с агентом, меня опознали. К счастью, я уже успел вернуться в Берлин. Разразился скандал, но было уже поздно.

Вольф не был нелегалом, он пришел в разведку из партийного аппарата, но организатор незаурядный.

Маркус улыбается и направляется к морю. Он в прекрасной форме, регулярно плавает перед завтраком, любезен и элегантен, с ним красивая жена (третья и, как он утверждает, последняя) — надежда и опора.

Зловещая рука ЦРУ

Седовласый Пит Бэгли похож на процветающего американского актера, играющего роли шефа неизменно побеждающей разведки.

Действительно, он принадлежал к руководству ЦРУ, будучи заместителем начальника контрразведывательного управления этой почтенной организации.

Для непосвященных замечу, что каждая уважающая себя разведка имеет в своем составе и контрразведку, которая отвечает за безопасность рядов всей службы и борется с проникновением в неё и другие госструктуры вражеских агентов.

Работа сия нелегкая и отнюдь не заключается лишь в том, чтобы постоянно подозревать и держать на крючке всех своих коллег (хотя, конечно, это доставляет наслаждение).

Лучший способ не бегать за своими, а самим залезть в чужую разведку и там поискать зловредных «кротов», подрывающих основы.

Последний яркий пример — агент КГБ, начальник русского отдела ЦРУ Олдрич Эймс, ныне отсиживающий в американской тюрьме. Благодаря его неутомимым стараниям КГБ арестовал и расстрелял около дюжины американских «кротов», копавших и в КГБ, и в ГРУ.

Так что Бэгли — это самая опасная птица: КГБ и ГРУ — его специализация.

Сейчас бы ухватить его, запихнуть в машину, увезти на Лубянку, устроить недельку допросов, не давая поспать и иногда загоняя иголки под ногти, может быть, на свет и выползло бы еще несколько имен американских агентов, ушедших от карающей руки.

А то, небось, преспокойно вышли на пенсию, вложили полученные от ЦРУ доллары в бизнес, купили себе особняки у Рублевского шоссе, разводят клубнику, подрезают, гады, розовые кусты.

Но Бэгли, увы, ушел из ЦРУ в 1972 году в цветущем возрасте 46 лет, будучи резидентом ЦРУ в Брюсселе. С тех пор занимался крупным бизнесом, работая на «Мицубиси» и прочие компании, сейчас отошел от дел и живет в любимом Брюсселе.

Женат, между прочим, на венгерке, и я профессионально думаю, что братья-венгры наверняка в свое время при-

кидывали, как бы подкатиться к его жене, дабы уговорить её служить правому социалистическому делу.

Говоря с Питом Бэгли, я чувствую, как далеко мы шагнули вперед: генералы бывшего КГБ держатся даже в эфире как заправские профессионалы телевидения, запросто обсуждают сложнейшие проблемы, при этом не выдавая никаких секретов.

Напротив, в интимной беседе со мной за бутылкой разбавленного «Ркацители» краснодарского разлива Пит сдержан и просит меня включать магнитофон только с его разрешения. (Второй включенный магнитофон, я ему, естественно, не показываю.)

Бэгли недавно выпустил книгу о КГБ в соавторстве с перебежчиком Петром Дерябиным, ушедшим еще в пятидесятые.

ЦРУ он, естественно, хвалит, хотя признает бюрократизм в этой организации, да и нелегко было американской разведке из неопытной инфанты, созданной лишь во время Второй мировой войны, превращаться в мощную службу.

Если в самом начале американцы не могли обрести себя, тыкались во все дырки, подменяя зачастую пропагандистские организации (субсидирование радиостанции «Свобода», издание литературного журнала «Инкаунтер»), то постепенно они стали достойным соперником КГБ и достаточно глубоко проникли в нашу богоугодную организацию.

Скандалов ЦРУ пережило побольше, чем любая секретная служба: время от времени проклятая пресса вскрывала прямое участие ЦРУ и в интервенции в Гватемале, и в перевороте в Чили, и в поддержке «контрас» в Никарагуа, и в других местах.

А чего стоят разбирательства в Конгрессе США о подготовке в ЦРУ террористических актов? До сих пор вспо-

минают планы убийства Фиделя Кастро и хохочут, как ЦРУ задумало подмешать ему в питье зелье, уничтожающее бороду: бритый Кастро — это уже не команданте, и кубинский народ откажет в доверии своему вождю...

Обо всём этом Бэгли говорит без особой радости, и вообще о своей работе в ключевом управлении ЦРУ предпочитает не распространяться.

Например, известно, что именно Бэгли был правой рукой «ястреба» Джеймса Энглтона, видевшего агентов КГБ даже под собственной кроватью. Именно Бэгли засадил почти на пять лет в тюрьму перебежчика КГБ Юрия Носенко, допрашивал его на «детекторе лжи», ибо в то время ЦРУ исходило из того, что наши бегут по заданию, а не из чистой любви к сладкой жизни на Западе.

Бедняга Носенко! Вот уж он, сын сталинского наркома, передавший американцам массу секретов нашей контрразведки, не ожидал такого обращения! Без всяких судов, без всяких санкций прокурора! После такого разочарования в американской демократии можно было бы и возвратиться обратно.

Но, видимо, хотелось жить.

Бэгли еще причастен к попытке завербовать в Вене нашего разведчика Наливайко. В результате последний, оскорбленный наглым подходом, плеснул в физиономию вербовщика пивом из кружки. Завязалась потасовка, разразился скандал, появилась вездесущая пресса...

Как вербовать американских дипломатов

Но отвлечемся на темы культуры (так и хочется при этом слове схватиться за пистолет, как говаривали Геббельс или Геринг).

В программу фильмов периода холодной войны включена лента А. Довженко «Прощай, Америка!», сделанная по указанию Сталина и Берии. Она так и не увидела экрана, и слава Богу.

Не будем осуждать Довженко: грех выливать запоздавший гнев на художника в тоталитарном обществе, тем более на деятеля кино, который, в отличие от писателя или музыканта, не может ни снимать «в стол», ни устраивать просмотры на дому.

Фильм построен вроде бы на книге американского дипломата Аннабеллы Бюкар «Правда об американских дипломатах», выпущенной в начале пятидесятых в СССР.

Эта обворожительная леди осталась у нас, но об этом попозже, а на экране — честная американская семья, мама, советующая дочке-дипломату, выезжающей в Москву, глубже изучать жизнь в СССР и меньше поддаваться на байки рептильной прессы, естественно американской, а не советской.

Молодая красивая женщина — Лилия Гриценко — обнаруживает в американском посольстве в Москве настоящий клубок змей. Все доносят друг на друга, интригуют, рожи у всех просят кирпича, сотрудники дуют водку и кемарят прямо на посольских диванах.

Дипломатшу направляют в колхоз с целью сообщить впоследствии американской прессе о бедственном положении советских рабов, она же видит в колхозе замечательных людей, зажиточных и счастливых, как и все мы до последнего времени.

Разлад души налицо — посол и остальные крокодилы, один из которых блистательно сыгран черноволосым и юным Юрием Любимовым, катят бочку на героиню, попутно изгоняют из посольства и кокают в США другого правдолюбца — Н. Гриценко.

Гнусность американских рож наводит меня на мысли об изображении русских в американских фильмах, естественно, не в «Войне и мире», а в проходных боевиках.

Если у Берии хватило ума не выпускать фильм Довженко на экран, то, пардон, до сих пор русских показывают именно в таком ключе, как американцев в этом бредовом фильме.

Особенно не везет нам — героям невидимого фронта. А мы ведь хорошие и совсем не такие мородовороты и тупицы. Сразу вспоминаю Юла Бриннера в роли советского майора: граненый стакан водки, затем с оглушительным хрустом он разгрызает стакан — вот она русская закуска!

Скажут: да это же они юморят.

А я тупо и без юмора отвечаю: слишком долго, аж с 1945 года юморят и весьма однообразно. Слава богу, в наших спецслужбах можно увидеть такое, что Марк Твен позавидовал бы!

Правда, в последнее время, после того как страна встала на счастливый капиталистический путь и шуметь о руке КГБ вроде бы неприлично, в кино нас поменяли на русскую мафию, но это не утешает.

Нет правды на земле.

В обсуждение фильма Довженко включается генерал Сергей Кондрашев, ветеран и бывший заместитель начальника советской разведки, ныне плодотворно пашущий на ниве истории.

Обнаруживается, что Кондрашев начинал карьеру в контрразведке, имел прямое отношение к делу Аннабеллы Бюкар и знает подоплеку её решения остаться в СССР.

Генерал осторожен, дает общую канву и не особенно вдаётся в детали: молодая американка познакомилась с актером театра оперетты Костей Лапшиным и влюбилась. Органы, как выразился Сергей Александрович, «засекли этот контакт и пытались направить его в нужное русло, вплоть до создания семьи». Этому несколько мешало бонвиван-

ство актера, который не хотел идти в одном русле и всё рвался на сторону.

В результате Аннабелла осталась в СССР, дальше последовала книга, сварганенная в наших пропагандистских структурах с помощью органов.

На этом генерал кончает речь, фильм привел его в ужас, раньше он его не видел. (А вдруг сам сделал вместо Довженко?)

Эмигрант Хенкин, знавший всё дело, в своих мемуарах гораздо драматичнее поведал об этой операции: Аннабеллу ломали круто, сделали вид, что посадили её возлюбленного, который писал ей душераздирающие письма. Давили на обоих, что надо. Любовь или смерть? Плата за первое — уход из американского посольства, выхода нет. Вот она и «Прощай, Америка».

В истории шпионажа таких случаев пруд пруди, но главное не это. Аннабелла, связав свою жизнь с Костей, родила детей, блестяще работала в американской редакции на нашем радио, где её все обожали за доброту и за то, что легко давала взаймы.

Черт побери, разве это не торжество любви и добра над мелкими кознями спецслужб?

Разве не победа человека над интересами государства? (Не обидеть бы слишком яростных «государственников», хотя посмотрел бы я на их физиономии, если бы их самих вербовали во имя высших интересов.)

Схватка титанов

Но вот и наш «круглый стол» о холодной войне: театр полон прессы, особенно французской, логи блещут, и все в праздничных костюмах и при галстуках. До умопомра-

чительного Янковского в смокинге, конечно, далеко, но мы, разведчики, не привыкли к свету рампы — мы любим тишь и тьму, как те самые серые кошки, которые всегда серы ночью.

В полемике участвуют не только пенсионеры, тут и начальник центра по связи с общественностью службы внешней разведки генерал Ю. Кобаладзе, прибывший для охраны святых интересов своей службы. «Это шеф контрразведки?» — спрашивает у меня одна жгучекрасивая актриса.

Слух о том, что сама контрразведка интересуется «Кинотавром» быстро проползает в актерские ряды. Это не вызывает опасений, наоборот, все польщены. «Наконец-то опять у них хозяин-грузин! — радостно говорит мне старый актер. — Говорят, Берия был интеллигентнейший человек. А у Кобаладзе и в фамилии заложено прозвище молодого Иосифа Виссарионовича. Ах, Коба-Коба! Как вы думаете, будет ли экскурсия в Гори?»

Полились вопросы публики: когда началась холодная война? Сразу после Великой Октябрьской? Уже в 1943-м, когда делили сферы влияния? После речи Черчилля в Фултоне в 1946-м? Кончилась ли холодная война, или это только иллюзия? Если кончилась, то почему совсем недавно мы выперли из Москвы английских дипломатов, а англичане — наших?

Тут делает замечание мудрый змий Бэгли: холодная война окончилась, но государственные интересы каждой из стран остались — разведки никто не закрывал. В конце концов, совсем недавно французы выгнали из Парижа несколько американских дипломатов за промышленный шпионаж, американцы обвинили в этом же французов. И что? Мир не перевернулся, Франция осталась союзником по НАТО.

Много вопросов к Кондрашеву и Вольфу: неужели секретные службы не предвидели финала ГДР, распада СССР и прочих бед?

Оба уверенно заявляют, что обо всём докладывали наверх, но недалёковидные и глупые правительства мер не принимали.

Тут вмешивается еще один участник ток-шоу, светило нашей военной исторической науки генерал А. Харьков: мысль о том, что правительство не реагирует, — это старая песня всех спецслужб. Сплошь и рядом, судя по архивам, в Центр от разведчиков, даже прославленных, поступала чепуха.

Правительство не имеет права базировать свою политику лишь на сведениях, исходящих из разведки — имеются и другие источники информации, и политические соображения.

Насчет долгосрочного прогноза: ни одна секретная служба до начала перестройки даже и слабо предсказать не смела все бурные события в нашей стране за последние десять лет. Даже КГБ.

Мораль и разведка? Все асы шпионажа сошлись на том, что они несовместны, как гений и злодейство, однако в работе разведки должны быть рамки: людей убивать нельзя. Кстати, уже после смерти Сталина была достигнута негласная договоренность между КГБ и ЦРУ, чтобы своих кадровых сотрудников не мочить.

Вот и смотри после этого фильмы, где разведчики дырявят друг друга из макаровых и кольтов!

Легко столкнулись и Бэгли с Кобаладзе: первый жарко утверждал, что ЦРУ не использует прессу согласно законодательству, и если о таком безобразии узнает Конгресс, то управление прикроют, а его директора упекут в каталажку. (Возможно, и упекут, но совсем не обязательно фиксиро-

вать использование журналиста на бумаге, а, раз нет бумаги, — нет ни человека, ни факта — один кот Бегемот, который ничего не делает и починяет примус — это я подсказываю американцам, как обходить закон.)

Кобаладзе не стал посягать на девственную честь американского Конгресса, однако заметил, что в каждой стране свои законы, прикрытие журналиста он считает очень удобным, сам в свое время под ним работал.

Общий смех.

После ток-шоу ко мне подошел один журналист и спросил, не может ли он поехать за границу от своей газеты, но по линии СВР. У газеты денег мало, а за границей поработать хочется.

Вот так и вербуем на ходу своих людей, сами летят на огонь, как мотыльки...

А тут какая-то приятная дама и выступила с пламенным вопросом: почему отказали в визе Кобзону? Вот безобразие-то! Весь зал зажужжал, словно это мы, сидящие за столом, отказали любимому Иосифу Давыдовичу.

Долго чесали затылки, но ситуацию спас Вольф, заметив, что ему тоже отказывают в американской визе. «Правда победит!» — заверил он, и дама успокоилась, хотя после шоу пожаловалась подруге, что шпионы не ответили ни на один вопрос. (Только еще и не хватало бы, чтоб отвечали!)

А тут не менее приятная дама спросила, какие фильмы о разведке нравятся разведчикам и шпионам.

Кондрашев помялся, пожал плечами, заметил, что фильм о реальной разведке не видел, но всё же... Немного похож на правду фильм «Случай в Кабуле».

Иностранцы вежливо помолчали (откуда у них хорошие фильмы?), а мы с Кобаладзе в один голос пропели: ну, конечно же, «Семнадцать мгновений весны!»

Зал заплодировал — на этом и завершили дискуссию, успех был бешеный.

Зачем, собственно, кино, если можно собирать живых шпионов? Устроить «Шпионотавр» для всех секретных служб мира!

И не нужно никаких актеров, тем более что большинство нас и не слушало, бездумно грелось в это время на пляже. Что им холодная война? Что им секретные службы!

Набравшись смелости, с диктофоном в руке бреду по пляжу, вглядываясь в любимые, чуть подернутые дымком ночных гуляний лица.

Сигарета Янковского

Стремительно пролетает президент фестиваля Янковский в белых штанах (без бабочки, но всё равно хорошо!), с сигареткой в руке, прячется у моря, подползаю к нему.

— Олег Иванович, что вы думаете о шпионах?

В глазах легкое смятение: много вопросов слышал Янковский в своей жизни, но такого идиотского, уверен, не приходилось.

Находится быстро.

— В целом к шпионам отношусь хорошо. Более того, вижу сходство между шпионской и актерской профессиями...

Боже, какой неожиданный ключ к теме! Слезно благодарю, кланяюсь и задом, как боярин перед царем, отползаю на прежние позиции, нарушив покой Александра Градского.

— А вы, Александр, как относитесь к шпионам?

— Нормально, — отвечает он. — Мне кажется, что они необходимы.

Длинные волосы ниспадают на голые плечи, композитор и певец похож на мудрого гуру в падоге, испытавшего все беды и все виды счастья. (А какие девушки выются вокруг него, и так всю жизнь!)

— Ощущали ли вы на себе холодную войну? — добиваюсь я зачем-то.

— Больше ощущал давление системы, частью которой была холодная война. Мне пришлось выбирать: либо выезжать за границу и там развивать свои музыкальные данные, либо иметь «молчаливую договоренность» с властями, которые не мешали бы моей работе в определенных рамках. А вообще к системе ненависти у меня не было. Я считаю, что любой талант — музыкант или писатель — настолько выше системы эмоционально и психологически, что от любого общения с властями он только теряет. Поддерживать либо критиковать власть — это и есть общение. Я не занимал ни той, ни другой позиции.

— А как повлиял конец холодной войны на вашу жизнь?

— Я впервые выехал в капстрану. Это было в 1988 году. Раньше не пускали, но претензий к властям не имею.

— Вы любите ЦРУ?

Дикий смех, а мне хочется запеть, завидую, черт возьми!

— Кое-что из американской музыки я люблю (правильно понял вопрос, молодец!), но я истинно русский композитор, православный человек. Я ощущаю себя частью русской культуры, мне приятно поехать за границу на пару недель или поработать там год-другой. Прежняя власть ставила перед нами сложную задачу: если уехать, то навсегда. Мне кажется, именно тут они допустили огромные ошибки. Если бы не это, система не рухнула бы так позорно. А может быть, и вообще не рухнула бы, ибо хорошие люди не уезжали бы навсегда. Хотя... Коммунизм изжил себя, устарел. Говорят: вот если бы мы пошли китайским курсом!

Но большинство китайцев довольствуются двумя площадками риса в день. Что китайцу или немцу хорошо, то русскому смерть!

Поставлена гениальная точка, я выхожу к тентам, где, в основном, скрываются от солнца кинозвезды — гордость нашего кино пятидесятых-шестидесятых годов.

Шарм Владлена Давыдова

Навстречу идет стройный, с игривыми усиками Владлен Давыдов — давний кумир наших зрителей. Он по-прежнему снимается в фильмах, играет во МХАТе и возглавляет музей этого театра.

А я со своим сакраментальным вопросом.

— Ощущали ли вы холодную войну?

— Ощущал режим, когда нас перед поездкой за границу инструктировали, объясняли, что делать и что не делать, приказывали ходить только вдвоем. Первый раз я выехал за границу в 1955 году на неделю советского фильма в Париж. В делегацию входили такие мастера, как Черкасов, Хорава, Бондарчук, Райзман, Ларионова, Целиковская, Быстрицкая, Калинина. Коку госбезопасности мы привыкли, ведь МХАТ был режимным объектом, к нам ходили Сталин и другие члены политбюро.

В ложах — охрана, в правой кулисе — строгие люди, при выходе на сцену — снова они, сидели даже в суфлерской будке и на откидных местах в партере.

Мой первый выезд за кордон — это потрясение! Я опупел от той свободы, с которой общались с нами французы...

И вдруг... О ужас! Утром обнаруживаю брошенную мне в номер листовку: «Соотечественники! Что творится на нашей родине? Как вы терпите такую власть, загнавшую

вас в тюрьмы?» — и дальше в том же духе. Подписалась какая-то антисоветская организация. Я дико испугался! Почему листовка именно мне? Значит, во мне есть какая-то слабость? Значит, меня можно расколоть, сделать агентом?

Тут же бегу к своему другу, умнейшему и обаятельнейшему Коле Черкасову. Тот говорит: «Не могу очки найти, читай вслух! Идем в уборную!» Сейчас я смеюсь, а тогда... Зашли. Коля: «Сейчас я воду спущу, а ты читай!» Читаю и думаю: а ведь Черкасов — коммунист, член Верховного совета, весь в регалиях. Закончил читать, и он тут же тянет меня к руководителю делегации Сурина, жившему, естественно, в люксе. Передает ему листовку и говорит: «Вот тут нам прислали приглашение... Ведь поддержать надо! Это ведь наши советские люди!»

Сурин и всё руководство оторопело: «Вы понимаете, что это такое?!»

— Неужели Черкасов действительно не понял?

— Что вы! Он сыграл! Он разыграл их! А еще, помнится, один француз насел на меня:

— У вас же народ томится в тюрьмах!

— В каких тюрьмах?

— Откуда же тогда люди появляются?

А был 1955 год, народ выпускали из сталинских лагерей. И вдруг я понял, что весь мой университет марксизма-ленинизма ни к черту не годится. А ведь я искренен был, родился в семье, которой революция дала все. Мои родители и я верили тогда в коммунизм. Да и когда я во «Встрече на Эльбе», о которой сейчас пишут с иронией, говорил: «Мы любим Америку — страну смелых и честных людей, страну Уитмена и Марка Твена», — я верил в это. Я и сейчас в это верю.

Холодная война была для меня непонятна, я прекрасно помнил май 1945 года, когда из американского посольства кричали собравшимся у Манежа: «Русские! Ура!»

Я поверил в перестройку, поддерживал Горбачева. Однако так и не понял, что такое перестройка. А демократия у нас в России похожа на отмену правил уличного движения, все гонят на красный свет. Обидно!

Тут я вижу спешащего к дамбе председателя жюри, критика и эстета Льва Аннинского.

Все члены жюри конспиративны и похожи на заговорщиков: им строго запрещено давать оценки фильмов до принятия коллективного решения.

К Аннинскому я отношусь трепетно, как к живому Хосе Ортега-и-Гассету (ничего не читал, но знаю, что это не двое, а один человек, к тому же, великий философ).

Завидев меня, Лев Александрович как-то совсем не по-интеллектуальному, а очень по-казацки лихо бросается в набежавшую волну.

Нырять вслед за ним, вспомнив драматическую встречу в море бухгалтера Берлаги и Остапа Бендера.

— Видите ли сходство между актерской и шпионской профессиями?

Аннинский для конспирации уходит под воду, там и отвечает.

— Одни притворяются, что они шпионы, другие, что актеры. И те, и другие живут в свое удовольствие. Попутно приносят пользу.

— Как вы относились к холодной войне?

Уже ползаем по дну, опыт у него огромный.

— А я вообще радуюсь жизни. Когда холодно — тепло, когда тепло — холоду. Был невыездным, к этому привык. Впервые выехал за границу в 1987 году. Вообще-то я никогда не вгрызался особенно ни в тоталитаризм, ни в демократию. Я живу в России, и это главное.

— А как вы относитесь к шпионам?

Лев Александрович проделывает в дне брешь, вильнув хвостом, всплывает туда — уж точно не прослушает никто!

— Иногда завидую, что они так весело живут...

Очень осторожный человек, к тому же и легкомысленный, не понимающий тяжкий шпионский труд, уходящая натура и только!

Холодный душ Говорухина

По пляжу медленно прогуливается Станислав Говорухин, в плавках и при трубке. Пахнет «аромой» или «кланом»? Говорухин импозантен и выглядит не хуже, чем в любимом клетчатом пиджаке. Через два дня, вернувшись в Москву, он заявит, что всех актеров купил Ельцин, поэтому они его и славят...

— Как вы относитесь к шпионам?

— Очень хорошо. Любая страна должна иметь шпионов.

— Вас радует окончание холодной войны?

— Она не закончилась, она продолжается. Идет разрушение российской государственности, превращение страны в колонию. Западные дешевые боевики и прочие уродства, особенно на телевидении, превращают Россию в сборище дебилов.

Я частично согласен с Говорухиным, хотя уж слишком яростны и мрачны краски.

— И всё же в нашей жизни есть кое-что хорошее...

— Любое явление содержит хорошее и плохое, иначе правительство бандитов уже не было бы у власти. Важно видеть тенденцию в явлении — плохое явно перевешивает.

Очень диалектический подход, нужно взять его на вооружение, применимо в любой ситуации, буду голосовать за Говорухина на следующих президентских выборах.

Но солнечное настроение он мне подорвал.

Кто же его выправит?

Ну конечно же, вбирающий загар белоснежный Владимир Войнович.

— Есть ли сходство между шпионами и актерами? (Сам уже себе осточертел.)

— Не вижу сходства. Шпиону обязательно нужно быть актером, но актеру не надо быть шпионом. Стукачей я вообще к категории шпионов не отношу (слава богу, но заблуждается) — я их ненавижу и презираю.

Думается, и шпионы их презирают. А вообще-то я отношусь без особого уважения к этой профессии. Влезать в доверие, использовать человека для государственных целей... У меня человек всегда на первом плане, государство — на втором. Я лично не смог бы быть шпионом. Хотя... Если бы знал, что человек — отъявленный мерзавец, то, может быть, и постарался. (Кстати, все шпионы считают, что их противники — негодяи.) Считал бы морально допустимым. Но вообще-то... использовать доверие ко мне в гнусных целях — это уж извините!

Прекрасно, уже колеблется. Еще две-три воспитательные беседы, и направим нашего сатирика на разработку президента Клинтона.

Сногшибательная улыбка Фатеевой

Наталья Фатеева по-прежнему неотразима. Она ведет спартанскую жизнь: плавает по километру в день, попутно занимается внуком (тут с интересным фильмом её сын Володя Басов), исправно покупает на рынке фрукты и овощи. Как писал когда-то Тихонов: «Гвозди бы делать из этих людей — не было б в мире прочнее гвоздей!»

Трепещу от смущения, чувствую, что влюбляюсь на ходу, боюсь рухнуть на гальку и разбить голову (и поясницу).

— Наташа, вы любили агентов ЦРУ?

— Знакомых американцев у меня не было.

Хороший ответ, чувствуется школа многих собеседований в отделе кадров.

— А шпионов КГБ любили?

— Честно говоря, если я кого и любила, то не знала. Правда, был один знакомый... Но только потом, через много лет, я узнала, что он работал в КГБ.

Повезло же мерзавцу! Завидую черной завистью.

— А есть ли сходство между актерами и шпионами? (Сейчас повешусь от собственного занудства.)

— И тех и других объединяет творчество духа, знание человеческой психологии. Шпион ищет ключ к человеку — он должен быть хорошим психологом. Так же, как и актер. (Вот бы Наталью вместо Крючкова — никогда бы КГБ не развалился!) Я, например, когда знакомлюсь с человеком, сразу составляю о нем впечатление не по тому, что о нем говорят, а по каким-то неуловимым деталям.

— А вы ощущали холодную войну? Впрочем, вы всегда процветали...

— Так казалось другим. Но холодную войну я не чувствовала. Когда вызывали и рассказывали кошмары о загранице, это звучало дико. Мне кажется, холодную войну искусственно создали мы.

— А сейчас вы живете хорошо?

— Сейчас я могу свободно дышать. Раньше на меня давили, я вынуждена была делать то, что не хотела. Сейчас же я делаю то, что хочу...

О, как я жажду продолжать расспрашивать прекрасную Наталью! О, как я мечтаю говорить с ней на пляже до захо-

да солнца. Или до конца жизни. Естественно, своей, ведь красивые женщины, как широко известно, не умирают.

Но вот шествует Григорий Горин — самый влиятельный человек в жюри — он, как и Аннинский, загадочен и монументален.

— К шпионам отношусь нормально, — категорически заявляет Горин.

— А вас никогда не охмурили агентессы ЦРУ?

— С дамами дел не имел, мужчин остерегался... (Боже, кто же он тогда? Нет, нет!) Был, правда, один казус: я получил приглашение за границу от особы женского рода. Меня вызвал секретарь ССП¹ по оргвопросам: «Как ты думаешь, на кого она работает?» А еще был жуткий случай в Штатах. Руководитель делегации запретил оставлять нам паспорта в отеле, мол, ЦРУ их может перефотографировать и использовать в своих гнусных целях. Стояла жара. Слонялся по городу, временами потной рукой проверяя, на месте ли паспорт. Потом мы все крепко напились, и перед сном я его запрятал. Просыпаюсь и не помню, куда запихнул. Начал судорожно обыскивать номер и обнаружил паспорт в сценарии своего «Мюнхгаузена». Всё-таки даже в пьяном виде не утратил логики: в сценарий ЦРУ вряд ли полезет.

А интересно, куда бы полезло ЦРУ? В какую часть одежды уважаемого писателя? Спросить бы у Бэгли, но ведь не скажет, гад!

Григорий Горин торопится на очередной просмотр. Вот бедняга! Все на пляже, лишь жюри мучится...

Тут проносится страшная весть: привезли на частном самолете пьяного в дупель Депардье, он молвил пару слов перед камерами, отрекламировал французских курей, упился до положения риз, разбил себе морду, превратился

¹ Союз советских писателей. — *Прим. ред.*

в зомби, которым играли бизнесмены-французы — они его и умыкнули обратно во Францию так же стремительно, как и приволокли.

Какой пассаж! А ведь у нас, шпионов и актеров, вечно обвиняемых в пьянстве, ни одного серьезного запоя! Ну, кто-то врезался носом в дверь, кто-то набил синяк под глазом, но это всё семечки по сравнению с месячным запоем Депардье!

Всё это наводит на здоровые мысли.

Беру в баре «отвертку» (смесь водки и фанты) и задумываюсь о тяжелой судьбе шпионов и актеров.

Хорошо!

Пить, а не думать.

А море лижет пятки.

Сила духа Вадима Кожина

Мне удалось взять интервью у литературного критика и философа Вадима Кожина. Дело происходило в его скромной квартире в Большом Молчановском переулке, среди огромного количества книг на полках его кабинета. Так мы познакомились и начали общаться. У Вадима Валерьяновича сразу обозначился большой интерес к работе советской разведки, при этом он подчеркивал, что его дальний родственник, видный чекист Всеволод Балицкий, одновременно занимал пост начальника ГПУ и министра внутренних дел Украины (был расстрелян в 1937 году, реабилитации не подлежал).

Я пригласил его на дискуссию в пресс-службу СВР (тогда на Колпачном переулке) в особняке, где раньше проживал бывший начальник Смерша — министр госбезопасности Виктор Абакумов, снятый с должности Сталиным и рас-

стрелянный при Хрущеве вместе с группой руководителей госбезопасности. В дискуссии участвовали иностранцы, говорили по-английски, и Кожинов с интересом всё это слушал.

Возвращались вместе, попутно Кожинов показывал достопримечательности Москвы: столицу он знал в деталях и очень любил. С тех пор мы подружились и встречались неоднократно. Хотя я и учился на международно-историческом факультете МГИМО, историю знал по советским тенденциозным учебникам, поэтому Вадим Валерьянович во многом явился для меня первооткрывателем, особенно в русской истории.

Многие считали Кожинова антисемитом, я лично ничего антисемитского из его уст не слышал и ничего подобного у него не читал. Более того, его жена Елена Ермилова была еврейкой, дочерью известного критика Ермилова, он сам поддерживал связь с израильскими литературоведами. Другое дело, что он был противником сионизма, не считал черносотенцами «Союз русского народа», доказывал, что еврейские погромы происходили на территории Украины, а не России.

Друг русского философа Шафаревича, он яростно утверждал, что наши государи отнюдь не были жестокими варварами: например, английский король Генрих VIII по своей жестокости намного превосходил Ивана Грозного. Кожинов блестяще знал русскую историю и постоянно давал беспощадный бой западным историкам, утверждавшим, что русские — это недоразвитые существа и «медведи, не доросшие до цивилизации».

Он даже не рвался поехать туристом на Запад: не принимал западную цивилизацию в целом. Мне, много лет работавшему за кордоном и постоянно дискутирующему с западными антисоветчиками, казалось странным, что он

грубо отказывал в интервью журналистам и литературоведам, критически относившимся к России. Почитал старообрядцев, из которых вышли такие великие меценаты, как Третьяков и Мамонтов, не без критики воспринимал борьбу с ними русских царей. Считал, что Петр I «наломал дров», сдержанно относился к Сталину, хотя осуждал его репрессии, с большим скепсисом воспринимал Хрущева, Горбачева и Ельцина. Не раз говорил мне, что он больше историк и философ, чем литературовед и критик в журнале «Наш Современник», написавший о Тютчеве и о многих русских поэтах, среди которых он особо выделял Юрия Кузнецова. Отличался неординарностью в своих суждениях, не считал себя марксистом, хотя и не отрицал огульно этого учения.

В жизни Вадим Валерьянович был чрезвычайно скромным человеком, не заботился о моде и внешнем облике: его больше интересовала внутренняя сущность личности, он сам являлся Личностью. Его взгляды чрезвычайно важны в наши дни, при возрождении России с её традициями, во время борьбы с обезьяньим западничеством и либеральным бескультурьем. Человек высокой духовности, истинно русская личность и патриот Отечества — таким является Вадим Кожин.

Интервью Михаила Любимова с Вадимом Кожиным

Л.: Вадим Валерианович, вы по праву считаетесь одним из интеллектуалов из лагеря оппозиции, причем вас трудно заподозрить в симпатиях к тоталитарной системе, ибо при ней вас довольно жестко цензурировали и препятство-

вали изложению ваших взглядов, в широком смысле русофильских. Кроме того, вы никогда не были коммунистом и оставались лишь литературным критиком, не сделавшим карьеру в ССП. Так к чему сводятся ваши кардинальные возражения нынешней политике правительства?

К.: Как ни странно, для меня, хотя я не марксист, на первый план выходят экономические соображения...

Л.: А что, разве только марксисты ставят на первый план экономику? И вообще, почему вы, литератор, входите, простите, не в свою сферу?

К.: А потому что русские литераторы всегда занимались проблемами экономики. Даже такой «чистый лирик», как Фет, издал много трудов по этим вопросам, и их стоило бы переиздать, ибо они намного интереснее, чем сочинения многих нынешних экономистов. Что же касается вашего первого вопроса, то в том-то и дело, что именно радикал-демократы (кстати, большинство — бывшие марксисты) тут же относят тех, кто придает экономике первостепенное значение, к приверженцам марксизма и коммунизма. Во-первых, марксизм не такая уж вздорная теория, во-вторых, в отличие от многих мне удалось в свое время проштудировать многие немарксистские труды, где на первый план выдвигались проблемы экономики. Помнится, не так давно Василий Аксенов писал, что, мол, какие-то Маркс, Ленин, Сталин придумали, что человек есть политическое животное. Но простите, это определение принадлежит Аристотелю. Или возмущение, уж не помню, какого автора, что человек — это животное, умеющее изготавливать орудия производства. Но это писал не Маркс, а Бенджамин Франклин почти за век до появления Маркса, и это легло в значительной степени в основу американского восприятия жизни.

Л.: Но почему всё-таки вы видите именно в экономике ключ ко всему, что происходит в России?

К.: Дело в том, что, несмотря на всю сумятицу политических разногласий, их можно худо-бедно привести к общему знаменателю или найти компромисс. А вот экономическая политика, от которой зависит и настоящее, и будущее России...

Но начнем по порядку. Марксизм утверждает, что всё начинается с экономики, я же считаю, что экономика — это некий фокус, в который сходятся самые разные вещи. Экономика страны зависит как от климата, так и, скажем, от господствующей в ней религии. Вне этих факторов экономика развиваться не может. Между прочим, и Гайдар, и другие экономисты, отрекаясь от марксизма, проповедовали долгое время тезис: стоит построить рыночную экономику, и страна пойдет по другому пути сама собой, и наступит благоденствие и приобщение к так называемой цивилизации. А совсем недавно в своей книге «Государство и эволюция» Гайдар пишет: «Несомненная правда, что большинство стран с рыночной экономикой пребывают в жалком состоянии, в застое или бедности, они куда беднее, чем Россия». Раньше Гайдар утверждал, что стоит нам построить рыночную экономику — всё будет прекрасно. Очень похвальные призывы, чтобы мы, русские, жили как немцы или японцы, но ведь они живут так не потому, что в этих странах существует рыночная экономика, а потому, что они немцы и японцы, то есть благодаря многочисленным географическим, историческим и другим факторам.

Л.: Сейчас уже нам приводят в пример уже и «азиатских тигров» или «маленьких драконов» вроде Тайваня, Южной Кореи, Малайзии...

К.: Совершенно неудачный пример, так как этим странам удалось освоить технологически некоторые сектора экономики, рассчитанные в основном на экспорт в третий мир, за счет этого и произошло улучшение уровня жизни.

Но и по количеству населения, и по пространству Россия совсем иная, хотя, возможно, мы и смогли бы приспособить одну какую-нибудь область к функциям такого «тигра».

Л.: И тут же у меня возникает другой вопрос: большинство политических партий в России говорят о рыночной экономике, имея в виду смешанную экономику. Это касается и коммунистов. Так допускаете ли вы частный сектор вообще?

К.: Могу я выразиться резко: по-моему, в России ничего не может быть хорошего, если в ней не будет господствовать государственная экономика. Я не говорю о социалистической экономике — я говорю о государственной экономике, в которой могут быть сферы рыночной экономики, связанные с личным потреблением. Однако они не могут играть определяющую роль.

На мой взгляд, для читателей «Совершенно секретно», как и для большинства населения России, экономика — это самая секретная, самая таинственная часть нашей жизни. К примеру, десять лет назад мы имели огромное количество непроизводительных расходов: ВПК, включая мощную космическую программу, гигантские средства тратились на помощь «союзным», нередко мнимо союзным, странам — сейчас их долги нам превышают долги России. Огромные средства уходили на пропагандистскую деятельность и в стране, и за рубежом. Сейчас расходы в этих сферах либо сильно сокращены, либо сведены до нуля, а государству катастрофически не хватает денег. Тогда хватало и на содержание детских садов, и на издание убыточных книг, а сейчас...

Л.: Добавим к этому субсидирование жилья, медицины, транспорта, образования... Правда, всё это оставляло желать лучшего, но всё же!

К.: Как-то мне один японец сказал: «У вас поездка из Москвы в Ленинград стоит столько же, сколько у нас поезд-

ка на метро». И всё-таки какова тут должна быть оптимальная экономика России? Тут я хочу сослаться на крупнейшего русского экономиста Василия Семеновича Немчинова — ученого русской экономической школы, дожившего до 1964 года. В этой русской школе сложился Василий Леонтьев, который, правда, с 1931 года жил в США и стал одним из нескольких крупнейших экономистов мира. Он, естественно, внимательно следил за экономическим развитием своей родины. В 1989 году в «Литературной газете» он писал: «Неправильно было бы считать, что Горбачев и его коллеги намерены ввести в России свободно развивающуюся капиталистическую экономику. Конечно, это невозможно, даже если бы кто-нибудь и хотел это сделать. Идеальным конечным результатом успешной перестройки было бы становление смешанных систем, при которых состязательный рыночный механизм функционирует под строгим контролем государства, а всевозможные общественно-социальные службы поглощают большую часть национального дохода».

Л.: Не преждевременно ли говорить о рыночной экономике в России? Строит ли правительство действительно рыночную экономику? На мой взгляд, до августа 1991 года Горбачев как раз и топтался вокруг этого вопроса. Затем в дело пошел любимый ленинский принцип, взятый им у Наполеона: ввяжемся в драку, а там видно будет. Ввязались, отпустили цены, ликвидировали дефицит товаров, ограбили большинство населения, создали узкую элиту из миллиардеров и привязанный к ним класс, которого в общем такая ситуация устраивает. Прекрасно работают на экспорт и обогащаются газовая и нефтяная промышленность, еще кое-что, нарастает безработица. Но где он, частный сектор? Всё носит половинчатый характер, земля принадлежит в основном государству, фермерство далеко не шагнуло. Огром-

ное число посреднических фирм, частные банки, появление биржи, свободный обмен валюты — это рыночные реалии. Да и то уже столько частных компаний оказались жульническими. Мысль моя проста: поскольку мы можем постичь, что же оптимально для России, только ввязавшись в драчку и опробовав всё на практике, то не произойдет ли дальше самоорганизация всей экономики?

К.: Помнится, Гайдару Караулов задал вопрос: «Какой процент населения поддерживает реформы?», — Гайдар ответил, что 25 %. Был естественен и следующий вопрос: «А что же делать с остальными 75 %?» Ответ: «Когда у нас разовьется экономика, вроде бы возьмем их на иждивение — так бывало почти во всех странах». Я бы на месте Караулова задал бы еще два вопроса: выживут ли 75% к тому времени, когда у нас будет цветущая экономика? Смогут ли 25% прокормить 75%? В рыночной экономике господствует главный всеопределяющий принцип: прибыльность. Но в России все предприятия создавались без расчета на прибыльность. Они создавались для удовлетворения интересов государства (оборонка и т. п.), для интересов населения, которое требовалось хоть как-то кормить и одевать, и, наконец, иногда чтобы просто занять людей, живших в определенной местности. Что это значит? Что существующие в стране предприятия нужно попросту уничтожить: их невозможно сделать прибыльными. Единственная крупная страна в мире, которую по географическому положению можно сравнить с Россией, — это Канада. Так вот, 90% населения Канады живет и трудится на узкой полоске на юге страны. Мы можем сделать наше сельское хозяйство прибыльным, но для этого нужно сосредоточить его, допустим, в районе Кубани. Короче говоря, программа трансформации государственной экономики в рыночную — заведомая утопия. Кстати, рыночная экономика, по всем опре-

делениям, должна быть частью мировой экономики, но совершенно очевидно, например, что наша угольная промышленность, особенно в северных районах, не может быть конкурентоспособной хотя бы потому, что массу топлива приходится сжигать для обогрева. Ну, а разве наши условия добычи нефти в Сибири могут быть сравнимы с ближневосточными? И тут полная неконкурентоспособность!

Л.: И всё же: как вы представляете себе экономику России в будущем? Будут ли в ней коммерческие банки, например?

К.: Будут, но для узко-локальных целей. Например, для развития фермерства в конкретных районах.

Л.: Ну, а разве не могут коммерческие банки субсидировать государственные проекты?

К.: Я в это не верю, ибо их капитал, в сущности, ничтожен, имея в виду масштабы России, и используется исключительно для различных махинаций. Об этом уже столько написано, что неудобно повторять.

Л.: Ну, а допускаете ли вы свободный обмен валюты?

К.: Тоже в очень локальных целях. Вот вы заговорили тут о фермерах, которых очень мало в России. Почему? Да потому, что реформаторы только декларировали фермерство. Вот недавно один образцовый финский фермер рассказывал по телевидению, что в свою ферму он вложил полтора миллиона долларов. Дай бог, чтобы у нас такую сумму на сельское хозяйство получила бы целая область! Между прочим, Маркс в свое время сформулировал верную мысль: «Плодородие земли зависит от вложения капитала».

Л.: В общем, вы стоите за сохранение колхозов, дав людям право выхода из них со своей долей собственности. Ну, а если у меня пивоваренный завод, то вы его закроете.

К.: Вы его сами закроете, ибо не сможете конкурировать с западным пивом.

Л.: Но почему же так? До революции наши товары: икра, балыки, окорока, пшеница и многие другие — славились на Западе. Что нам мешает возродить всё это?

К.: Всё это верно, но, как говорят, поезд ушел. Было время, когда макароны в Италии делали из русской пшеницы, а Париж ел вологодское масло. Но с тех пор западный рынок полностью изменился, и наше место там прочно занято. Нас туда не пустят.

Л.: Хорошо. Но почему мы сами не можем тогда обеспечить себя? Я, например, да и многие другие, предпочел бы есть колбасу бывшего комбината им. Микояна, а не немецкие эрзацы! Где наш великолепный сыр-рокфор? Помните, какая была буженина? А окорок по-тамбовски, ей-богу, ничем не хуже французских окороков, в которых мяса кот заплакал. Мы не ценили грузинские вина, армянские коньяки (не нынешние подделки, которыми завалены все магазины — чистое жульничество). Но почему мы не можем наладить производство этих товаров? Кстати, по идее, оно должно быть и дешевле!

К.: Самообеспечение возможно при условии, если мы не вливаемся в мировую систему. Сообщу еще одну «совершенно секретную» вещь: в России работает замечательный экономист, лучший ученик вышеупомянутого Немчинова — Марк Михайлович Голанский. Кстати, во времена «застоя» небезызвестный П. Бунич «зарубил» его докторскую диссертацию как «немарксистскую» — теперь он, вероятно, рубил бы её как «марксистскую»... И это о многом говорит. В трудах Голанского неопровержимо доказано, что Россия никак не может войти в мировую рыночную систему. Об этом же говорит и прославленный на весь мир Василий Леонтьев. Но, увы, экономическая политика базируется сейчас на рецептах горе-экономистов, которые еще недавно воспевали «развитой социализм», а теперь превоз-

носят «рынок». И эта политика ведет только к разрушению экономики...

Л.: Тогда какой же, по-вашему, должна быть экономическая политика России?

К.: Все ключевые позиции должны или, вернее, не могут не находиться в руках государства. При этом, конечно, у нас не будут производиться сотни марок автомобилей и тысячи сортов колбасы, но я не думаю, что расцвет «потребительства» является условием счастья, особенно в российском мироощущении.

Л.: Тут мы уже касаемся глобальной проблемы ограничения потребления, некоего аскетизма. Мысль о самоограничении не раз подчеркивалась Солженицыным. Вы с ним согласны?

К.: Конечно! Только 15% населения нашей планеты живет в так называемых цивилизованных странах с высоким уровнем потребления. Но я считаю, что Солженицын напрасно тогда отрицает социализм, который и есть в конечном счете система самоограничения.

Л.: Но почему же сейчас невозможен рынок, если он был в России до революции?

К.: Уже полтора десятилетия я занят почти исключительно изучением русской истории и ясно вижу, что очень многое в общепринятых представлениях о ней не соответствует действительности. В частности, едва ли Россия перед революцией 1917 года была капиталистической страной. Это «доказывали» ради обоснования «руководящей роли» очень немногочисленного (1,5–2% населения) рабочего класса. В России были, по сути дела, только отдельные «островки» капитализма. То же самое следует сказать и о «рынке» в прямом значении сего слова. Более двух третей населения составляли крестьяне, которые вели, в сущности, натуральное хозяйство. Это, кстати, доказал еще

в 1920-х годах В. С. Немчинов. Он подсчитал, что сто с лишним миллионов дореволюционных крестьян продавали за год всего только примерно 360 млн пудов хлеба, то есть в среднем три с половиной пуда (один мешок — 50 кг) на одного крестьянина... Если такое положение квалифицировать в качестве «рыночной» экономики, следует уже тогда признать, что и в СССР, где колхозники так или иначе торговали полученным ими на так называемые трудодни, тоже был «рынок»... Вместе с тем в России имелись отдельные крупные хозяйства, работавшие на рынок, в том числе и зарубежный. Но это было всё же локальное явление, никак не определявшее жизнь абсолютного большинства населения.

Л.: Но разве не являлись носителями капитализма крупнейшие русские предприниматели-миллионеры, о которых мы говорим ныне с таким пиететом?

К.: Тут перед нами встает своего рода загадка, ибо почти все эти люди принадлежали к старообрядцам или же были тесно связаны с ними. Прославляемые сегодня Морозовы, Рябушинские, Щукины, Гучковы, Кокоревы, Солдатенковы, Алексеевы (из них — Станиславский) — это всё старообрядческие, «раскольничьи» фамилии. «Раскольники» (их имелось к началу XX века два с лишним миллиона) исключительно жестко преследовались властями, и накопление богатства, способного помочь выжить их религиозным общинам, представало в их глазах как подлинно богоугодное дело — то же присуще и западному протестантству, с которым крупнейший социолог Макс Вебер нераздельно связал «дух капитализма». Потому и крестьяне-старообрядцы были наиболее зажиточными, например, в Сибири. Между тем в православном восприятии — при всех возможных оговорках — накопление капитала всегда оставалось чем-то заведомо ГРЕХОВНЫМ. И очень выразительный факт: отхо-

дя от старообрядчества, наши миллионщики нередко начисто разорались, подобно знаменитому Савве Морозову — внуку основоположника династии.

Л.: И в чём же вы видите различие западного и российского дореволюционного укладов жизни?

К.: На Западе в начале XX века преобладающая часть населения делилась (в соотношении 1:10 или даже 1:20) на хозяев и наемных рабочих. Что же касается России 1913 года, то в любом справочнике, хотя бы в БСЭ, вы обнаруживаете прямо-таки загадочные цифры: «Рабочие и служащие» (имеются в виду все лица наемного труда, включая и чиновников, и «служилую» интеллигенцию, и, с другой стороны, сельских батраков, домашнюю прислугу и т. д.) — 17 % населения; «буржуазия, помещики, торговцы и кулаки» — 16,3 %; остальные 66,7 % населения — это крестьяне. Вот ведь воистину странная вещь: на одного «эксплуататора» в России приходилось чуть больше одного «эксплуатируемого». Такая пропорция, конечно же, никак не соответствует капиталистическому устройству общества. Основой экономического бытия в России являлась, во-первых, крестьянская община, которая вовсе не представляла собой «пережиток древности», как обычно утверждают, и к 1917 году, по сути дела, претворилась в различные формы кооперации. Во-вторых — многообразные артели (так, все строительные работы, в том числе создание грандиозной Транссибирской магистрали, выполнялись артелями).

Л.: Давайте всё-таки коснемся политики. Допустим, оппозиция или те силы в ней, которым вы симпатизируете, приходит к власти...

К.: Я пока не нахожу среди оппозиции той политической силы, которая была бы способна прийти к власти. Дело в том, что любая серьезная оппозиция видит необходимую свою задачу в бескомпромиссной борьбе с нынешним не-

слыханным разграблением страны, выражающимся, например, в ежемесячной перекачке в зарубежные банки нескольких миллиардов долларов (в то самое время, когда правительство выклянчивает у МВФ жалкие 6 млрд долларов, которые еще и придется возвращать). И мне представляется несомненным, что в случае реальной возможности прихода к власти оппозиционных сил их основные деятели будут попросту перебиты наемными киллерами. Чтобы этого не случилось, оппозиции предварительно нужно, допустим, иметь своего генерала Александра Коржакова со всей подчиненной ему структурой.

Л.: Но всё-таки вы в оппозиции и один из тех, кто фундаментально критикует нынешнюю политику. Вы знаете, чего больше всего боятся люди, когда речь заходит о приходе к власти оппозиции? Кровопускания. Мне кажется, Веденкин именно затем и был запущен на телеэкран, чтобы поугатать обывателя и показать ему «альтернативу». Боятся, что отберут приватизированные квартиры, национализировуют вновь торговлю, прекратят аренду, закроют въезд и выезд за границу. Правительство постоянно использует этот подспудный страх и очень активно приклеивает ярлык «фашистов» своим критикам, используя СМИ. Неужели это может произойти? Каково Ваше мнение?

К.: Я глубоко убежден, что сейчас для этого нет никаких предпосылок. В двадцатые-тридцатые годы большинство людей, включая некоторых интеллектуалов, искренне верили, что строят рай на Земле. Это были честные люди, тем более что мораль коммунизма на бумаге и в пропаганде почти не отличалась от евангельских заповедей. Это великая трагедия обманутого народа, которого всегда отличала доверчивость. Такие писатели, как Тынянов, Чуковский, Пастернак восторгались Сталиным и искренне считали его гением. В наше время подобная вера невозможна,

а люди, как показывает история, не могут пойти на массовые убийства и экспроприации просто так, без идейной фанатической подоплеки. Вообще, как мне представляется, нелепо думать, что сталинский строй держался лишь на штыках: он существенно подпитывался народным энтузиазмом, умело подогретым пропагандой. Более того, верой в коммунизм была охвачена лучшая часть людей, то есть тех, кто думал не только о своем личном благополучии, но и о судьбе страны. Помните, когда ссыльный отец Твардовского, бежавший из Сибири, пришел к сыну и попросил его помощи, тот ответил: «Единственное, что я смогу, — это бесплатно отправить тебя обратно».

Л.: А не есть ли это результат обыкновенной трусости, прикрытой для приличия фиговым листком веры?

К.: Я хорошо знаю, что непререкаемая вера в «высшую справедливость» самых бесчеловечных деяний была тогда присуща массе самых различных людей.

Л.: Итак, как я понимаю, вы не противник демократии.

К.: Более того, ни одна моя статья, начиная с 1957 года и кончая 1987 годом, не была напечатана полностью: всегда срабатывали ножницы цензуры! Мне ли противиться демократии? Правда, и в наши дни я не могу напечататься в «демократических» изданиях, и вообще место цензуры сейчас заняло экономическое давление. Обратите внимание: оппозиционные газеты намного дороже, чем проправительственные. Причина проста: за ними не стоит капитал, они не получают субсидий. Разве это не цензура? Гораздо более эффективная!

Л.: Еще вопрос. Сейчас произошел наплыв, даже интервенция, низкопробной западной культуры, весьма сомнительных продуктов питания (я не говорю о дорогих). Люди получили возможность самим вкусить от западного древа и увидеть, что очень многое в нашем Союзе намного пре-

восходило Запад на культурном и бытовом уровне. Не кажется ли вам, что сейчас медленно идет переоценка первой восхищенной реакции на свободный перелив к нам товаров и культуры?

К.: Бесспорно. И, между прочим, вы, Михаил Петрович, показали это в своем имевшем большой резонанс сочинении «Операция “Голгофа”» («Совершенно секретно» № 2). Ваше сочинение вызвало бешеную реакцию определенных персонажей как раз потому, что оно вполне реалистично, хотя перед нами, конечно, «фантастический» или «гротескный» реализм. То, что изображено как результат личной инициативы товарища Андропова, было разыграно в 1985–1994 годы САМОЙ ИСТОРИЕЙ. Катаклизм, пережитый Россией, начиная с 1917 года, должен был в конце концов породить свое решительное ОТРИЦАНИЕ. Ибо ведь после каждой великой революции, которая, во-первых, неизбежно чудовищна и, во-вторых, столь же неизбежно заходит намного дальше, чем «намеревалась», наступала пора её полнейшего отрицания. В Англии конца XVII века и Франции начала XIX века это отрицание, кстати сказать, достигло более впечатляющих результатов, нежели теперь в России: вернулась вроде бы уничтоженная навсегда монархия (в Париже, к тому же, сел на трон родной брат обезглавленного Луи XVI); у нас же ныне кое-кто только мечтает о воцарении юного Жоржика Романова... А далее «реставрация» с такой же непреложностью породила еще одно отрицание и «завоевания» революции опять, и теперь уже прочно, становились основой экономической и политической жизни. Вообще для периодов бурного движения истории характерен своего рода принцип МАЯТНИКА. И в вашем сочинении описан «осуществлявшийся» с 1985 года «план» такого маятникового развития:

1. Развал существующего строя.
2. Переворот и «внедрение капитализма».

3. Хаос и неизбежная «мобилизация масс».

4. Новая «социалистическая революция».

Дело именно так и шло, причем «хаос» был неотвратим из-за абсолютно утопической программы создания рыночной экономики. Единственно проблематичен ваш 4-й пункт, поскольку это уже попытка предвидения, а не констатация имеющегося налицо. Так или иначе, «маятник», по всей вероятности, дойдет до конца в ближайшем будущем (по воле истории, а не чьей-то личной). После всякой революции (а как еще назвать полный слом общественной системы в 1991 году?) всегда наступает контрреволюция. В этом смысле последние годы важны для осознания нашего собственного места в истории, нашего собственного пути. Между прочим, Запад тоже переоценивает свое восторженное отношение к перестройке, ибо цели достигнуты: разрушено мощное государство (а мощные государства, в том числе и США, нигде в мире не популярны), да и весь так называемый социалистический лагерь сгинул в небытие (о последнем нам нечего жалеть: Россия ничего не выиграла от оккупации Восточной Европы). Теперь на свет появился новый лозунг: русская мафия угрожает миру! Я не отрицаю силу мафии у нас в стране в этот смутный период, но почему бездействуют силы правопорядка на стабильном Западе? Неужели наши мафиози так овладели западными языками и так вжились в среду, что их невозможно арестовать? Да их за версту видно!

Л.: Клич о мафии успешно заменяет «руку КГБ». Интересно, что совсем недавно директор ФБР Фри официально заявил, что русской мафии в США приходит конец. Русские, конечно, совершают преступления в Европе гораздо больше, чем раньше, но по удельному весу это лишь доля процента в общем числе преступлений. Тем не менее шум стоит такой, словно «новые русские» уже взяли за горло

весь западный капитал. Еще вопрос: как вы относитесь к воссоединению СССР? Если оппозиция придет к власти, произойдет ли воссоединение?

К.: Я считаю, что эта проблема будет решена чисто экономическим путем, без всяких военных потрясений и интервенций. Заметьте, что в бывших республиках СССР более-менее современная экономика появилась тогда, когда они вошли в состав России. Что это означает? Да только то, что с самого начала республиканская экономика была «повязана» — она и сейчас не может функционировать без России. По всей видимости, мы повторим путь Западной Европы и медленно перерастем в свой «общий рынок», а потом, возможно, и в некую политическую структуру. В любом случае, ныне свободным от СССР народам надо выбирать между Россией и другими государствами — сами по себе они существовать не могут.

Писатель Юлиан Семенов

С Юлианом Семеновым меня свел его друг, маститый журналист Евгений Додолев, он и представил меня главному редактору ежемесячной газеты «Совершенно секретно». (Редакция тогда размещалась в квартире на Новом Арбате.)

Юлиан Семенович был всегда перегружен делами и командировками, на месте не сидел и имел свободный график работы. Светский, деловой, дружелюбный человек — таково моё первое впечатление от встречи с ним. В написании статей он дал мне карт-бланш, с упором на шпионские темы, тогда еще покрытые мраком конспирации.

Редакция была небольшой и весьма трудоспособной, из пишущих журналистов выделялись Д. Лиханов и Е. Свет-

лова, много работало прекрасных и умных женщин. Там же находился и семеновский журнал «Детектив и политика», который эффективно вела Е. Стояновская. Обнаружил я там и отставного полковника Б. Дубенского, бывшего резидента в Осло, сосланного потом в сферы советского кино — этот скромный и немногословный человек оказался родственником Юлиана. Первым заместителем редактора был А. Плешков (он потом погиб в Париже при невыясненных обстоятельствах). В то время в редакции Артема Боровика, заменившего потом Юлиана, я не встречал. На дворе стоял перестроечный 1989 год, все мы находились в святой эйфории: вроде бы закончилась холодная война, подул свежий ветер свободы и гласности, открылись границы. Юлиан Семенович, разумеется, поддерживал линию Горбачева. Одна из моих первых статей, которую Семенов сделал передовицей, называлась «Виват, Восточная Европа!» с поддержкой перехода на западные рельсы — кто же думал, что друзья и товарищи по Варшавскому пакту вольются в НАТО и станут злыми врагами России?! Признаюсь, что оказался карасем-идеалистом, на беду в такие же караси залезло и всё тогдашнее руководство СССР и России — теперь пожинаем плоды этого забвения законов геополитики.

Семенов часто бывал в Берлине и где-то там раскопал гостиничный документ о пребывании Кима Филби, при мне позвонил тогдашнему шефу разведки Леониду Шебаршину (его он хорошо знал: оба заканчивали МГИМО, хотя и в разное время) и согласовал с ним публикацию, уже затем поручил мне написать статью. Таков был тогда порядок.

Распространено мнение, что Юлиан Семенов не вылезал из секретных документов КГБ и на их основе писал свои книги. Честно говоря, как кадровый сотрудник КГБ, я совершенно этого не понимаю. Какие секреты? Явки и пароли для писателя — табу, он их придумает сам, да и сюжеты можно

сочинить даже при слабой фантазии. Оперативных и других дел в службе такое множество, что полжизни нужно потратить, чтобы выудить оттуда что-то для романа. Семенов прекрасно знал английский язык, был широко образован, читал иностранные газеты и книги, переполненные различными сведениями о шпионах, особенно о наших отечественных — своих-то с гулькин нос! К тому же, с его острым умом и завидной фантазией смешно рыться в немудреных оперативных бумагах!

Однажды он сказал мне: «Вот придумал одну историю, а ваши коллеги её запретили, сказали, что это секретно!» Конечно, в КГБ его высоко ценили, чем-то делились, ведь он вполне отвечал андроповской политике популяризации «органов». Правда, двери Андропова он ногой не открывал, это домыслы журналистов.

Семенов черпал много нужной информации от генералов Второго главка (контрразведки) КГБ В. Боярова и В. Кеворкова, который хорошо знал интеллигенцию, создавал доверительный канал связи между канцлером Брандтом и советским руководством, сам не был чужд писательству. Виталий Константинович Бояров работал в Лондоне по линии контрразведки в шестидесятые годы и доставил много неприятностей английским спецслужбам. Бояров говорил мне, что считает за честь видеться с таким талантливым и любимым народом писателем, восхищался его книгами. Он лично помогал Семенову собирать материал, рассказывал ему о некоторых делах — не случайно Юлиан вывел его, как генерала Константинова в «ТАСС уполномочен заявить».

Вообще жанр, в котором специализировался Юлиан Семенович, невозможен без контактов со спецслужбами и без их содействия. Наверное, поэтому нынешние творцы этого жанра, освободившись от пут цензуры, и пишут не-

кие американские вариации, которые невозможно ни читать, ни смотреть. Я лично считаю, что романы Семенова принципиально отличаются от западных триллеров тем, что у них, как правило, всё построено на вымысле, реальная история и политика там присутствуют редко, главное — это завлечь читателя. У Семенова его Штирлиц (или Исаев) работает в реальных условиях и Гражданской войны, и войны мировой, поэтому его произведения убедительны и популярны, в художественном отношении первоклассны. Меня очень трогает искренний роман «Отчаяние», когда Штирлиц попадает в нашу тюрьму. Ведь так и случилось с советскими резидентами героической «Красной капеллы», с некоторыми кураторами Кима Филби и кембриджской пятерки, с выдающимися разведчиками, генералами Судоплатовым и Эйтинггоном. Этот роман — отнюдь не месть за арест отца, как утверждают некоторые, — это природная тяга Юлиана Семеновича к правде и справедливости.

Семенов был в зените славы и временами вместе с членами редакции выезжал на встречи с народом, который в то время всему верил и видел в писателях и журналистах мудрецов, познавших Истину. Я сам присутствовал на крупнейшем Горьковском автозаводе, нас засыпали вопросами и о газете, и о положении в стране. Да, это было время надежд, тяжелое время светлых надежд! Разумеется, после распада Союза, ельцинской приватизации и огульной дискредитации всего советского популярнейшего писателя попытались по-большевистски сбросить с парохода современности вместе с Горьким, Маяковским и другими. Тщетные усилия недоумков! Взамен мы получили снижение уровня культуры, медленное угасание писателей, озабоченных своим низким достатком, дурно переведенную иностранщину. Раньше государство популяризировало писателей, их знал народ. Где вы, мастера культуры наше-

го времени? Таланты в России никуда не исчезли, они толкуются в своем узком пространстве и пытаются вырваться наружу, пытаются вырваться из-под денежного мешка. Почему бы, например, на телевидении вместо «Как стать миллионером?» не запустить «Как стать умным?» или «Как стать поэтом?»

Советская власть очень ценила культуртрегерство и активно пропагандировала культуру вместе со своими идеалами, некоторые актуальны и в наши дни. Так почему бы не взять это на вооружение, приспособив к современности?

В России преклонение перед Западом — это отнюдь не выдумка Сталина в его борьбе с космополитами, это давняя черта солидной части интеллигенции.

Семенов не только культуртрегер, постоянно насыщающий читателя деталями нашей и заграничной жизни, но и знаток политической кухни с её подковерными интригами. Он не раб триллера, когда читатель каждые две страницы падает от ужаса в обморок. Его Штирлиц действует, когда между союзниками по коалиции существовало недоверие: а вдруг одна из сторон заключит сепаратный мир с Гитлером? Даже Сталин писал Рузвельту, что мы всё знаем благодаря нашим надежным людям. Читатели настолько поверили в реальность Штирлица, что КГБ, а потом СВР официально опровергали его существование.

Юлиан Семенов постоянно пытался вырваться из «детективно-шпионской упряжки», принесшей ему славу. Примером может быть его прекрасная повесть «Гучков», обращенная к истории русской революции. А сколько у него весомого из неопубликованного при жизни и ставшего достоянием общественности! Влюбленный в жизнь путешественник, искрометный талант, бесребреник, свободный человек — таким был Юлиан Семенов, которому недавно исполнилось бы девяносто лет.

Евгений Евтушенко за рубежом и дома

Первый визит Евгения Евтушенко в Лондон в начале шестидесятых взбудоражил всё советское посольство в Лондоне. Времена стояли оттепельные и необычные, дисциплинированные и осторожные советские граждане в Лондоне чутко реагировали на «хрущевские закидоны», но четко следовали линии партии. Многих впечатлил рассказ А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в «Новом мире», даже предлагали созвать конференцию для обсуждения. Недавно побывала небольшая группа писателей во главе с Виктором Ильиным — орг. секретарем московской организации, бывшим видным чекистом, ранее отсидевшим девять лет в одиночке, реабилитированным и вознесенным наверх. Писатели вели себя чрезвычайно бдительно, словно наши диверсанты на вражеской территории, вне посольства передвигались группой, опасались провокаций, а из иностранцев общались лишь с членами общества дружбы.

И вдруг, словно дар с неба, на наши головы свалился Евтушенко. Кому дар, кому гром. Знаменитый и свободолюбивый, он разрушал порядок в советской колонии и подрывал своим поведением все основы безопасности. Поэт прибыл со своей тогдашней женой, красавицей Галей, появление приезжего гостя с супругой в те времена вызывало по меньшей мере недоумение. Посольство обеспокоилось, что он без всяких согласований стал активно встречаться с английскими деятелями культуры, причем щедро угощал англичан на СВОИ фунты стерлингов. Тем не менее он выступал на «ура» перед нашими гражданами, читал свои стихи с обычным блеском, зал был набит битком, не пожалели и цветов. Мне, тогда третьему секретарю посольства

(и старлею КГБ), удалось затащить его с Галей в нашу коммунальную комнатку в полуподвальной квартире с видом на помойные баки. Во время немудреного пиршества Евтушенко заметил у меня на полке взятую в посольской библиотеке еще довоенную «Антологию английской поэзии», тут же раскрыл её и с чувством прочитал «Змею» Лоуренса. Пришлось с болью в душе подарить ему антологию и, уже по его просьбе, в придачу «Лолиту» Набокова.

Второй раз мы встретились уже через несколько лет в Копенгагене. Он прибыл один, проездом из Латинской Америки, его встречали датчане, в том числе и одна местная поклонница. Я как старый знакомый тоже с ним пообщался, сводил его в яхт-клуб на берегу моря, в художественную галерею. Разумеется, поэт с успехом выступил в клубе нашего посольства, затем у датских коммунистов. Его не отпускала пресса, забрасывая вопросами. Датский журналист, советский эмигрант, настырно утверждал, что Евтушенко рабски прислуживает власти. Поэт сорвался и по-русски его послал, что, впрочем, благодатно подействовало на журналиста: он сбавил тон и даже извинился. Само собой, я продекламировал Евгению свои стихи, восторга они не вызвали, однако он посоветовал ни в коем случае не вступать в Союз советских писателей. Несколько раз повторил, что к диссидентам относится непредвзято, но себя таковым не считает. Настроение у него было подавленное, видимо, не ладилось с женой, как-то он мне признался: «Галя — это мой крест!»

Потом в Москве мы не раз встречались в ЦДЛ, однажды, поддав, переместились в ресторан ВТО на ул. Горького, где познакомились с девушкой и поехали на такси ко мне домой, где меня ожидала жена. По дороге Евгений купил в ресторане аэропорта напротив метро водки и шампанского — его там хорошо знали и охотно отоварили. Ночью

он уехал, оставив мне извинительную записку и свою девушку с авоськой, набитой кусками дефицитного мыла.

В 1980 году я вышел в отставку и занялся литературой. Грянула перестройка, в 1989 году Евтушенко выдвинули в Верховный Совет СССР — в то время кандидатов мерили не денежными мешками, а заслугами перед Отечеством. В 1990 году я опубликовал роман в тогда пятиmillionном «Огоньке» и в 1992 году получил приглашение прибыть в Иерусалим на международную книжную ярмарку (как я понял, в качестве «восходящей звезды» постсоветской литературы). Более того, приглашен с благоверной, что вообще ни в какие ворота!

Шикарный отель «Мишкенот» с двухэтажным номером и выходом в сад (в нем не раз останавливался Юрий Любимов), изысканная кухня и прочие радости жизни. И тут в коридоре мы наткнулись на Евтушенко с женой Машей — оказывается, его тоже пригласили, так что я попал в хорошую компанию. Ярмарку организовали по первому классу, было много встреч с читателями и ведущими политиками — суаре за суаре. Я с большим интересом слушал выступление Евтушенко на вполне приличном английском языке, раньше он его совершенно не знал. Однако поэта в Иерусалиме разрывали на части, и мы виделись в основном в отеле на завтраке. Уже в 1992 году в Москве я подписал контракт с американским «Пантеоном» об издании моего романа в США, переводчицей стала американка Нина Буис, вскоре я узнал, что она является переводчицей стихотворений Евтушенко. В начале девяностых я частенько бывал у блестящего журналиста и моего друга Юры Щекочихина на его даче в Переделкине: там, на природе, в дыму шашлыков обсуждали мировые проблемы философ Ю. Карякин, писатель Ю. Давыдов, ученый и бард А. Городницкий, поэт Л. Ошанин и, конечно же, Евгений Евтушен-

ко. Выпивали и закусывали, вели острые дискуссии, много шутили. Евгений Александрович тогда показался мне несколько мрачноватым, со мной общался мало, больше приглядывался к окружающей шумной публике. Последний раз виделись на прощании в ЦДЛ с поэтом Юрием Левитанским, там было не до бесед.

Вскоре — его отъезд в США, жизнь и преподавание в университете.

Наверное, наша очередная революция (распад СССР и приватизация) оказались совсем не тем народным счастьем, которого хотел Евгений Евтушенко. Великий русский поэт, широкая душа и романтик всегда любил свою Россию. Как нам его не хватает сегодня!

Мой Левитанский

«Взгляни! — вскричал мой друг, мидовец Володя Васильев. — Вон пьянствуют мои земляки-иркутяне!»

Это происходило в шестидесятые, разумеется, в благословенном Центральном доме литераторов: а где еще могли славно выпить и вкусно закусить советские писатели? Иркутянин Володя тут же подвел меня к веселой компании и познакомил с выдающимися сибиряками: писателем Залыгиным и поэтом Левитанским. С тех пор мы сблизились с Юрием Давидовичем и дружили вплоть до его смерти.

Я познакомился с его родителями, которых он вывез в столицу и купил им кооператив, временами возил его папу Давида в больницу на своем «Москвиче-408» (тогда иметь машину было малодоступной роскошью). Судьба подарила мне счастье знать всех его трех жен: умную Марину, работавшую на радио («Всему свой срок. Сейчас пора

травы... Ты всё равно пробьешься между строк»), талантливую Валю — критика, родившую ему трех прелестных девочек («Красный боярышник, веточка, весть о пожаре, смятенье, гуденье набата... О, ты не знаешь, куда заведет тебя завтра твое сумасбродство, твой ангел-губитель!») и, наконец, преданную Ирину — его последнюю страсть, которую он просил: «Варежкой мне помаши из вашей холдной погоды».

Житейские проблемы проходили мимо Левитанского, по всей видимости, он дышал иным, божественным воздухом. Не один раз мы погружались в мое авто, дабы прилично приодеть его в наших магазинах, но каждый раз безуспешно: либо не находили ничего подходящего, либо сам Юрий отвергал нечто, как непотребное. В результате, его постоянной униформой стала черная кожанка, надетая на свитер (крик моды в то время). Юрий любил понюхать по разным поводам, видно, его поэтическая душа постоянно требовала сочувствия и любви.

Однако это было отнюдь не замкнутое ангельское существо в башне из слоновой кости, он живо отзывался на все пертурбации нашей общественной жизни, слыл подписантом, в частности, в связи с вводом танков в Прагу. Да и его «Плач о господине Голядкине», которым он не раз радовал ЦДЛ на своих поэтических вечерах, звучал откровенно крамольно и приводил в содрогание цензоров: «Тут уж, ежели что, господа, тут такое начнется! Тут достанется, может быть, даже сиятельным неким особам!»

Он «медленно учился жить», его популярность резко возросла после выхода в свет сборника стихов «Кинематограф» (1970), его регулярно печатали, несмотря на вольнодумство. После женитьбы на Валентине и рождения детей власть предоставила ему большую квартиру в престижном доме в Астраханском переулке (он оставил её семье после

развода). Новая, уже ельцинская власть, дала ему квартиру для жизни с Ириной. В ЦДЛ он считался завсегдаем и никогда не брал займы у официанток, как некоторые служители муз и Аполлона.

Юрий Давидович ненавидел антисемитизм: однажды в ресторане «Арагат», где за соседним столиком оказались наглые антисемиты, он затеял скандал и довольно метко метнул кусок мяса в глаз обидчику. К коллегам и друзьям по цеху относился дружески, порой иронизировал, что его друг и сосед по подъезду Д. Самойлов пьет коньяк, а не водку (мол, считает себя человеком более высокой формации), с Б. Окуджавой дружил, но к его пению относился сдержанно, к И. Бродскому относился уважительно, но опять же без восхищения. Впрочем, всё о поэтах выложено в его знаменитых эпиграммах.

Юрий Левитанский, бесспорно, принадлежит к сонму мировых поэтов высокого класса. Его поэзия — это поэзия души, поэзия музыки, не знающей границ. Война всегда жила внутри Левитанского, из знаменитого ИФЛИ он добровольцем ушел на фронт, участвовал в кровавом штурме Будапешта, брал Берлин. Мало того, после победы над Германией был переброшен на Дальний Восток, где сражался с японцами. Левитанский не романтизировал и не драматизировал войну, он просто ненавидел эту форму человеческого падения, ненавидел всеми фибрами своей души. Горечь и неприятие войны сквозят в его:

Ну что с того, что я там был.
Я всё избыл, я всё забыл...
И отблеск Вечного огня
Дрожит на скулах у меня.

Именно поэтому, принимая из рук Ельцина Государственную премию, он вызывающе осудил Чеченскую вой-

ну, для него это была не абстракция, а зримый ужас, кровь и крах человека. Прочитую его «Воспоминанье о Нибелунгах»:

...Оставалось несколько месяцев
до начала этой войны,
с которой мы возвращались
долгие годы,
с которой не все мы вернулись,
мы,
от души хохотавшие
над этой отличной шуткой —
Зигфрид
умывается кровью дракона,
умывается
кровью,
ха-ха,
умывается
кровью!

Мыслил Юрий Давидович широко, активно поддерживал перестройку со всеми её иллюзиями. Много читал, из современных поэтов высоко ставил Арсения Тарковского, из классиков особо почитал Лермонтова, а строчки «Пусть она поплачет, ей ничего не значит» из «Завещания» считал образцовыми в русской поэзии.

Эпиграммы Левитанского — это не только фонтаны блестящего остроумия, но и беспощадный анализ сути и стиля отдельных поэтов, это учебник поэзии. Как и многие поэты, ради приработка, он много переводил ныне подзабытого Бертольда Брехта, чеха В. Голана, словака Л. Новомеского, венгра Д. Ийеша, поляка Я. Ивашкевича, довольно часто лейтенант в отставке Левитанский выезжал в восточноевропейские страны, которые он освобождал от фашистов. Многие его стихотворения полюбились музыкантам

и певцам, пришлось по душе несравненной Елене Камбуровой, популярной чете Никитиных, блестящему тещу А. Филипенко, актеру В. Никулину, да и сам Юрий Давидович всегда с воодушевлением читал свои стихи. К его творчеству тянулись не только мастера культуры, но и простые люди, которые иногда приходили к нему домой посоветоваться о жизни».

Я всегда находился под воздействием его волшебной поэзии. Однажды во время ночных посиделок у нас кончилась водка, и мы поехали за ней в международный аэропорт Шереметьево. Разумеется, в ресторан проникнуть можно было лишь по предъявлении пограничнику загранпаспорта, но Юра достал из кармана книгу со своим портретом, гордо показал её и был безропотно пропущен внутрь. «Писатель — второе правительство», — гремели у меня в ушах слова Солженицына, вот какой авторитет у мастеров культуры! Левитанский обожал Чехова, «вежливого доктора с улыбкой застенчиво-кроткой», и посвятил ему немало стихотворений. Импонировала и личность писателя, и его несколько снисходительное отношение к homo sapiens, и тихая тоска по уходящему времени с вырубленными вишневыми садами. Поэт перекликался с загубленным Мандельштамом: «Я трамвайная вишенка страшной поры, и не знаю, зачем я живу». И надеялся, что «трамвайные вишенки русских стихов, как бубенчики в поле под свист ямщиков, посреди бесконечных российских снегов всё звенят и звенят вдалеке...».

В Юрии Левитанском много от Чехова, он очень любил этого писателя. Вот его «Ялтинский домик»:

Вежливый доктор в старинном пенсне и с бородкой,
вежливый доктор с улыбкой застенчиво-кроткой,
как мне ни странно и как ни печально, увы —
старый мой доктор, я старше сегодня, чем вы.

Годы проходят, и, как говорится, — сик транзит
глюрия мунди, — и всё-таки это нас дразнит.
Годы куда-то уносятся, чайки летят.
Ружья на стенах висят, да стрелять не хотят...

Помашем же поэту Юрию Левитанскому «из нашей холодной погоды».

Шильонский узник военной разведки

*Автор — Роман Калинин,
при участии Михаила Любимова*

Шильонский узник военной разведки — это не герой известной поэмы Байрона, а полковник Виталий Васильевич Шлыков. Виталий Васильевич, как полагается офицеру разведки, долгие годы хранил в тайне истории о своей службе. Биография одного из крупнейших военно-политических экспертов России и в прошлом разведчика-нелегала до сих пор покрыта белыми пятнами. «Мне не хотелось напускать на себя таинственность перед друзьями и тем более лгать им, а говорить правду о том, что после окончания МГИМО я тридцать лет прослужил в нелегальной разведке ГРУ (из которых два года провел в швейцарской тюрьме), я был не готов», — писал Виталий Васильевич в сборнике воспоминаний выпускников МГИМО 1958 года — едва

ли не единственном биографическом материале героя. Шляков являлся одним из создателей СВОП¹, принимающего самое активное участие в нашей общественной жизни. В ходе неофициальной встречи российских и зарубежных военных экспертов, организованной ПИР-Центром в 2010 году, он выступил с докладом, посвященным проблеме военной реформы в России. Также Виталий Васильевич являлся автором ряда публикаций для журналов «Международная жизнь» и «Индекс Безопасности».

Виталий Шлык родился 4 февраля 1934 года в Воронеже, жили бедно, без отца, воспитывала его мать Елена Алексеевна, которую он впоследствии перевез в Москву. В 1958 году окончил экономический факультет Московского государственного института международных отношений МИД СССР по специальности «Международные отношения стран Запада».

Михаил Любимов вспоминает: «Мы дружили с Виталием с 1952 года, познакомились в МГИМО. Наш курс был весьма разношерстным и демократичным, из простых семей, всего два-три человека имели родителей из МИДа и высоких структур. Несмотря на то, что были в разных группах, тесно общались. Во время учебы большинство студентов жили в общежитии, учеба была очень интенсивной, на развлечения времени не оставалось. Успели увидеть Сталина, сходящего с мавзолея в конце демонстрации в честь Октябрьской революции, мгимовцы шли в заключительной студенческой колонне. На семинарах в те годы шли жаростные дискуссии в связи с решениями XX съезда партии. Ездили в колхоз “на картошку”, там трудились, по ночам состязались, кто громче пукнет. Институт несколько раз реформировали, влили институт востоковедения, образовали

¹ Совета по внешней и оборонной политике. — *Прим ред.*

восточный факультет, у нас училось много иностранцев. И вообще мы получили отличное образование, да! Был избыток марксизма-ленинизма, однако в жизни это ох как пригодилось: иностранные дипломаты и разведчики, с которыми довелось работать, вообще не знали никакой философии, даже западной. На выпускном вечере по случаю окончания МГИМО я зачитал эпиграмму:

За всё, за всё тебя благодарю я!
За горечь зря потерянных часов,
За сессий дрожь, за жизнь без поцелуев,
За боль заслуженно поставленных колов!
За планы переходные (кровь стынет!),
За всё, чем я обижен в жизни был.
Распробуй! Чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

Шлыков еще в МГИМО подружился с Николаем Капченко, потом редактором журнала “Международная жизнь”, автором многих монографий, в том числе великолепного трехтомника об Иосифе Сталине. Женой Капченко стала сокурсница, китаянка Ван Шу, Виталий часто посещал эту семью и пристрастился к китайской кухне. Еще в институте у нас сложилась мужская компания друзей, встречались мы и после окончания института. Кроме меня, Шлыкова и Капченко, в нее входили экстравагантный Евгений Новосельцев, потом журналист в пражском отделении журнала “Проблемы мира и социализма” и научный сотрудник ИМЭМО, Евгений Силин, будущий зампред комитета молодежных организаций, длительное время председатель советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество. Иногда к нашей компании примыкали Геннадий Уранов — дипломат от Бога, посол в Италии, Ирландии и других странах — и Владимир Васильев — дипломат,

заикленный на Венгрии, душевный и широко мыслящий человек — именно с ним я посетил Шлыкова на рабочем месте, когда он занял пост замминистра обороны РСФСР, правда, ненадолго. У нас была превеселая компания: в однокомнатной квартирке Новосельцева бывали известные артисты, там читали стихи, пели, развлекались. Уже ставшему послом Уранову налили в бокал вместо виски мозольную жидкость, он выпил и дипломатично изрек: “Как прелестен запах шотландского вереска!”

Я всю жизнь кропал стихи, эпиграммы и рассказы, открываю домашний архив, там много о “Витеньке”, так мы в узком кругу называли Виталия. Вот эпиграмма о “больных рыках Шлыкова” (у него был завораживающий баритон):

То Кеннеди, то Збигнев он,
Хитрейший тип, хамелеон.
Ах, Шлыков, лыком шиты вы,
Мы все немного Шлыковы,
Единые образчики.
А хочется всем в Капченки...

Виталий всегда обладал развитым чувством юмора, он заливался смехом, слушая подобные творения. Особых литературных пристрастий не имел, правда, любил английского писателя Льюиса Кэрролла, однажды даже прочитал мне наизусть “Бармаглота” из “Алисы”. Следил за своей прической и за модой, был чуть похож на польского актера Збигнева Цибульского, известного по фильмам Анджея Вайды. Господи, чего только не понаписано о друге! В моем стишке он говорит:

Я дом из серебра построил,
Ампирным светом озарил.
Воздвиг из виски Вавилон...

Виталий почти не пил, но купил в валютном магазине ящик виски, друзей потчевал, а мы дразнили его жадюгой. Не буду цитировать шуточную поэму “По случаю приобретения В. Шлыковым спального гарнитура”, только финал: “О бедный, маленький Виктор, погибнет всё от этих дур! Я славлю антигарнитур!” А из шедевра “Как удавиться В. Шлыкову” осмелюсь лишь привести один пассаж, когда он говорит: “Простите, женщины, за то, что я, слуга идей, жалел вам на билет в метро и прятал карамель”. Даже пьеска была “На дне”, где Капченко играл роль Татарина, а Шлыков — торговку пельменями Квашню. Я пытаюсь не только передать дух времени, но и показать личность Виталия в жизни. На самом деле, выдающийся разведчик много лет мыкался без своего жилья, в основном снимал, получил “двушку”, кажется, в конце шестидесятых. Я познакомил его с Региной Збарской — красавицей, работавшей в доме моделей, которую знал еще со студенческих времен. Вопреки разным сплетням в СМИ, Виталий искренне влюбился в неё и счастливо жил с ней до её трагической смерти из-за нездоровья. Начальство это вытерпело с трудом, он рисковал карьерой, на это пойти мог только свобододлюбивый и сильный человек».

Сам Виталий Васильевич отмечает, что поступал в МГИМО, чтобы стать серьезным экономистом. Разведчиком решил стать уже во время учебы. Тогда он активно занимался самбо и хорошо учился: «За всё время учебы получил только одну четверку (по логике на первом курсе, совсем как у Ленина в Казанском университете, чем я себя и пытался утешить), всё свободное время я стал тратить на иностранные языки, и прежде всего на немецкий, бывший у меня основным».

С 1958 по 1988 годы Виталий Шлыков служил в Главном разведывательном управлении Генерального штаба

ВС СССР. Виталий Васильевич называл приглашение в ГРУ везением. Как отмечает Михаил Петрович Любимов, распределение в МГИМО было достаточно фатальным: «После учебы Виталий ушел в разведку ГРУ, а я ушел в МИД и затем в разведку КГБ». Однако нельзя в полной мере назвать случайностью выбор карьерного пути героя. В МГИМО, а затем в разведшколе Виталий Шлыков всё свободное время тратил на изучение немецкого языка, занятия спортом, чтение. Карьерный путь был непростым. В 2006 году Виталий Васильевич рассказал журналисту Леониду Млечину некоторые подробности из жизни разведчика. После института наш герой выбрал разведку из-за патриотизма, любви к путешествиям и тяги к независимости. С иронией он отмечал, что служба помогла избежать навязанной женитьбы: «Мне уже нашли невесту, и мое нежелание повесить себе ярмо на шею стало мощным дополнительным стимулом согласиться на предложение спецслужб!» Виталий Васильевич говорил, что сорванный брак впоследствии обернулся плюсом, поскольку в ГРУ предпочтения отдавались кандидатам, не обремененным семьей.

В разведшколе его готовили, возможно, к долгосрочной командировке в Канаду. Шлыков пишет, что к 1962 году прошел весь курс подготовки нелегала. Два года секретного обучения, поездка в Австрию на его предполагаемое место рождения под видом американского туриста, акклиматизация к канадской жизни перед поездкой в США.

Михаил Любимов говорит, что Шлыков был «настоящий патриот разведки — человек скрытный, дисциплинированный. У него был блестящий английский с американским акцентом». Виталий Васильевич рассматривал сложную жизнь нелегала как путь к свободе и был готов провести не один десяток лет вдали от повседневной оперативной ра-

боты, «партийной дисциплины и надоедливой официальной пропаганды».

Виталий Васильевич строил большие планы для командировки в Канаду. Там он хотел поступить в хороший университет, устроиться на работу в крупную корпорацию или банк, как требовала его роль. Образ джентльмена в стильных очках, костюме с галстуком-бабочкой и перстнем на руке нравился герою и пользовался популярностью у противоположного пола. «Кеннеди!» — восклицали девушки, когда Виталий Васильевич в белых джинсах «Левайс» и очень редких для того времени контактных линзах из Мюнхена появлялся на столичных вечеринках. Карьера Виталия Шлыкова в действительности была полна приключений. В отличие от легальных разведчиков, нелегал мог свободно разъезжать по странам и встречаться со своими агентами там, где было удобно и безопасно.

За время работы наш герой объездил практически весь мир. Как вспоминает Виталий Васильевич, на встречу с одним агентом в целях конспирации добирался в Мадрид через Дакар (Сенегал), Канары, Альхесирас. Из Мадрида после встречи направился через Гибралтарский пролив в Танжер, оттуда на поезде в Рабат и самолетом в Москву. В облике богатого туриста Виталий Васильевич «выбрасывал деньги на дорогие безделушки», рестораны, гостиницы, пуская пыль в глаза таможенникам, которые пропускали такого гражданина без внимания.

Из немногочисленных рассказов героя о командировках мы знаем, что Виталию Васильевичу однажды спасли жизнь американские автобусы «Грейхаунд», когда он среди бедной, понурой толпы, ожидающей «плебейский транспорт» где-то в США, без труда разглядел одетых с иголки агентов ФБР. А в мексиканском Эль-Пасо среди песков, напичканных военными базами врага, Виталий Шлыков сумел подобрать

полдюжины тайников для связи с агентом. Однако веселье и свобода — это лишь одна сторона службы.

На самом деле, путь разведчика-нелегала тернист и сложен. Полная свобода действий сопряжена с риском на грани жизни и смерти. «Я убедился в том, что работа нелегала и намного труднее, и опаснее, чем я предполагал», — говорил Шлыков. Виталий Васильевич часто бывал на заданиях в США, где в 1960-х годах смертная казнь за шпионаж еще действовала. Образ жизни за океаном, как он вспоминает, был далек от описанного в разведшколе. Не было ни шумных вечеринок, ни танцев, ни тенниса. Общение с местными было ограничено по понятным причинам. За всё время пребывания в Америке «все развлечения свелись к одиноким походам в кино».

Одиночество можно назвать профессиональной болезнью нелегала, поскольку наличие семьи может представлять опасность как для разведчика, так и для его близких: «Даже влюбляясь, я старался не давать женщинам повода для строительства матримониальных планов... В первый раз я женился в 42 года... А дедушкой я стал только в 73», — писал Шлыков.

Самым страшным исходом для нелегала является раскрытие личности и связанный с этим риск предательства. В карьере Виталию Шлыкову не раз приходилось страдать из-за предателей. Дело Полковника Пеньковского, раскрывшего многие тайны ГРУ, привело к некоторому развалу части нелегальной разведки. Планируемая во время учебы пожизненная поездка Виталия Васильевича в Канаду была сорвана. В дальнейшем в карьере Шлыкова случится еще одно предательство, из-за которого пострадает сам Виталий Шлыков.

В 1984 году швейцарские власти приговорили его к трехлетнему тюремному заключению и отправили в исправи-

тельную тюрьму. Виталий Шлыков пал жертвой предательства, официальных заявлений на этот счет не было. Никаких личных претензий к Шлыкову не выставлялось. Предательство — это бич разведки, так провалились наши нелегалы: полковник Абель в США, Конон Молодой в Англии, многочисленные ценные агенты. Одним из раскрытых агентов оказался Дитер Герхардт, находившийся на связи у Шлыкова. Под псевдонимом Боб Виталий Шлыков работал с Дитером Герхардтом и его женой Руттой Герхардт — они на протяжении двадцати лет (1962–1983) трудились на советскую военную разведку в Южно-Африканской Республике.

Дитер Герхардт, завербованный советской разведкой, занимал высокий пост капитана первого ранга ВМФ ЮАР. Он родился в 1936 году в семье небогатого немецкого архитектора, эмигрировавшего из Германии в ЮАР в годы Великой депрессии. Но несмотря на эмиграцию отец не скрывал своих профашистских симпатий. Дитер вырос авантюрным, тщеславным человеком и, подобно отцу, имел расовые предрассудки. «Это был нескучный агент, он получал адреналин», — вспоминал Шлыков.

За время работы в ВМФ ЮАР Дитер Герхардт дослужился до высокого звания и стал одним из ценнейших агентов ГРУ СССР, сумевших передать сведения о вооруженных силах ЮАР, британском флоте в Южной Атлантике. Были получены данные о подводных лодках типа «Дафне», которые вели слежку за советскими судами, сведения о французской ракетной системе «Экзосет» и ядерной программе ЮАР. На военной базе в Саймонстауне под командованием Герхардта находилось около 3 тысяч человек. Сам он имел дружеские отношения с высшим военно-политическим руководством ЮАР, что представляло особую ценность для ГРУ. Ненависть к апартеиду подтолкнула Дитера Герхардта к сотрудничеству с советской разведкой в 1962 году. Так

у СССР появился ценнейший агент под псевдонимом Феликс, который в 1968 году женился на секретарше известного швейцарского адвоката Рут Йор (Герхардт в замужестве), ставшей впоследствии связным под псевдонимом Лина.

Пара передавала ценные сведения ГРУ, в том числе через Виталия Шлыкова, вплоть до 25 января 1983 года, когда случился арест коммодора Дитера Герхардта. ФБР арестовало Феликса во время его поездки в Нью-Йорк, после которой он должен был направиться на randevу с Бобом в Цюрих. Лину под угрозой расправы над ней и ребенком вынудили пойти на сотрудничество с ФБР и выйти на встречу с Бобом в Швейцарии. В ФБР не знали личность советского агента и решили взять Боба на живца. Виталий Васильевич, не подозревая о провале своих подопечных, отправился в командировку в Швейцарию. Он перемещался по следующему маршруту: сел на поезд Москва — Хельсинки, оттуда по паспорту американского гражданина направился в Стокгольм и Копенгаген. К 21 января 1983 года разведчик Боб прибыл в Цюрих, где предъявил паспорт уже другого американского гражданина. В Цюрихе Виталий Шлыков должен был встретиться с Рут Герхардт и получить сведения о ядерной программе ЮАР 25 января 1983 года. Виталий Шлыков отправился на randevу с Рут в заранее оговоренное время и место. Место встречи — Хаймплац, возле музея, было выбрано удачно, с соблюдением всех мер предосторожности. «Трамваи идут здесь со всех направлений, что очень полезно, когда надо ретироваться», — вспоминал Шлыков. В случае неявки агента можно было пойти в музей. Однако в этот раз швейцарские спецслужбы его ждали.

Журналист Леонид Млечин так описывает задержание Шлыкова: «Еще из окна трамвая советский разведчик увидел Рут. А возле общественного туалета стояли двое муж-

чин — молодой и пожилой. Они нежно шептались, и разведчик принял их за гомосексуалистов. В Швейцарии в ту пору такие люди встречались именно возле общественных туалетов. Виталий Шлыков сделал вид, что просто хочет пересесть на другой трамвай. Мужчины исчезли. Пропала стоявшая возле музея женщина, которую советский разведчик принял за Рут. Он понял: это засада».

Боб был арестован швейцарской полицией. При себе у него находился нательный пояс со 125 тысячами швейцарских франков (~100 тысяч долларов США), которые предназначались для Лины и Феликса. Швейцарской полиции Виталий Шлыков предусмотрительно предъявил паспорт не американского гражданина, а гражданина СССР под именем Михаила Васильевича Николаева. Запасная легенда сработала — признание советского гражданства позволяло поставить в известность об аресте посольство СССР. На допросах Виталий Васильевич Шлыков, или Михаил Васильевич Николаев, как думали швейцарские власти, ни в чём не сознавался. Не помогли угрозы расправы в камере или сдачи в ЮАР, с которой у СССР не было дипломатических отношений. Вначале в Москве ничего не знали о судьбе Шлыкова/Николаева, думали, что его выдали в ЮАР. Лишь через несколько месяцев в посольство пришла бумага с подтверждением того, что Николаев действительно является гражданином СССР и его надо вырывать.

Судебные разбирательства над агентами Дитером и Рут Герхардт начались в августе 1983 года и продолжались четыре с половиной месяца. 31 декабря 1983 года был вынесен приговор: Дитера Герхардта приговорили к пожизненному тюремному заключению, а Рут Герхардт — к 10 годам. В 1984 году приговор был вынесен советскому гражданину Михаилу Васильевичу Николаеву (он же Виталий Васильевич Шлыков, чью личность швейцарская контрразведка так

и не раскрыла, — и это настоящий подвиг разведчика) в Цюрихе — три года тюрьмы. Через два года он был освобожден за примерное поведение и вернулся в СССР. Шлыков рассказывал, что в тюрьме он работал в библиотеке, играл в футбол, занимался в тренажерном зале и даже купил радиоприемник, правда, без коротких волн, на которых центр связывается с агентурой.

Впоследствии Виталий Шлыков говорил, что не держит зла за предательство на агента Феликса: «Мои профессиональные отношения с супругами Герхардт продлились пятнадцать лет, — объясняет Виталий Шлыков. — У нас были десятки встреч по всему миру. На Мадагаскаре, в Копенгагене, Париже, Мадриде, Женеве, Берне и Цюрихе». По официальным данным, супруги Герхардт получили от ГРУ около 800 тысяч франков компенсации за их шпионскую деятельность. «Деньги не были для них мотивом», — утверждает Виталий Шлыков. Дух авантюризма, адреналин объединяли пару агентов и нашего героя, что помогло им всем с достоинством преодолеть тяжелейшую ситуацию и впоследствии с юмором об этом вспоминать. Дитер Герхардт был полностью оправдан после падения апартеида, а Виталий Шлыков еще не раз бывал в Швейцарии уже под собственным именем, потому как гражданину СССР Николаеву был установлен запрет на въезд в страну. Виталий Васильевич пользовался популярностью у швейцарских СМИ и, по рассказам близких друзей, не раз в разговорах слышал извинения от швейцарских официальных лиц, которые признали, что он внес весомый вклад в раскрытие ядерной программы ЮАР. После возвращения на Родину Виталий Шлыков решил остаться в ГРУ и заняться военно-политическим анализом. Из обширной биографии, представленной на сайте Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), мы можем судить, насколько смелым и решительным был этот

человек. Как говорят у нас, «рубил правду-матку». За военно-экономический анализ возможностей США, который показывал чрезмерную разведоценку мобилизационных возможностей США и Запада, Виталия Васильевича попросили в отставку, а докторскую диссертацию уничтожили за несколько дней до защиты.

В 1988 году Шлыков выходит в отставку полковником. Вскоре в журнале «Международная жизнь» публикуются статьи, в которых отражен критический подход к российской внешней и оборонной политике. В работе «И танки наши быстры» Виталий Васильевич пишет: «Будем надеяться, что новое мышление в конце концов вытолкнет эти переговоры (по обычным вооружениям. — *Прим. ред.*) из колеи взаимных препирательств и скучных перечислений танков, самолетов и прочей военной техники на путь конкретных переговоров с целью достижения договоренностей, которых ждут народы всей Европы». В статье «Броня крепка» он призывает отказаться от мышления, основанного на количественных преимуществах над противником, и задуматься о ликвидации всех танков, имеющихся у ОВД и НАТО в Европе, «нулевом варианте» по танкам. Танкам, как и ядерному оружию, был уверен Шлыков, не должно быть места в общем европейском доме. Статьи отвечали духу времени и принесли нашему герою широкую известность. Впоследствии Виталий Шлыков руководил комиссией по экспертизе военной реформы Общественного совета при Минобороны. При президенте Борисе Ельцине занимал должность заместителя министра обороны. Михаил Любимов отмечает, что Шлыков был «крупный военный специалист со свежими, иногда спорными идеями. Я считаю его гордостью России, гордостью военной разведки ГРУ. Виталий имеет два ордена Красной Звезды. Я очень редко встречал в разведке таких людей рядовых должностей. Он был на хорошем

счета у начальника ГРУ, генерала Ивашутина, который лично принимал его. Виталий — настоящий эксперт, а не просто болтун. Он прекрасно знал военную экономику».

Однако разочарование, вызванное распадом СССР и последовавшей коррупцией, утратой политического престижа, вынудили его уйти в отставку с высоких постов. В дальнейшем Виталий Шлыков продолжил вести аналитическую и профессорско-преподавательскую деятельность. В 2010 году в ПИР-Центре состоялась неофициальная встреча российских и зарубежных экспертов, на которой присутствовал Виталий Васильевич. Тогда он вспоминал: «Когда в 1992 году министром обороны назначили генерала Грачева, у которого я был до этого заместителем, мне стало ясно, что никаких военных реформ в России не предвидится, и я тут же подал в отставку. В том же году я вместе с Карагановым, Цалко и Рубановым учредил независимый совет по внешней и оборонной политике». Из интервью ПИР-Центру на полях встречи мы можем судить, что Виталий Шлыков от своих революционных идей в отношении армии не отказывался до конца. «В 2003 году СВОП подготовил и направил в Генштаб большой доклад с предложениями по модернизации российских вооруженных сил... Восемь раз доклад возвращался из Генштаба с самыми оскорбительными замечаниями в наш адрес: «Авторы идут на поводу у НАТО, пытаются пристегнуть нашу военную мысль к западным взглядам и даже занимаются провокациями». Тем не менее мы его опубликовали».

Михаил Любимов вспоминает, что Виталий Шлыков «был настоящим знатоком вооружений НАТО. Сейчас нам такие люди нужны». При этом Виталий Васильевич не стеснялся говорить о том, что западный опыт можно и нужно перенимать. Вот его статья «Бесхребетная армия», 2011 года, состоящая из трех частей.

Первая часть посвящена обоснованию необходимости создания в российской армии института профессионального младшего командного состава (кадровых сержантов). Виталий Шлыков описал процесс деградации послевоенного института советских сержантов-сверхсрочников, что в конечном итоге привело к утрате «станового хребта» армии.

Во второй части цикла автор объясняет, что кадровые сержанты необходимы для обеспечения дисциплины и борьбы с феноменом «дедовщины». «Абсурдной в историческом плане является сама попытка сохранить армию, в которой отсутствует институт кадровых сержантов», которые выступают в роли промежуточного звена между солдатом и командиром-офицером.

В заключительной части Шлыков говорит о том, что появление сержантского корпуса, полностью укомплектованного на контрактной и профессиональной основе, привело бы к радикальному улучшению состояния российской армии. Во-первых, была бы выбита почва из-под дедовщины. Во-вторых, появилась бы возможность резкого сокращения офицерского состава, численность которого в разы превышает установившиеся пропорции между офицерским и рядовым составом в современных армиях. Самое главное — у офицеров высвободилось бы время, которое они могли бы посвятить повышению своего профессионального образования и семьям. Потенциальные возможности повышения эффективности российской оборонной системы путем создания кадрового сержантского корпуса настолько велики, что задача создания такого корпуса должна занять приоритетное место в деле решения национальной задачи модернизации Вооруженных Сил. А это значит, что она должна решаться в рамках государственной целевой программы (по типу программы создания частей постоянной готовности) с гарантированным финансированием и жестким графиком

исполнения при широком общественном обсуждении хода её разработки и выполнения. Однако предложения по сержантам, как, впрочем, и другие содержащиеся в докладе СВОПа «Военное строительство и модернизация Вооруженных Сил России» 2004 года суждения, были отвергнуты Министерством обороны в самой грубой форме.

Стоит ли говорить о том, что оценки Виталия Васильевича и других членов СВОП опережали время? Нехватка младшего командного и офицерского состава стала очевидна уже в период специальной военной операции (СВО) России на Украине. Много трудов Шлыков посвятил изучению опыта формирования армии и функционированию военной экономики в других странах: США, Германии, Франции. Не стеснялся открыто критиковать политиков, вступал в экспертные дискуссии и охотно общался с молодежью.

Михаил Любимов: «Виталий Шлыков и я были разведчиками и потому конспираторами — делами и работой друг друга никогда не интересовались, даже впечатлениями о разных странах не делились. Помнится, Виталий сказал, что ему очень нравится остров Маврикий, а я о нем даже не слышал. Судьба коварна: неожиданный тромб оборвал жизнь выдающегося разведчика, страна потеряла блестящего эксперта в военном деле, самоотверженно трудившегося на благо Родины».

Лучше всего описывает жизненный путь героя его собственная цитата: «В глубине души я патриот старой закалки. Я хотел бы, чтобы моя страна стала как можно лучше».

Генерал Леонид Зайцев,
начальник
научно-технической разведки

— Ты, старик, не бери закуску и суп. Так не принято. Что-то одно, и затем второе блюдо. Вино закажем «Нью-Сен-Жорж», он этого достоин, хотя не парламентарий. По одному виски в самом начале, но рядовой «Джонни Уокер».

Мы шли по лондонскому Стрэнду на встречу с английским журналистом вместе с Леонидом Сергеевичем Зайцевым, руководителем линии политической разведки в резидентуре, моим первым учителем. Был 1961 год, я был еще сосунком в делах невидимого фронта. За столом Зайцев вел беседу непринужденно, словно пришел выпить и закусить, и проблемы поднимались банальные (ничего ни о планах нападения на СССР, ни о заменах в консервативном правительстве — нас нацеливали на информацию такого рода). Что меня поразило: по возвращении в посольство Зайцев накатал сразу три шифровки в Москву, и все получили высокую оценку. Оказалось, уминая свой стейк, я не подозре-

вал, что в одном кубическом метре воздуха каждый видит и слышит разные вещи.

В 1967 году резидент в Дании Зайцев взял меня туда своим заместителем. Помнится лесная дорожка под Копенгагеном: глухая ночь, мы вдвоем везем для передачи агенту большую сумму денег. Темень жуткая, и кажется, что из-за кустов сейчас выпрыгнут лешие в штатском. Леонид Сергеевич спокоен, словно мы везем белье в прачечную, только глаза напряжены — высматривают укрывшегося в деревьях клиента. Курортный город Копенгаген баловал драматическими историями: поздно ночью меня буквально вырывает из постели оперативный шофер, мы мчимся в посольство. Оказывается, что покончил с собой наш сотрудник, молодой парень, учившийся в местном университете. Убили? Повесился сам, испугавшись шантажа? Паника была жуткая, но Леонид Сергеевич не мельтешился, действовал спокойно. Трезвостью ума отличался поразительной. Работа есть работа. Разобрались с покойником, занялись сметой (было четыре часа утра).

Зайцев нежно почитал своих родителей, практически не пил, не курил, обожал жену и сына — просто на доску почета. В семинарах нашего партпросвета участвовал, но к идеологии относился без трепета. В 1968 году, во время чехословацких событий, наиболее политизированные вцеплялись друг другу в глотки — Зайцев смотрел на эти баталии сквозь пальцы. Человек дела. Враг суеты.

Шеф разведки Александр Сахаровский давно его приметил и сделал начальником нового труднейшего управления. Речь шла о внедрении в разведку всех новых технических достижений, в частности, ЭВМ. Ведь до того времени дела прошивали цыганской иглой, а ручной поиск был похож на работу крестьянина за плугом. Зайцев не только дружил с будущим премьер-министром Вильсоном,

великим английским писателем Грэмом Грином, многими сотрудниками Форин-офиса и деятелями парламента, но и закончил знаменитое Бауманское училище и Академию внешней торговли, так что дела технические были ему не чужды. (Между прочим, в Англии работал под весьма неудобной «крышей» заместителя представителя Международной книги.)

Мне пришлось трудиться при создании этого управления, и до сих пор перед глазами сумасшедший дом: с одной стороны, оперативники, ничего не понимавшие в кибернетике и электронно-вычислительной технике, с другой стороны, научные и малонаучные работники, считавшие, что разведкой можно управлять как молочным заводом. Тем не менее Леонид Сергеевич с честью вытянул эту громохочущую телегу, и автоматизированная система управления была создана на пользу всей разведки.

Заслуги превосходного организатора и координатора (приходилось иметь дело с академиком Глушковым и Наумовым) были оценены, и Леонид Зайцев сел в кресло начальника легендарного управления научно-технической разведки — это направление внесло самый значительный вклад в русскую историю: добыло секреты атомной бомбы! Это оно вместе с Курчатовым, Харитоновым и всей славной плеядой наших ученых обеспечило ядерный паритет и прочный мирю (Несомненно, после варварских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки США не поколебались бы надавить на нашу страну.)

Когда Леонид Сергеевич взял в свои руки бразды правления, научно-техническая разведка обеспечивала не только военно-промышленный комплекс, но и всё народное хозяйство: выкрадывали всё полезное, ведь, как учил Леонид Ильич, «экономика должна быть экономной».

И препятствия были похлеще санкций и зловещего Обамы: множество товаров и технологий были запрещены для ввоза в СССР и КОКОМ (координационный комитет по экспортному контролю), за этим строго следили. Золотые (и нелегкие) времена для разведки! Доставали и оборудование для нефтяной промышленности, и новейшие компьютеры, и необходимое для космической отрасли. Например, одна крупная операция в космической сфере обогатила нас на 500 миллионов долларов. Даже для производства инсулина (лицензия тогда стоила один миллиард долларов) зайцевская разведка добыла документацию за 30 тысяч долларов. Приобретали документацию не только для производства электроники, но и целые технологические линии. Порой для перевозки техники и оборудования приходилось проводить тайные операции с фрахтованием морских судов! Ведомству Зайцева мы обязаны появлением новых самолетов и ракет, подводных лодок и боевых кораблей (продолжил бы список, но посадят). По некоторым данным, научно-техническая разведка была не просто рентабельной, но и окупала содержание всего КГБ!

Наш герой был человеком легким и смешливым. Любил слушать разные байки и анекдоты, к сладкой жизни был непривычен, в жизни неприхотлив и как-то в ресторан на встречу притащил пару бутылок вина (он же не потреблял, а куда девать дареное?). Как-то возвращаясь за кордон, я пристал к нему: чего тебе привезти? Долго мялся, ну уж коли приспичило, говорит, привези мне пиджак, мой совсем поизносился (твидовые пиджаки — пагубная страсть еще с Англии). Наши олигархи с их яхтами и куршевелями содрогнулись бы от удивления и, возможно, покопались бы в заблудших душах!

В моей жизни погуляло много начальников, но одни ничем не запомнились, а другие были либо очень глупые, либо жутко карьерные и тщеславные, либо слишком хитроумные, либо отпетые самодуры. Ох уж эти начальники, никто их не любит! Неправда ваша, дяденька, некоторых очень даже любят. Вот и Леонид Сергеевич Зайцев остался в памяти незаметным героем и гордостью нашей разведки.

На встречу с Пастором Шлагом

Алекс — Юстасу: «Место встречи — у входа в музей Сегантини, Санкт-Мориц. Время встречи — 12:00. Опознавательные знаки: пастор будет в красной вязаной шапочке, вам предписывается надеть черную широкополую шляпу. Пароль — вопрос: “Далеко ли отсюда до отеля «Соглино»?” Ответ: “Около 5 километров”».

Кто или что такое Сегантини? Разновидность швейцарской коровы или итальянского сыра? Шифровку явно готовил идиот с университетским образованием... Штирлиц поморщился, съел несколько конфет знаменитой марки «Шпрунли» и допил кофе. Боже, переть аж в Санкт-Мориц из-за этого тупицы пастора! Полчаса самолетом или часа три на автобусе прямо от вокзала в Цюрихе. А так хочется прогуляться по Банхофф-штрассе, купить пару-другую швейцарских часов, помакать сухарики в расплавленный сыр (фондю), заесть всё свиной ногой с бочковым пивом. Но нет! Долг — прежде всего! Мимо памятника Песталоцци, через сказочно-живописную речку Лиммат, быстренько на Шпигельгассе, 14, поклониться дому, где до 1917 года жил Ильич с Надеждой Константиновной! Ну и мемориальную доску придумали эти швейцарские гномы: «Фюреру русской революции», — другого слова найти не смогли, гады!

Не задерживаться, не поворачивать головы, никаких эмоций — вдруг сзади Мюллер! — пешком к автобусу.

Путь пролегал через туннели, по великолепным извилистым дорогам, с остановками у кафе, затаившимися среди сосен, запорошенных снегом. «Проклятая шпионская работа! — думал Штирлиц, — сейчас взять бы свои старые динамовские лыжи и вместе с радисткой Кэт махнуть сюда хотя бы на недельку. А тут этот разгильдяй пастор украл у немцев новый пулемет и не знает, как его переправить нам!»

Санкт-Мориц расположен на высоте 1800 метров среди огромных снежных гор почти рядом с итальянской границей, он считается самым престижным и дорогим горнолыжным курортом в Швейцарии и, наверное, во всей Европе, рукой подать до Давоса, излюбленного места экономических форумов, где блистают Гайдар, Чубайс и Березовский. Зимний туристский сезон обычно начинается с середины декабря, когда всё надежно покрыто снегом, и тянется до марта. Эти благодатные альпийские края называют «крышей Европы», солнце ослепительно сияет там 332 дня в году — неслучайно своего рода гербом курорта стало круглое лицо солнца со струящимися во все стороны лучами.

Самым фешенебельным районом в Санкт-Морице по праву считается Сувретта, где в собственных виллах попивают винтажные вина Берлускони, Ротшильд и многие сильные мира сего — «паблисити» тут не приветствуется, но известно, что некоторые звёзды круглый год арендуют люксы в классных отелях.

«Жалко, что я не освоил горные лыжи, всё работа и работа!» — думал Штирлиц, с завистью глядя на подъемники по обе стороны дороги.

Санкт-Мориц — это сердце огромного организма, отсюда можно на подъемнике или на канатке взобраться на Корватш (3451 метр), Фуртшеллас (2331 метр), Наир (3052 ме-

тра), Корвилью (2488 метров), Дьяволеццу (2978 метров) и на массу других вершин. Никаких проблем с обучением, арендой лыжного оборудования, везде стильные ресторанички с альпийской кухней. Между прочим, дважды Санкт-Мориц был центром зимних Олимпийских игр, тут проводятся мировые чемпионаты по лыжам и особенно бобслею. Бобслей в Санкт-Морице — явление уникальное, тут прошло 30 чемпионатов мира, и, в отличие от других стран, лед тут естественный. Обилие спортивных мероприятий поражает: число их достигает 150 в год, естественно, на них прибывает много зрителей-туристов.

В школе КГБ бобслею не обучали; Штирлиц вздохнул: так захотелось промчатся со свистом по морозцу. Естественно, в Звенигороде — подмосковной Швейцарии. Правда, в Санкт-Морице для тех, кто не прошел подготовку, имелись бобслей-такси, управляемые водителями. Эх, если бы не встреча с пастором...

Хотите поиграть в крокет на льду живописного озера? Милости просим! Хотите покатать по льду камни, играя в шотландский керлинг? Пожалуйста! Только для мужчин: тобоган, в защитном шлеме, пузом на железные санки — и на дикой скорости вниз по льду! На замерзшем озере Санкт-Мориц проводятся скачки, и ставки тут делают немалые, да и собачьи бега тут в большом почете, а рядом в Сильваплане ежегодно проходят турниры по зимнему гольфу.

А какое наслаждение проехать по горной железной дороге! Живописные, словно игрушечные, экспрессы то тянутся, то бегут меж белых великанов. Железная дорога соединяет высокогорные точки: из Санкт-Морица можно пересечь Альпы, через виадуки и туннели, с севера на юг, подобно перелетным птицам, сначала к вечным льдам глетчера до самого Альп Грюм, затем в Поскьяво и через изогнутые виадуки Брусио в теплые низины Тирано (438 метров) и Лугано

(378 метров). Не менее прекрасен маршрут на Церматт (1604 метра): из окошка видны средневековые замки и монастыри, тропы, по которым бродили еще римляне, снова ледники и вечные снега... Если к этому букету удовольствий добавить изысканный обед с недурственным швейцарским вином, местным сыром и голландской сигарой под управлением добродушного официанта в национальном костюме, то можно считать поездку визитом в рай.

Любители простых удовольствий предпочитают канатную дорогу и покачиваются себе в кабине, обозревая сверху невообразимые красоты швейцарских Альп. А разве не прекрасно всей семьей съехать вниз на санях по маршруту Муоттас — Пунт Мурагл? Трасса всего лишь пять километров, и скорость совсем не страшная. Есть трассы и подлиннее...

«Пожалуй, стоит взять сюда жену с детьми», — думал Штирлиц. — «Одному сыну уже семь, другому пять лет, в конце концов, если будут капризничать, тут чудесный клуб-отель для детей, за ними тут всегда глаз». (Тут он вспомнил анекдот о том, что не видел жену десять лет, и сильно расстроился.) «Да ну их к черту! И занудную Кэт, вечно занятую передатчиком, и слезливую жену, и вообще всех баб! Проведу явку с пастором, а потом арендую старинные швейцарские сани с холеными лошадками и кучером или просто покатаюсь верхом, как в юности любил у себя в деревне!»

Но вот и остановка Санкт-Мориц — пора выходить. Где же место явки — музей сыра Сегантини? Вот он! Правда, Сегантини оказался великим итальянским художником, но это дела не меняет. Вон плетется и старая задница — пастор Шлаг, только не в вязаной шапочке, а в буденовке — вечно у него беда с конспирацией! Огромный рюкзак за спиной,

лыжи в чехле... Хорошее здоровье у старикана, поработал бы, как я, на Лубянке...

— Далеко ли отсюда до отеля «Соглино»? — спросил Штирлиц.

— Максим Максимович, друг мой закадычный, как я рад вас видеть!

— Почему отзыв не по паролю?! Опять нарушаете конспирацию?

— Да не сердитесь, батенька! Посмотрите, какой я вам притаранил пулемет! На днях слямзил в гестапо... А насчет конспирации вы не правы: для легенды я прихватил с собой лыжи и, зная, что вы поленитесь позаботиться о своей легенде, взял еще одну пару для вас!

— Что же, мы будем кататься с гор на обычных лыжах?! — испугался Штирлиц.

— Эх, батенька, плохо вы знаете местную агентурно-оперативную обстановку! Ведь по озеру Санкт-Мориц проложены великолепные лыжные трассы для марафонов, тут гораздо лучше, чем у вас в Подрезково! А план убийства Гитлера мы обсудим на «философской тропе», расположенной на высокогорном плато Муоттас Мурагл, там по бокам вырезаны и выписаны цитаты из Сократа и Сартра... Если не желаете туда подниматься, то можно прогуляться прямо отсюда, мимо знаменитого дома Хайди до Саластрейнс! Туда и обратно полтора часа! Кстати, можно пошептаться и в библиотеке...

При слове «библиотека» Штирлицу стало дурно, ведь он не брал в руки ни одной книги со времен окончания средней школы.

— Знаете, пастор, давайте лучше пойдем в местное казино, оно славится на всю Швейцарию. А сначала в бар выпить за нашу победу...

— В какой гостинице мы будем ночевать: «Албана», «Швайцерхофф», «Карлтон»?

Штирлиц промолчал: он знал, что Центр скорее удавится, чем санкционирует командировочные свыше 20 долларов в день. Даже преданные агенты-пасторы не знают цену народным деньгам...

— Швейцария совсем не такая дорогая страна, как её рисуют, — словно читал мысли разведчика пастор Шлаг. — Тут в Санкт-Морице вполне возможно снять номер на двоих, начиная с 60 долларов и выше.

Штирлиц молча проследовал в бар. Как обычно, достал из портфеля бутылку «Московской», два граненых стакана, сельдь атлантическую (слабого посла), завернутую в газету «Правда». Подошел официант, и для легенды пришлось заказать по кружке пива в качестве «прицепа».

— Извините, Максим Максимович, я схожу по нужде, — просто сказал пастор Шлаг.

Штирлиц рванул стаканчик водки и задумался. Может, действительно в целях конспирации провести явку в вагоне или на бобслее? Или пойти с пастором по бабам — это будет самая железная легенда!

— Как дела, Штирлиц? — услышал он. — Интересно, что за планчик по ликвидации фюрера вы придумали?

Штирлиц оторвал взгляд от стакана: перед ним сидел Мюллер.

Как автор, коммунист и разведчик,
выпил один раз с католиком,
бывшим английским шпионом,
великим писателем Грэмом Грином

Когда наш консул в Марселе — мой коллега и друг генерал Александр Иванов — принес Грэму Грину для автографа его книгу «Почетный консул» и попросил подписать её мне, писатель спросил: «Это тот самый Майкл, который чуть не прищемил мне нос?» Действительно, мы познакомились на приеме «Международной книги» в советском торгпредстве в Лондоне. К концу приема выпивали за Христа, изгнавшего торгующих из храма. Правоверный коммунист и ярый католик Грин. Он, как и многие другие верующие, включая архиепископа Кентерберийского, не только критиковал капитализм, но и симпатизировал некоторым коммунистическим идеям (не практике строительства коммунизма).

Грин пришел меня проводить к машине, я видел, как он, чуть согнувшись, помахал рукой, но только от Иванова впервые узнал, что чуть (о, ужас!) не прищемил нос ему — классику мировой литературы, величайшему стилисту, абсолютно независимому в своих писаниях!

Начал Грин с детективов, у нас прославился романами «Тихий американец» и «Наш человек в Гаване», в которых вдрызг раздолбал американскую и английскую разведки, причем сделал это в острой, карикатурной форме. Чего стоит шеф английской разведки, получивший как новое

оружие пылесос от жуликоватого агента и восхищенно молвивший: «Вы только посмотрите на этот резервуар!»

Грин работал в английской СИС¹ во время войны вместе с нашим великим разведчиком Кимом Филби, их дружбу не омрачили годы холодной войны. Грин встречался с Филби в Москве, он, наперекор английскому обывательскому мнению, не считал Кима предателем и даже написал хвалебное предисловие к книге Филби «Моя тайная война». После смерти Кима его вдова Руфина неоднократно гостила у Грина в Антибе (рядом с Марселем), где он проживал в последние годы.

Традицию Грина во многом продолжил бывший разведчик, писатель Джон Ле Карре, посвятивший ему свой сатирический роман «Наш человек в Панаме» (об американской интервенции в эту страну).

«Настольная книга шпиона» — это одна из моих любимых книг, странно, что эта блестящая, полная юмора работа переведена и издана только сейчас. В этой книге Грин со свойственным ему сарказмом цитирует пассажи из произведений беллетристов — авторов шпионских триллеров, а также профессиональных разведчиков, изгаляющихся в своих мемуарах. Он измывается над «ударами черкесского кнута» по спине взятого в плен турками Лоуренса Аравийского, описанные в мемуарной книге полковника Лоуренса «Семь столпов мудрости», считая, что турки его попросту изнасиловали. Хохочет над якобы «новой» историей о краже секретов прекрасной дамой (известной со времен Адама), обучает тайнописи с помощью крутого яйца, приводит пассаж из мемуаров перебежчика НКВД Петрова об убийстве китайского губернатора, дневниковые записки

¹ Secret Intelligence Service (SIS) — Секретная разведывательная служба. — *Прим. ред.*

«книголюба», английского дипломата и разведчика Брюса Локхарта в московской тюрьме. Вызывают улыбку описания шпионского снаряжения Джеймса Бонда, созданного Яном Флемингом и реального фашистского шефа шпионов Шелленберга в его мемуарах. «Настольная книга шпиона» Грэма Грина и его брата Хью — воистину откровение для многих российских читателей, особенно для тех, кто начитался и насмотрелся западных бестселлеров и блокбастеров на шпионскую тему. Его традицию продолжил Ле Карре, написав разоблачительный роман «Наш человек в Панаме», посвященный памяти Грина. Увы, писателей гриновского масштаба я не вижу ныне в англоязычной литературе, в основном все увлечены сочинительством небылиц на потребу невзыскательной публики. Наступило, видно, неблагоприятное время для расцвета таких крупных писателей, как Грэм Грин.

Монблан нынешней литературы Евгений Попов жестко интервьюирует отставного полкаша по поводу пристрастия к виски и прочих тайн души

Превосходный писатель Евгений Попов взял у меня интервью для «Огонька», было это, кажется, в конце девяностых. Кое-что устарело, да и нелепостей там немало. Хорошо чувствуется тонкий юмор Евгения и его неповторимый стиль.

Тихая квартирка в писательском доме, что в районе бывшего Безбожного, а ныне Протопоповского переулка города Москвы...

Евгений Попов: Вы мне намекнули по телефону, Михаил Петрович, что интервьюеры ДОСТАЛИ ВАС всеми этими вопросами о том, КАК ЭТО ДЕЛАЛОСЬ В ГБ. Поэтому я предлагаю вам поговорить на нейтральную тему. О ВЫПИВКЕ, которая не чужда ни бывшему гэбэшнику, ни бывшему, извините за выражение, «инакомыслящему», ни всему бывшему советскому народу, включая зеленую молодежь, распустившуюся после перестройки. Тем более что я как писатель, обыватель и гуманист, полагаю: одно дело — ШПИОНИТЬ за бугром, рискуя угодить на ИХ ЗОНУ лет эдак на двадцать, а другое — мирных овечек стричь, как это делали некоторые ваши непотребные коллеги, что шмонали так называемых диссидентов, храбро изымая у них из-под подушек так называемую АНТИСОВЕТЧИНУ. Хотя, признаться, функционер из Союза писателей для

меня был хуже всякого гэбэшника. Тот хоть по службе старался, а этот — по велению сердца, принадлежавшего коммунистической партии, как остроумно сформулировал лауреат Нобелевской премии Шолохов.

Михаил Любимов: Генерал КГБ Ильин, «заведовавший» писателями, был другом нашей семьи, работал еще с моим отцом. Он и сам сидел. Отец, я помню, уже был на пенсии, когда Ильин пришел к нам в дом, возвратившись из лагерей. Без зубов совершенно, работал каким-то прорабом. Потом его по старым связям устроили секретарем Союза писателей. Мы с ним много беседовали. Он одних писателей любил, других называл сволочами. Войновича не любил, Солженицына тоже. Но ведь они фрондировали очень жестко, другие — более умеренно, с ними РАБОТАЛИ. Почему, вы думаете, фрондирующих писателей выпускали за границу, дачи им давали, роскошные квартиры?

Е. П.: Да я об этом как-то не думаю, поздно об этом думать...

М. Л.: Отделяли козлиц от агнцев, и формы поощрения были весьма разнообразные... Да писатели и сами хороши! Стучали друг на друга — ого-го! Практически в любом государстве писатели вынуждены играть незавидную роль. А что, Солженицын не хотел альянса с Хрущевым после успеха «Одного дня Ивана Денисовича»?

Е. П.: История не терпит сослагательного наклонения, но мне всегда было любопытно, что было бы, если Солженицын получил Ленинскую премию, которую у него тогда оттяпал Олесь Гончар.

М. Л.: И вообще: кто из писателей наиболее известен? Тот, у кого был скандал. Пастернак — «Живаго», Евтушенко — «Автобиография»... Да и сейчас — то же самое...

Е. П.: А это общая психология. Гораздо интереснее прочитать в газете, как кому-то башку отрезали, чем о том, как

человек весь день работал, потом пришел домой, посмотрел телевизор и лег спать, чтобы утром встать и пойти на работу...

М. Л.: То же самое и на Западе. Жан Поль Сартр — маоист, левак, скандалист шестидесятых. Впрочем, у нас своя цивилизация, своя литература. С этой литературой иностранец может соприкоснуться, но ему будет трудно. Вспомните, как Набоков крыл английских переводчиков. Эту Гарнетт, которая перевела «Войну и мир»... Считал их полными бездариями. В какой-то степени так оно и есть. Я тут недавно открыл Андрея Платонова в английском переводе, прочитал несколько страничек и ужаснулся. Чистенький такой, чрезвычайно легкий для восприятия текст, ничего общего с Платоновым не имеющий. Вообще ничего! Так популярно всё изложено, вроде синопсиса. И скука, скука...

Е. П.: Ладно, литература — вещь хорошая, но выпивка еще лучше. Что, кстати, явствует из ваших книг. Там персонаж просто осанну виски поет, а как к этому относитесь вы, прототип, полковник в отставке М. П. Любимов?

М. Л.: Вы знаете, у меня сейчас сахар в крови высокий... А так, что значит «как отношусь»? Положительно. Я и к водке хорошо отношусь. Но вот взлетает к чертовой матери сахар!

Е. П.: Из-за виски?

М. Л.: Из-за всего. Начнем с того, что виски мне нужно минимум грамм четыреста, если не пол-литра, тогда более или менее нормально. А так, по рюмочке тяпнуть — это издевательство.

Е. П.: Я почему про виски спрашиваю, потому что всю жизнь пил водку, а теперь перешел на красное вино по выслуге лет. Вот скажите, пожалуйста, вы виски пили, как мы в книжках «про американцев» читали, как Хемингуэй велел? Со льдом, содовой?

М. Л.: Я, когда жил в Лондоне, виски разбавлял водой. Из-под крана: тогда обычной воды в бутылках не было. Но не газировкой. Это всё американское варварство — газировка, лед... Хотя со льдом можно пить, со льдом это в общем-то неплохо... Но только не молт, тогда я не знал, что такое молт...

Е. П.: А я и сейчас не знаю... Для меня всё... всё виски на одно лицо, как белый человек для азиата...

М. Л.: Молт — это солодовый виски... И туда лед нельзя класть ни в коем случае. Их много, молтов, в основном это глены...

Е. П.: ?

М. Л.: Глен — это вид молта. Сделаны на чистойшей родниковой воде. Все эти гленливеты, гленфидики — они сварены из ячменного солода, высушенного над горящим торфом и антрацитом. Отсюда этот дымный вкус, этот самый привкус неповторимый...

Е. П.: А-а-а, это те, которые — дорогие...

М. Л.: Конечно, дорогие. Всё хорошее стоит дорого...

Е. П.: То-то я смотрю в Шереметьевском аэропорту в дьюти-фри продукт вроде бы один, а цены — полярные. А что вы думаете об американских штуках?

М. Л.: Бурбон американский я терпеть не могу. Ни американский, ни канадский, ни ирландский... Фу! Гадость! Все эти «Джеки Дэниелсы» и так далее...

Е. П.: Чем же они плохи?

М. Л.: Они не плохи, там вкус другой. Бурбон делается, по-моему, из ячменя... «Канадиан клаб» — ну, я не знаю из чего. По-моему, тоже мерзость. Ирландский виски еще можно с кофе пить... А скотч, конечно же, хорошо пьется... Я, честно говоря, стал его с возрастом разбавлять очень сильно...

Е. П.: А зачем вообще виски разбавлять? Почему русскому человеку до перестройки не приходило в голову

водку портить всякими соками? «Кровавая Мэри» — единственное исключение, подтверждающее правило.

М. Л.: Вы знаете, это просто английская культура. При том что англичане — алкаши жуткие...

Е. П.: Да уж слышан. И имел личную возможность в этом убедиться...

М. Л.: Пьют много, но надираются медленно, понемножку. Доктор Сэмюэль Джонсон (18-ый век) сильно любил, например, портвейн. Выпьет две бутылки портвейна — и хорош. Но, конечно, так, как русские, они, наверное, не пили. Меня вообще удивляет, как на Западе пьют... По пятьдесят, сто грамм, но каждый день. У меня, если я выпью всего сто грамм, тут же начинает болеть голова.

Е. П.: А вино?

М. Л.: Вино я вообще обожаю. Красное. Всё время пил вино и сейчас пью. Но вино для моего сахара еще хуже, чем виски...

Е. П.: Самое время нам сейчас с вами сделать рекламную паузу и сказать «Минздрав предупреждал»...

М. Л.: ...потому что там виноград.

Е. П.: А всякие там суперсухие, брют, например?

М. Л.: Брют — это шампанские вина, а я их не выношу. Я сухонькое люблю. Беда в том, что у нас в стране сплошные подделки. И виски подделывают. Я однажды купил бутылку в киоске, открыл — и повеяло шипром.

Е. П.: Поясним для юных читателей, что так назывался знаменитый советский одеколон.

М. Л.: Вы же не знаете, где делают это виски, никто же не занимается этим, у нас ведь нет таких органов, которые пробуют, настоящий это скотч или поддельный. Может, его в Мытищах делают. Наклейки, бутылка — это всё вопрос техники. А вина — они тем более фальшак. Вот у нас внизу, слава богу, в магазине большой выбор. Но ведь хорошее

вино в Москве стоит не менее чем триста-триста пятьдесят рублей, а то и пятьсот. Вот обычная испанская «Риоха». Я её очень люблю, и на Западе её можно купить где-то за сто пятьдесят рублей в переводе на наши деньги. А у нас цены взвинчивают жутко. Я, например, не могу себе позволить пить по три бутылки вина в день, как парижский клошар. То есть, наверное, мог бы, если бы продался иностранной разведке, но мне уже нечего продавать, правда? (Смеется.) И платят плохо.

Е. П.: Они или мы?

М. Л.: Все. Шефу русского отдела ЦРУ, нашему агенту Эймсу, который передавал черт знает какие секреты, заплатили всего-навсего миллион за семь лет. Это что, много, что ли?

Е. П.: Рублей?

М. Л.: Долларов. А он сдал двенадцать агентов КГБ. Это же смешно! Расскажите об этом «новому русскому», и он будет хохотать.

Е. П.: Пока что старый русский хохочет (хохочет — потом лихорадочно считает). Миллион за семь лет. В год — 120 штук, в месяц — десять штук. Неплохо, если, вдобавок, налогов не платить...

М. Л.: А мы вообще держались на идейной агентуре всегда. Ким Филби вообще от денег отказывался, как и его коллеги — вся знаменитая на весь мир английская «пятерка шпионов» из высшего общества. Бывший сотрудник английской разведки Блейк жил в доме напротив меня, он тоже денег никогда не брал. Они все идейные были, марксисты, считали ниже своего достоинства получать за свой энтузиазм деньги. Вот если на оперативные расходы, ну, в смысле с кем-то надо встретиться и потратиться для дела, тогда можно. Сталин приказал сразу после войны каждому из «пятерки» пенсию назначить «за выдающиеся заслуги», так

они все отказались. «Не надо нам никакой пенсии. Мы служим великому делу социализма против проклятой капиталистической Англии». И я их понимаю, потому что если бы и я жил в эпоху, когда зарождался фашизм, когда правительство Чемберлена шло на смычку с Гитлером, делило Чехословакию, я бы тоже ненавидел это правительство, если бы имел такие убеждения, как они. Они были левые, полупевые — зачем им нужна была такая капиталистическая Англия? Другое дело, что у них чересчур много иллюзий имелось на наш счет — они ведь никогда не были в Советском Союзе. До поры до времени идеализировали Сталина. А потом уже, когда «коготок увяз», трудно было восставить.

Е. П.: Мне один австриец-славист рассказывал, как мальчиком состоял в австрийском комсомоле, бредил эсэсэ-эрией, за свои комсомольские успехи был премирован поездкой в Москву, откуда вернулся законченным антисоветчиком, насмотревшись на нашу развеселую жизнь тех лет, когда, как вы пишете в одной из своих книг, дорогущее виски «Шивас Ригал» стоило 15 брежневских рублей, а маэстро из вашей Конторы глубокого бурения «не оставляли стараний» и вовсю прессовали «шибко умных» советских граждан вроде Сахарова.

М. Л.: А вообще-то все приличные люди прошли через социализм и коммунизм. Вот писатели. Назовите мне хотя бы одного нашего нынешнего классика, который этим не соблазнился. Ну, может быть, Булгаков исключение. А Платонов? И «Котлован», и «Чевенгур» не антисоветские книги. А возьмите моего любимого Замятина, которого выслали из СССР. Я долго думал, как и все, что «Мы» — это пасквиль на Советский Союз. Да ничего подобного! Это пародия на Англию. Страну, которая постепенно, в результате прогресса, превращается в механизированную и тоталитарную, где всё расписано вплоть до того, когда трахнуть жену.

Е. П.: Интересная мысль! Но написано-то это всё было в Совдепии... Хотя, с другой стороны, тогдашняя советская жизнь скорее располагала к сочинению рассказа «Пещера» об одичавшем питерском интеллигенте.

М. Л.: А что, Бернард Шоу очень любил консервативное правительство? Или Герберт Уэллс был неискренним, когда писал, что ему приятны кремлевские звёзды? Единичицы ПОНИМАЛИ, ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ У НАС ТВОРИТСЯ. Например, философ Бертран Рассел, как его не ублажали в Москве, вернулся и заявил, что большевиков терпеть не может. И на всю жизнь остался «врагом». А в основном-то все ДЕЙСТВИТЕЛЬНО любили Страну Советов. Андре Жид как поздно разочаровался. Я уж не говорю о Ромене Роллане, Анри Барбюсе. А Камю, что ли, не переболел коммунизмом?

Е. П.: Тут дело не в писателях, а в том, что весь мир участвовал в пиршестве коммунизма. Только они все быстро-быстро из-за стола выскочили, а России пришлось за всех платить. Впрочем, вы МГИМО закончили, белый свет повидали и в этих вопросах, конечно, гораздо более информированы, чем я...

М. Л.: Да ладно уж...

Е. П.: Нет, я серьезно. Меня все эти штуки вроде политики никогда особо не интересовали, у меня другая сфера интересов. Но я должен признать, что всё это действительно существовало. Рабочие там, Сакко и Ванцетти, которых в Штатах подвели под вышку в начале двадцатых. Когда читаешь книги или смотришь кинохронику тех лет, видишь, какая у них действительно тогда была классовая напряженка. И как они тогда бедно жили, почти как мы. Вон Хемингуэй описывает, что у него в Париже сортир чуть ли не на улице был, прямо, как у нас... А безработица! А экономическая депрессия! Они на самом деле были на грани

революции. У нас временное отставание ровно на те самые 70 большевистских лет.

М. Л.: Я в Лондоне служил в шестидесятые годы, а вот сейчас приехал, когда работал над книгой «Гуляния с Чеширским котом», и увидел: боже мой, как изменился город! Там действительно были жуткие доки! Да и сейчас такие еще трущобы остались, что наш самый худший спальный район — это цветущая окраина. Серые мерзкие дома, где живут, конечно, бедные люди. Доки убрали, всех, кто обитал в этих районах, куда-то переселили. Так и у нас нужно сделать.

Е. П.: Так и собираются строить Москву-Сити.

М. Л.: Планируется какой-то очередной вариант нью-йоркских небоскребов... Но это всем свойственно — вот она, цивилизация! А как англичане свой Лондон изуродовали? Настроили стеклянных коробок. В лондонском Сити — пятнадцатизэтажные дома, искусственное озеро. Кому-то в голову пришло поставить это чертово колесо обозрения перед Вестминстерским аббатством напротив Биг-Бена...

Е. П.: Не знаю, зато весь Лондон, извините за штамп, «как на ладони»... Давайте лучше снова про виски. Виски для России — мистическое слово. У одного моего знакомого писателя есть замечательный рассказ под названием «Товарищ виски». Там простые люди узнают, что есть такое понятие «виски», и очаровываются этим волшебным словом. «Товарищ Виски» — это полет, романтика, фантазия, иные горизонты. Ведь у простых людей в России всегда было только два напитка. «Белое вино», то есть водка, и «красное» — всё остальное за исключением, естественно, пива, коньяка, который, по народному мнению, «пах клопами», и шампанского, которое разложившийся шпион Пеньковский, продавший американцам наши космические секреты, «пил с туфля», — я сам слышал, как один мужик в пивной именно так выразился, когда гремел процесс

Пеньковского, в конце которого он получил «вышку». Виски — это откуда-то оттуда, где «буги-вуги лабает джаз», «идет автобус на Сан-Луи» и «жил был в Лондоне стилияга». Как коктейль «Драй мартини» — это Джеймс Бонд. Короче, ШПИОНЫ ПЬЮТ ВИСКИ. Вам, кстати, какое слово больше нравится: разведчик или шпион?

М. Л.: В английском языке нет слова «разведчик». А виски я впервые попробовал, когда в 58-м меня направили за границу. Мелким клерком советского посольства в Финляндии. Мне виски было не очень по карману. Я и в Англии сначала не мог вволю напиться виски, поскольку бутылка настоящего скотча стоила в три-четыре раза дороже, чем канадское пойло в нашем беспошлинном посольском кооперативе. А скотча в кооперативе не было. Я с тех пор «Канадиан Клуб» и возненавидел. А что по этому поводу считает народ — не знаю. Виски удобно пить именно потому, что можно разбавлять. Вы правы, водку никогда не смешивали. Хотя, стоп! Во времена моей юности в Самаре водку пили «с прицепом», то есть с пивом, везде такие симпатичные киоски стояли...

Е. П.: С «Жигулевским» пивом... По всей стране море разливанное было дрянного разбавленного бочкового «Жигулевского»... Был термин такой: ГОРЬКУЮ ПИВОМ ОТЛАКИРОВАТЬ. А сейчас, это я в порядке ЛАКИРОВКИ нынешней горькой действительности сам лично видел, бомжи заходят в магазин, и один другого тихо спрашивает, «Балтику» будем брать или «Хамовники». И продавщице говорят: «Ты уж из холодильничка нам дай»...

М. Л.: Кстати, когда вы материал будете готовить к печати, не забудьте где-нибудь написать, что моим крестным отцом в новой жизни, писательской, был журнал «Огонек». Именно «Огонек», тираж которого был тогда пять миллионов, печатал мой первый роман с сентября до декабря девя-

ного года. Я думаю, никого больше из российских прозаиков «Огонек» не печатал подряд так долго, целых три месяца. Тогда ведь еще КГБ существовал во главе с будущим путчистом Крючковым, и там все это читали, точнее, вычитывали, и, конечно же, им не нравилось, что герой романа, советский разведчик, пьет, трахается и так далее. К тому же, с начальством всё было НЕ СОГЛАСОВАНО. Вот они меня и атаковали рецензиями в разных газетах.

Е. П.: Чего же согласовывать, если вы к тому времени уже добрых два десятка лет были на пенсии?

М. Л.: По-моему, до сих пор согласовывают даже беллетристику.

Е. П.: Так, значит, правильно гласит молва, что разведчик бывшим не бывает?

М. Л.: Да нет, это так, на всякий случай...

Е. П.: Какой случай?

М. Л.: Ну... неприятностей всяких... К тому же, вспомните, это был ДЕВЯНОСТЫЙ год. И вдруг роман о советском разведчике, резко отличающемся от Штирлица. Алкаш, бабник... Атака на меня была очень сильная, меня обвиняли в аморальности, во всех смертных грехах. «ГЕРОЙ С ПРЕЗЕРВАТИВОМ И ПИСТОЛЕТОМ» — так писали о моем главном герое. Я, кстати, все эти нападки использовал для рекламы. Экономика должны быть экономной, как говорил Брежнев.

Е. П.: Если бы в 91-м «мятеж закончился удачей», вам бы кисло пришлось?

М. Л.: Да, мне говорили, что ОНИ меня внесли в какой-то там список, «наружка» за мной ходила... Этот список даже был опубликован, но я не знаю, насколько всё это было серьезно... Там был я, генерал КГБ Олег Калугин, священник Глеб Якунин, люди, чьи имена теперь вряд ли что скажут новому поколению. Я не знаю, как попал в эту обойму, и сильно удивился.

Е. П.: Скорее, удивительно, почему Глеб Якунин оказался между двумя... Э-э-э... ПРОФЕССИОНАЛАМИ.

М. Л.: Нет, там многие тогдашние *демократы* были: Собчак, Яковлев... А вообще-то я недавно «И ад следовал за ним» перечитал и вижу: эта книга сугубо патриотическая. С тех пор столько понаписали на эту тему говна, что я просто наивный романтик на нынешнем фоне.

Е. П.: А кто ж тогда Трощаковского альпенштоком по голове до смерти угостил?

М. Л.: Спецагент Меркадер — это не спецназ, его в то время не было, сейчас есть. Возьмите знаменитый штурм дворца Амина в Афганистане. Была ли необходимость штурмовать дворец и убивать его, когда по приглашению того же Амина советские войска УЖЕ вошли в Кабул?

Е. П.: А что надо было делать?

М. Л.: Да надо было его спокойно и тихо кокнуть. Или арестовать на приеме или еще где. Нет, нужно было всей этой «Альфе» лететь...

Е. П.: Ну, почему? Почему даже ваша контора так плохо работала?

М. Л.: А почему «даже»? Это у вас типичное интеллигентское. Что там Т-А-А-КИЕ ЛЮДИ! Что такое вообще тайная полиция? Это очень средний тип человека, между прочим. Были, конечно, выдающиеся персоны, бесспорно. Но я думаю, что давным-давно и на Западе, и у нас разведка стала бюрократической организацией. Для того чтобы принять решение, туда-сюда гоняют бумаги, на согласование и так далее. Я не сталинист, но помню поколение своего отца. Оно дрожало. Каждый из них мог моментально застрелиться, если бы ему сказали: «Застрелись». Они жили в страхе, привыкли к внутреннему страху, к тому, что их убивают всё время. Я помню разговор отца с сослуживцем за рюмкой: «Коля, ты помнишь Васю?» — «Ну, а как же?» — «Его когда,

в 37-м расстреляли или в 38-м?» — «Вроде в 38-м. Я, помню, зашел в кабинет, а он сидит привязанный, и ему руки ломают». Вот такие разговоры. Это были сильные люди, которые прошли Великую Отечественную войну, некоторые — Гражданскую, нелегалами работали... А потом... Почему никто не пикнул, когда Дзержинского с постамента стаскивали и на глазах разваливали огромную страну? Где они были, все эти убежденные? Я таких взглядов не разделяю, я просто констатирую РАЗЛОЖЕНИЕ. Перестройку проморгали. А ведь даже диссидент Амальрик их предупреждал, написав «Доживет ли Советский Союз до 1984 года», но только ему никто не верил.

Е. П.: Моего приятеля, покойного писателя Володю Кормера, автора «Крота истории», как-то в очередной раз дернули на Лубянку для промывания мозгов, зачем-де он на Западе печатается, и ему КУРАТОР говорит: «Если вас кто спросит, скажите, что мы с вами до шести вечера *работали*, а то мне сегодня пораньше надо уйти, тещу встретить на Казанском вокзале». Кормер удивился: «Кто это меня может спросить?» — «Да я это так, на всякий случай», — ответил ему гэбэшный чиновник. Правильно вы говорите, Михаил Петрович, без души ваши люди служили!

М. Л.: А я, когда был студентом, очень переживал, что мной совершенно не интересуется КГБ, хотя я очень хотел работать в органах ПРОТИВ ВРАГОВ, потому что я был коммунист, большевик и так далее. В конце концов на фестивале молодежи в 57-м, где я работал переводчиком, я сам вычислил ЭТОГО МУЖИКА, подошел к нему и говорю: «Владимир Ефимович, я бы хотел, чтобы вы мне какие-нибудь задания дали». Он и его коллега стали меня использовать для работы ПО БАБАМ против шведского посольства, знаете, как это интересно? Так вот мы встречались время от времени, напивались жутко в ресторане, и они

мне подсовывали счет, а я писал расписку, что якобы эти деньги получил, которые мы только что прокутили... Потом они оба спились — один умер прямо на Пушкинской площади, на скамейке... Дивный был, кстати, человек!

Е. П.: Потрясающие совпадения! Подпольный писатель Евгений Харитонов, которого ваши тоже *таскали*, тоже умер от разрыва сердца на Пушкинской площади, тоже был дивный человек. Ему принадлежит великая, но загадочная фраза: «ЧТОБЫ ПИСАТЕЛЕМ ЗАИНТЕРЕСОВАЛСЯ КГБ, ОН ДОЛЖЕН ХОРОШО ЗНАТЬ РАССТАНОВКУ СИЛ В ГОРОДЕ». КГБ, получается, как виски. «Он»? «Она»? «Оно»? И всё-таки, как спрашивал один из героев Мольера: «Кой черт вас понес на эту галеру?»

М. Л.: Извините, но боюсь, что вам этого не понять. Встречный вопрос: зачем вы писали и публиковали на Западе «идейно-ущербные, близкие к клеветническим произведения с элементами цинизма и порнографии»?

Е. П.: Я так хотел.

М. Л.: Ну, а я — ТАК.

Е. П.: Да, а как насчет спиртного?

М. Л.: В смысле налить?

Е. П.: В смысле, что всё-таки лучше? Водка или виски? Восток или Запад?

М. Л.: Для меня сейчас этой проблемы нет. Для меня главный вопрос, чтобы всё у нас, в том числе и напитки, было ПОДЛИННЫМ.

Кумир острова Фарисеев

Сэр Уинстон Черчилль — это живое воплощение традиционно английского мотто: «У Великобритании нет постоянных друзей и врагов, у нее есть постоянные национальные интересы». Раздражающий пример для всех, кто жаждет войти в политику с помощью иностранных держав, скандальности в сети или демонстрации сексуальных прелестей.

Родился Уинстон в семье известного политика, род Черчиллей ведет начало от герцога Мальборо. Прилежностью в учебе не отличался — папа считал его тупицей. Окончил элитарную военную школу в Сэндхерсте в чине секунд-лейтенанта и стал военным корреспондентом, при этом принимал активное участие в боях, солдатом пройдя Европу, Южную Америку, Африку и Азию. Во время англо-бурской войны попал в плен, однако ему удалось бежать. Стал известным благодаря своим газетным статьям. С 1900 года Черчилль уже гремел в палате общин, по время Первой мировой стал министром военно-морских сил. С началом Второй мировой войны — премьер-министром, призывающим сражаться до победного конца. Несмотря на популярность, проиграл послевоенные выборы лейбористам, и его заменил Клемент Эттли. В 1951 году с победой

консерваторов сэр Уинстон в возрасте 76 лет вновь на четыре года возглавил правительство.

Разнообразно талантлив: автор множества книг, много-томной истории Второй мировой войны, нобелевский лауреат. Небесталанный художник, выставявший свои картины в Лувре. Даже работал каменщиком и построил себе дом. Закоренелый русофоб, опасавшийся усиления нашего влияния в Афганистане и Индии, а после Второй мировой — в Европе. Ярый антикоммунист, один из организаторов интервенций в Советскую Россию. Всеми силами пытался сохранить Британскую Империю, был достаточно гибок и изворотлив. Превосходный тактик, умелый переговорщик, мастер быстро менять позицию.

Во Второй мировой войне пошел на союз со своим заклятым врагом Сталиным, смело перелетал во время боев в Москву, Тегеран и Ялту, пытался водить Сталина за нос, обещая открыть второй фронт уже в 1942 году. (Это случилось лишь в 1944, когда мы уже шли к Берлину!) Однако английские северные конвои, перевозившие под немецким огнем оружие и боеприпасы по американскому ленд-лизу из Англии в СССР, сыграли важную роль и способствовали нашей победе.

После победы над фашистами стал трубадуром холодной войны, открыв её страницу в своей Фултонской речи. Склонен к авантюрам: планировал уже после 9 мая 1945 года вместе с немцами противодействовать расширению советского влияния в Европе вооруженным путем, одобрял планы американской военщины подвергнуть наши города атомным бомбардировкам. Однолюб, проживший пятьдесят с гаком лет с единственной женой Клементиной, в шумных романах на стороне не замечен, дети Рэндольф и Сара оказались беспутными неудачниками.

Экстраверт, никогда не старался удержаться в кресле, постоянно отстаивал свои собственные взгляды. Полити-

ческие речи писал сам, обладал превосходной памятью, мог наизусть декламировать Шекспира и других классиков. Специфически английское чувство юмора: однажды, когда официант случайно пролил шампанское на его облезлую голову, спросил: «Вы думаете, это спасет меня от полного облысения?»

Всю жизнь блистал афоризмами, например: «Своим долголетием я обязан спорту, ведь я им никогда не занимался». Или: «Не желайте богатства и здоровья, а желайте удачи. На “Титанике” все были богаты и здоровы, а удачливыми оказались единицы».

Бесспорно, один из самых великих политиков Великобритании, обросший многочисленными мифами. Конечно, любил бренди, но знал меру, его пристрастие к армянскому коньяку, которым его однажды одарил Сталин, сильно преувеличено. Регулярно спал после обеда — это повышало его работоспособность. К сигарам пристрастился еще со времен работы военным корреспондентом на Кубе, в результате сигара стала частью его имиджа (вместе с коньяком). Среди сталинистов распространен текст с высокой оценкой Сталина как государственного деятеля, но это фейк, хотя сэр Уинстон во время войны временами отвешивал формальные комплименты своему союзнику. Мне рассказывал его личный секретарь, что в последние годы ему приходилось вместе со слугами приводить больного Черчилля в порядок, вставлять ему в зубы сигару и подводить к окну особняка у Гайд-парка, откуда он радостно помахивал рукой толпе поклонников. Сэр Уинстон Черчилль пережил несколько инсультов и умер в январе 1965 года в возрасте 90 лет. Так проходит мирская слава!

Генерал Леонид Шебаршин – последний начальник советской разведки

Как ни парадоксально, со своим однокурсником (правда, с другого, Восточного факультета) по Институту международных отношений Леонидом Владимировичем Шебаршиным я познакомился лишь в августе 1991 года, уже будучи в отставке. Прогремел путч, и вскоре меня пригласили на встречу с начальником разведки Леонидом Шебаршиным.

Несколько ошеломленный видом легкомысленных попугаев в клетке, веселящихся в приемной (явный отход от стандартов бывшего начальника В. Крючкова), я предстал перед Леонидом Владимировичем. Несколько наводящих вопросов, и он быстро понял, что я не диссидент, не враг разведки, не англофил, как меня некоторые изображали. Он моментально дал зеленый свет на просьбу моего «взглядовского» сына сделать передачу о жизни разведки, это и оказалось поводом для моего вызова. Потом он не один раз говорил, что эта передача повлияла на судьбу разведки,

которую некоторые уральские мудрецы намеривались упразднить. Господи, какое смутное было время!

Впоследствии, когда мы уже ближе общались, он неоднократно отмечал, что после путча жизнь внешней разведки висела на волоске, и важна была любая её популяризация в СМИ. Меня это тогда поразило: как так? Возможен ли такой абсурд? Кому может прийти в голову уничтожение глаз и ушей правительства? Однажды он пояснил, что некоторые уральские шалуны из окружения Ельцина, ослепленные свалившейся, словно с неба, властью готовы были на любые меры ради горячей дружбы с Западом и получения желанных займов. Тогда внутри нового руководства шла подспудная борьба между прозападной линией Козырева и национальной линией Примакова. Отнюдь не просто так начальник СВР при Ельцине генерал В. Трубников недавно публично назвал тот период «эйфорией».

Вскоре Леонид Шебаршин подал в отставку (поступок уникальный для нашей политической истории), посчитав личным оскорблением назначение его замом человека со стороны без его согласия. Он был человеком чести — почти забытого свойства русского офицерства.

В то же время он прекрасно понимал, что не сможет работать с Ельциным и никогда не смирится с его прозападным курсом. Он и с Горбачевым работал трудно, ведь разведка — это не льстивый визирь у султана (хотя и такое в истории бывает), а, скорее, гонец, которому рубают голову за дурные вести. Слишком много информации из надежных источников говорило о вероломстве Запада, о желании развалить и ослабить советскую державу, расширить свое влияние, подорвать нашу военную промышленность и армию. Как это могло понравиться Горбачеву? Это же шло вразрез всей его внешнеполитической линии! А уж картинное замирение Ельцина с США на трибуне американского

Конгресса с благодарностью за борьбу с коммунизмом (это вещал на весь мир один из руководителей КПСС!) казалось ему чудовищным унижением страны и политической ошибкой. Возмущение Шебаршина вызывал хаотичный вывод советских войск из ГДР, бездумный роспуск Варшавского договора. США тут же перетащили всех его участников в НАТО, и разве не парадокс, что бывшие прибалтийские советские республики — ныне злейшие враги России и закоперщики уничтожения России в войне с Украиной? А уж его гневу не было предела, когда Горбачев предал Хоннекера, занимавшего высшие государственные и партийные посты в Германской Демократической республике; когда немцы после объединения Германии затаскали по судам шефа разведки Маркуса Вольфа и его соратников, ведь наша разведка тесно и плодотворно сотрудничала с разведкой ГДР...

Леонид Шебаршин родился в семье сапожника, потом торгового работника, члена партии с 1931 года, прошедшего войну от звонка до звонка и закончившего её в звании старшины. Семья жила скученно и бедно, детство и юность прошли в московской Марьиной Роще, известной своей преступностью. В 1952 году способный парень без труда поступил в институт востоковедения, вскоре влившийся в МГИМО. В наше время, говорят, это невозможно без «мохнатой руки», но я могу засвидетельствовать: на нашем курсе учились сплошь провинциалы и ребята из бедных семей — лишь несколько человек имело папаш из МИДа. Специализировался на Индии (с языком урду).

По окончании института был направлен в наше посольство в Пакистане по линии МИДа, в 1962 году был призван во внешнюю разведку КГБ, работал в центральном аппарате, в 1971 году выехал в Индию в качестве заместителя резидента, а потом резидента. Резидентура КГБ в Индии

всегда считалась успешной боевой точкой, там мы имели хорошие вербовки американцев.

По возвращении из Индии через два года отправился главой резидентуры в Иран, пережил там бурную исламскую революцию, когда наше посольство находилось в осаде. Все помнили о давнем налете на посольство и гибели посла, русского писателя Александра Грибоедова, к счастью подобного не случилось. Резидентура работала в условиях форс-мажора, мужественно контактировала со своими источниками и направляла важную информацию в центр. Резидент Шебаршин за свою работу в Иране получил орден Красного Знамени. Но случилась беда: один сотрудник оказался предателем, связался с английской разведкой и перешел на другую сторону, выдав некоторых людей, тут же жестоко наказанных. Опасаясь провокаций, резидента отозвали на Родину и оставили работать в центральном аппарате.

В 1983 году Шебаршин был назначен заместителем начальника информационно-аналитической службы разведки — там его эрудиция и интеллектуальные способности не остались незамеченными. В 1987 году стал заместителем начальника разведки, постоянно вылетал в Афганистан, встречался с афганскими лидерами. Через два года заменил Владимира Крючкова на посту начальника разведки. Шебаршин никогда не считался фаворитом Крючкова, у него были свои любимчики, — он оценил интеллектуальные способности Леонида Владимировича, его нестандартный подход к делу. Не последнюю роль сыграло и личное обаяние Шебаршина. С самого начала поддерживая перестройку, он скептически относился к «общечеловеческим ценностям» и всему демагогическому соусу, который сопровождал реформы. Но офицеры разведки, как и армия, не спорят, а выполняют приказы. Многие обвиняют сотрудников КГБ в трусости, мол, почему с оружием не защитили

от сноса памятник Дзержинскому? Многие рвались, но Шебаршин, как опытный руководитель и русский человек, прекрасно понимал, что это может привести к гражданской войне — уж он в деталях знал нашу историю... Шебаршин поддерживал департизацию разведки, её превращение в самостоятельное ведомство. Уж слишком громоздким был КГБ, он объединял несколько служб с разными задачами, это удобно при координации усилий, но затрудняет общее управление.

После отставки, будучи государственным и офицером по духу, в оппозиционеры себя не записал, создал частную фирму по вопросам безопасности и занялся литературой. Он обожал книги: всех гостей его дома поражала обширная библиотека, часть её он выставил у своей входной двери на лестнице, дабы все жаждущие знаний могли ею пользоваться. Его эрудиция простиралась далеко за пределы русской словесности и литературы Индии — его специализации. Очень любил «Белую гвардию» М. Булгакова и «Лето Господне» И. Шмелева, особо почитал забытого ныне мемуариста и философа Андрея Болотова.

Творчество Леонида Владимировича невелико по размерам, но исключительно по концентрации мысли — это мемуары, афоризмы и исповедальная повесть. Характерно, что на мои неоднократные вопросы, почему он прекратил писать, Шебаршин отвечал: «Я уже сказал всё! Можно накапать за свою долгую жизнь тридцать томов, а мыслей там с гулькин нос». Живым пером (в отличие от большинства мемуаров, где выпячены личные заслуги и высокие знакомства) написана «Рука Москвы» — это одна из лучших книг, описывающих злосчастный путч и мутный период перехода власти от М. Горбачева к Б. Ельцину. Его «Афоризмы» или «Хроника безвременья» уникальны, до сих пор в мировой истории не существовало шефа разведки с едким, афо-

ристичным мышлением: «В демократическом обществе правда и ложь имеют одинаковые права» или «Демократия — способ защиты сытого человека, но не насыщения голодного» — какое точное определение демократии! «Сиа-амские близнецы — организованная преступность и дезорганизованная власть» — разве это не наши девяностые, которые до сих пор еще не изжиты? «Революции совершаются громогласно, а продаются потихоньку» — разве это не украинский майдан?

Любой афоризм талантливого писателя наводит на размышления о современности: «Если факт не сдаётся, его уничтожают», «На переправе не меняют лошадей, но стоило бы поменять кучера», «С возрастом исчезают тайные пороки и отчётливее проявляются явные», «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, но можно дважды сесть в одну и ту же лужу», «Если трезво взглянуть на жизнь, то хочется напиться» — тут уже многие читатели готовы ухватить рюмку. «Меняется мода на штаны, а задница вечна и неизменна» — против этого не попрешь! «Сколько пузырей было надуту воздухом свободы!» — о, да и да! Разве фашизм не вырос из свободной Веймарской республики? Разве не в свободной Европе окрепли нынешние неонацисты? Разве не в свободной Украине медленно укреплялись украинские националисты и бандеровцы, свергнувшие при поддержке США законного президента и поменявшие нейтральный статус на участие в НАТО? Разве это не может быть прологом к мировой войне? Вспомним реакцию США на наши действия во время кубинского кризиса. Забыли уроки истории? Какой еще в мире начальник мог написать такие афоризмы?! Даже звезда жанра маркиз Ларошфуко порой бледнеет на фоне выходца из захолустной Марьиной Рощи!

От многих ускользнула исповедь генерала, воплощенная в небольшой книге «И жизни мелочные сны», отнюдь

не традиционной для конспиративных «видимых бойцов невидимого фронта» (дефиниция Шебаршина). А ведь это уникальный труд, невозможный для таких шефов разведки, как Шелленберг или Аллен Даллес, о нынешних не говорю. Обычно пишут о своих великих заслугах, о грандиозных достижениях, а тут... Дачный домик, лужа у крыльца, «струйки воды, срывающиеся с крыши, постукивали по подоконнику, в темноте что-то постанывало, тихонько-тихонько и жалобно». Домовой? Тени? Мыши? Генерал или Старик (так и попахивает Хемингуэем и Маркесом) топит печку, размышляет о жизни и славе, пьет столь любимый автором дарджилингский чай. Власть упорхнула из рук, исчезло много друзей, остались старость и одиночество. «Утром он проснулся в слезах и не мог вспомнить причины». Главная героиня этой темы, наверное, собачка Ксюша, невольно вспоминается бунинское «Хорошо бы собаку купить!».

Но Старик-Генерал не был бы начальником разведки, если бы в свою грустную исповедь не вплел бы разноцветным пунктиром воспоминания прежних дней. Порой в этих пассажах звучит ирония: «Бумаги писались лаконично. Получи Служба Генерала достоверные данные о приближающемся конце света, она и их изложила бы не более чем на трех листах. Это правило — не более трех страниц — ввел еще Андропов, хорошо знавший умственные способности вышших сфер».

Шебаршин не скрывает, что он сам «морочил головы десяткам своих сослуживцев и единомышленников» по проблемам прибалтийских республик, говоря, что «новые законы сделают пребывание республик в составе Советского Союза неотразимо для них привлекательным». Таких признаний, такого покаяния я никогда не слышал от наших государственных деятелей, а ведь покаяние — это очень русская, православная, национальная черта. Такие призна-

ния подкупают своей беспощадной искренностью — последней у Старика в избытке, и он даже вспоминает, как на охоте собственноручно задушил уточку-подранка.

Рассказывает о своем бедном детстве в Марьиной Роще и о своем становлении как коммуниста и советского человека. Интересно, что «простые люди» в Марьиной Роще относились к Сталину безразлично, а его отец, честный работяга, член ВКП(б) с 1931 года, прошедший всю войну, как-то еретически молвил о Вожде Народов: «Этот армяшка еще натворит бед!» (ничуть не хуже, чем Бисмарк о Марксе: «От этого бухгалтера еще наплачется вся Европа!»)

О многом рассказано с беспощадностью к себе и к своему народу: так, генерал лишь только в 1989 году узнал, что в мрачном 1937 году четыре миллиона (!) соотечественников обратились в «компетентные органы» с поклепами на такое же или даже большее число других соплеменников. Писатель далек от менторского тона и не уверен в своих суждениях: «Жизнь Старика складывалась в общих чертах таким образом, что он не верил ни в Бога, ни в черта, посмеивался над экстрасенсами и парапсихологами...» Беложелтая глазунья, приготовленная на дачной электропечке, бутылка водки, сомнения и сомнения. «Седая голова мотнулась и опустилась на стол, попыталась приподняться и не смогла». К концу книги автор спохватывается: а не слишком ли он рванул на груди генеральский мундир? Но уже поздно, всё уже сказано. Книга Шебаршина написана плотно, в прерывистой, напряженной тональности и, главное, она по-человечески искренна и беспощадна к самому автору. Оказывается, что шефы разведки — тоже люди, обладают острым умом и ранимой совестью, пишут на превосходном русском языке.

Последние годы Леонида Владимировича Шебаршина складывались трагически. Умерла дочка, разбил паралич

жену Нину, которая вскоре скончалась. Новая работа и новый строй были не по душе. Надвигалась слепота, полная беспомощность — бич для гордого человека. Последний раз мы виделись с ним в ресторане возле места его работы. Выпивали, хохотали, жизнь была прекрасна! Из такси я видел, как Леонид Владимирович, веселый и доброжелательный, на прощание махал мне рукой. Через два месяца — ужасная весть — выстрел из наградного пистолета в висок. Смерть настоящего офицера, не желавшего сдаваться врагу. Удел героев на все времена. Я убежден, что идеи Леонида Шебаршина чрезвычайно актуальны в наши дни, когда мы отрицали обезьянье подражание западной демократии, осудили «политкорректное» вероломство США и НАТО, особенно на фоне войны на Украине. Сохранять суверенность государства, не осуждать огульно всё созданное при советской власти, чтить традиции и любить нашу Россию — именно это завещал нам Леонид Шебаршин.

Мой сын Саша Любимов

Подготовку к рождению нашего дитяти можно сравнить разве что с подготовкой к большой войне или, по меньшей мере, ко всеобщей мобилизации. Самым страшным было объявление моратория на любое спиртное: месяцев за пять до рокового зачатия мы с женой Катей не брали ни капли в рот. Более мучительных дней в своей жизни я не испытывал.

Мы уже собирались в Лондон, уже запаслись коляской и прочими вещами для младенца, собрали кастрюли, чайники, посуду — моя зарплата атташе посольства составляла тогда всего лишь 120 фунтов.

Отдыхать поехали к теще, Елене Вишневской, заслуженной актрисе Литовской ССР русского драматического театра в Вильнюсе, которая снимала дачу в деревушке у Трокайского озера. В Литву она загремела по возвращении из немецкого плена и бегства оттуда во Францию. Была схвачена немцами после выступления в театральной фронтовой бригаде — за это была отлучена от своего Центрального театра Красной армии.

Род Вишневских происходил от торговца токаем Теодора, жителя Рагузинской республики (сербохорватской, центр — Губровник). Теодор, не без покровительства спо-

движника царя Петра I, Саввы Рагузинского, сказочно разбогател на торговле с царским войском, получил звание полковника русской армии и даже привез из украинского села живой подарок царевне Елизавете в виде церковного певчего Гришки Розума (который потом стал любовником, тайным мужем государыни, влиятельным вельможей графом Разумовским). Императрица была полковнику до смерти благодарна и даже мылась с ним в бане (разумеется, в компании с Гришей). Звезда дворян Вишневских чуть не взлетела на недосягаемую высоту при Александре II: богатая помещица Вишневская оженала разоренного князя Долгорукова (прерванная ветвь династии Рюриковичей), в результате на свет явилась Катрин Долгорукова. Однажды Александр II на пути с юга России остановился в имении князя под Полтавой, заметил там красавицу Катрин и вместе с братьями отправил учиться в Петербург. Позже у императора завязался долгий и умопомрачительный роман с Катрин, после смерти жены Александр II женился на ней и собирался возвести в императрицы, таким образом соединив династии Романовых и Рюриковичей. Однако помешал злой рок: 1 марта 1881 года царя разорвала на куски бомба террориста — борца за народное счастье. Разумеется, новый император Александр III и двор сделали всё, чтобы Катрин, уже княгиня Юрьевская, выехала в Ниццу. Там она счастливо прожила долгие годы, а её родственник, предводитель киевского дворянства Гавриил Вишневский привозил ей из Киева баночки с домашним вареньем...

В Лондоне мы поселились на Кенсингтон Хай-стрит, в полуподвальной коммунальной комнате с выходом на мусорные баки — такова была сложившаяся традиция: в относительно приличных квартирах жил руководящий состав посольства, остальные дипломаты жили в комму-

налках, но с годами улучшали свои жилищные условия, так и мы потом переехали на второй этаж, а к нам въехали новоприбывшие.

Мы с Катей были счастливы: шутка ли, попасть в такую потрясающе интересную страну! Бегали в Национальную галерею и Тейт, в театры Олд Вик и Королевский Шекспировский, выезжали в Ричмонд и особенно в бесподобный Кью-гарденс — всем паркам парк. Но, самое главное, можно было читать абсолютно всё: Оруэлла, Алданова, Газданова, полного Бунина, а английскую, весьма антисоветскую прессу мне читать вменялось в обязанность.

Одновременно старлей осваивал левосторонний Лондон на казенной фордовской «Газели», жена меня не бросала, и мы отчаянно ругались в разных автомобильных форс-мажорах. Катя свято блюла мораторий на алкоголь, грустно пила фруктовые соки на коктейлях, я же был по уши в оперативной работе, общался до опупения с англами и саксами, увы, без грома фанфар с поцелуем в губы хотя бы замнач разведки.

Наконец, что-то где-то зашевелилось, я лично отвез жену в госпиталь Майл-Энд, что находился в пролетарском районе Ист-Энда — ранее трущобном квартале Лондона, воспетом ярым социалистом Джеком Лондоном в книге «Люди бездны». По указанию начальства большинство дам в нашей колонии рожали неукоснительно там, поскольку в больнице работали коммунисты и им сочувствующие, якобы не склонные к гадостям и провокациям (так нам объяснял партком, законспирированный по старобольшевицкой подпольной привычке под профком). И вот звонок телефона: сие грандиозное событие свершилось где-то в 4 утра по Гринвичу 23 июня 1962 года! Я уже был наготове, натянул штаны и помчался на машине через весь Лондон в «бездну» прогрессивного роддома! Скорость движения

соответствовала величю и счастью момента, посему на знаменитой Пэлл-Мэлл, недалеко от Букингемского дворца, меня за превышение скорости остановил возмущенный полисмен. Я так трогательно прохрипел, что у меня родился сын, так искренне превратился в послушного червячка, что грозный бобби нежно улыбнулся, поздравил и дал отмашку. Дрожа от волнения, я вошел в палату, ожидая увидеть чудо, однако невнятный полумокрый комочек никакого впечатления на меня не произвел.

Через пару дней я привез Катю с сыном в наш гранд-подвал на Хай-Кен. К счастью, Саша оказался не слишком крикливым и скандальным, давал спать по ночам и не требовал постоянно молока. Кстати, тогда врачи советовали для младенцев искусственное питание, посему Катя грудью Сашу не кормила (ныне в моде иные теории). Разговаривать сын научился весьма поздно, видно, предчувствовал, что успеет наговориться на телевидении. Как правило, кислород и озон сын вдыхал в Холланд-парке напротив нашего дома в Эрлс-террас, Кенсингтон Хай-стрит, недалеко от посольства, что рядом с Кенсингтонским и Гайд-парком. В последнем произошла знаменательная встреча и беседа Кати (при коляске с Сашей) с великим режиссером Питером Бруком — чуть ли не братом главрежа нашего театра сатиры В. Плучека. Совсем недавно нас потрясло его «Убийство Марата, представленное в сумасшедшем доме Шарентонского монастыря под руководством маркиза де Сада». Это было неопишное зрелище, серьезно повлиявшее на мое мировоззрение. Игривые психи весьма напоминали жизнь человека и в Англии, и на родине — по-разному, конечно.

Итак, до искусства дитя дотронулось, но не пора ли его приобщить к шпионской работе? За всеми нашими следами наружное наблюдение английской контрразведки, и потому ответственные встречи с агентами и разработ-

ками требовали соответствующей подготовки. Какое подзрение может вызвать любящая чета, выкатившая своего дитя на прогулку в Холланд-парк? Так и шагают они по аллее, покачивая коляску и временами поправляя одеяльце на сыночке, а потом папаша нежно целует жену и тихо растворяется в толпе.

Когда мы переехали в двухэтажную представительскую квартиру (ее делили с коллегой) на Почестер-террас, то излюбленным стал вояж с коляской на живописный рынок Портобелло: там легко раствориться в толпе продавцов и покупателей, грудах овощей и фруктов, не говоря уже об огромных окороках. Иногда мы вывозили сына на посольскую дачу около Гастингса, украшенную внутри рыцарскими мечами и кольчугами, — прохладное море было совсем недалеко. Однажды даже съездили в Брайтон, где когда-то лечился «на водах» Чаадаев (до сих пор не понимаю, как его занесло в такую холодрыгу, несравнимую с Италией или Крымом).

В 1965 году пришлось грустно возвращаться на родину ввиду объявления меня зловещей персоной нон грата, недостойной касания аглицких мощей. Саша вряд ли об этом догадывался и настроен был весело. На переправе через Ла-Манш мы попали в сильнейший шторм — почти всех, кроме сына, тошнило, а он вырывался из своих построшков и, как необъезженный жеребенок, рвался на скользкую от рвоты палубу.

В Москве Катя с энтузиазмом вернулась в драматический театр имени Гоголя, где она до отъезда блистала на первых ролях, я продолжил свою службу на Лубянке, а сына отдали в детский сад, располагавшийся на Соколе. Иного выбора не было: Катя не могла существовать без театра, а я без шпионажа. Однако в Москве мы не пробыли и двух лет, как меня с повышением направили в датскую резидентуру.

В Копенгагене мы поселились в пригородном особнячке с садиком на Маглегорд-аллее. Там сын освоил запуск бумажных змеев и подружился с соседскими датскими детьми, особенно девочками. Мама радовалась морю и прекрасному городу, однако на лето уехала с сыном в Москву и там неожиданно подала на развод (в этом печальном событии, бесспорно, виноваты мы оба). Я еще годик в одиночестве потрудился в Дании, дожидаясь замены, и вернулся в ряды нетранспортабельных неженатиков.

Катя вышла замуж за ведущего актера театра им. Гоголя А. Иванова, кстати, мастера на все руки, вплоть до строительства дачи. Развод у нас прошел абсолютно спокойно и взаимоуважительно, мы разъехались, но бывали друг у друга и даже выпивали! Катя постоянно советовалась со мной по поводу Саши, я устраивал сына в свой ведомственный пионерлагерь и интернат (работа в театре исключала возможность постоянно за ним присматривать).

Однажды с Сашей и моим отцом проехали по золотому кольцу, останавливались в гостинице и палатке (моя страсть), там произошел форс-мажор: Саша на что-то обиделся и ушел в лес. Долго и безысходно его искали, пока он сам не вышел из леса, хмурый и непоколебимый. Мой папа Петр Федорович не терял внука из виду, иногда выезжал с ним на каток и вообще частенько встречался с Катей и Толлей Ивановым, считая их своими друзьями.

Знаменательной была наша поездка в Эстонию (я уже был в отставке) с любимцем Саши кобельком овчаркой Джеком. Разумеется, с палаткой, ненавидимой моей женой Таней, особенно когда Саша втаскивал в неё вымазавшегося в говне Джека...

Я наблюдал за сыном со стороны и старался понять: кем же он станет? Артистическая семья, трудолюбивый отчим, строгая и любящая мать, ненавидевшая беспорядок и при-

учившая сына регулярно выносить мусор. Учился он хорошо, но без большого усердия, достаточно читал, но одержим чтением, особенно поэзией, не был, в целом вызревал медленно (кстати, это у него наследственное).

Жили они после разных разменов в трехкомнатной квартире, окна выходили в громыхающий Орликов переулок, там у меня через пять минут уже разрывалась голова от гула машин, а Саша и вся семья к этому привыкли. Жили скромно, но временами кутили: а как же иначе?

Через несколько лет я женился, был повышен в должности и направлен резидентом в тот же Копенгаген. Прекрасно помню первый визит сына в Данию: я не мог его встретить, так как по линии посольства находился вне города, где проводил переговоры о поездке в Москву датских социал-демократов. Сашу привез ко мне из аэропорта вице-консул прямо на ланч с секретарем СДПД (шли переговоры о визите датских социал-демократов в СССР по приглашению ЦК КПСС в живописном Эбельтофте, Ютландия). На столе стояли изысканные вина, манящие блюда с креветками и клубникой. Разумеется, голодный сын не замедлил всё это умять (потом с комсомольской яростью упрекал меня, что я роскошествую и жру клубнику на народные деньги). Саша приезжал в Данию на лето почти каждый год, пожалуй, именно тогда и началось наше сближение. Меня радовало, что он, подобно многим, не обалдевал от переполненных магазинов и датской вольницы. Советскую мечту — джинсы и магнитофон — он приобрел, но на большее не претендовал. Однажды с приятелем он серьезно напился на приеме в нашем торгпредстве, вернулся домой в большом поддатии, и мне пришлось водить его по Стругету, отпаивать водой и кофе. В Дании я дал ему почитать «Мы» Замятина, «В круге первом» Солженицына и иных тогда запрещенных авторов, а вот мои попытки привить

ему вкус к поэзии успеха не имели, видимо, он рос человеком более прагматической конструкции.

Тем не менее нас очень сблизила гитара, которой Саша вполне овладел для пения. Ему понравилось исполнять под гитару речитативом и в полный голос мои баллады, и мы частенько радостно пели вдвоем. Помнится, так же самозабвенно мы пели русские песни с моим отцом и его братом Васей — как это нас сближало, соединяло любовью! Сентиментально вспоминаю, как уже в девяностые годы мы с сыном оказались в лондонском пабе на Квинсвей, которым заправлял русский певец и гитарист, знавший абсолютно все песни и певший вместе с нами часа три.

Тем временем не без моего совета сын поступил в МГИМО на международно-экономический факультет, по-моему, идеальное сочетание знания иностранных языков и мировой экономики. Насмотревшись на жизнь советских чиновников в Дании, Саша не стремился попасть в МИД, КГБ или Внешторг, однако о каких-либо конкретных планах я от него не слышал. Плыл по воле волн, впрочем, я тоже в свое время не отличался карьерной целеустремленностью.

В начале 1980 года я возвратился в Москву, и вскоре произошел второй развод, ставший причиной моей отставки в возрасте 46 лет и ухода в писательство. Саша с огромной радостью поддержал событие: «У тебя будет военная пенсия, чего тут раздумывать?» Семья Саши сводила концы с концами, излишеств себе не позволяла. Уже в институте сын начал подрабатывать переводчиком датских делегаций по линии ЦК КПСС, в то же время несколько раз он разгружал вагоны с мясом на вокзале. До сих пор работоспособность — его важная черта, как и относительное безразличие к собственному материальному положению: легко может жить и во дворце, и в палатке. Катя сообщала,

что он интересуется девочками и тяжелым роком, в этом я не находил ничего экстраординарного.

Я понимал, что изменение моего статуса повлияет на институтское распределение Саши. Так и оказалось. В результате он получил карт-бланш в выборе работы и устроился в тогда непрестижное Иностранное вещание в комитете по радио и телевидению, в датскую редакцию. К языкам он всегда был способен и вскоре уже вел передачи на Данию, так что некие неведомые силы медленно подвели его к профессии, ставшей призванием. О предстоящем явлении сына народу по телевидению я был извещен заранее, читал в то время лекции о перестройке иностранным туристам в Ялте. Помнится, в то время Михаил Горбачев читал, не отрываясь от бумажки, ответное слово на аэродроме в Париже. Страна была нема, зато как заговорила и была не в силах остановиться! Выход юнцов в эфир произвел впечатление не столько содержанием, сколько раскованностью, свободой и наглостью.

Я с самого начала поддерживал перестройку и считал, что в конечном счете СССР возьмет лучшее у капитализма и у социализма. Однако перестройка вылилась в дикий капитализм и частичную потерю нами внешнеполитической независимости. «Взглядовцы» на первом этапе, как мне кажется, и не предполагали о нашем скором переходе на капиталистические рельсы: хорошо помню, как Саша и Ваня Демидов обсуждали, что делать с полученными десятью баксами. «Взгляд» сделал сына весьма популярной и узнаваемой фигурой, но, на мой строгий отцовский взгляд, ранняя популярность вредит развитию личности, развивает в ней естественную страсть вернуться к наивысшей точке популярности. Из «Взгляда» сын шагнул в Верховный совет (тогда в парламент попали общественно значимые фигуры — это позже мерой измерения личности стал

денежный мешок). Баллотировался Саша от Тамбовской области, там в Мичуринске еще жил отец Кати, режиссер Павел Ермилов, радостно приветствовавший своего знаменитого внука. В полной мере известность сына ощутила его мама Катя, ибо в гастрономе мясник стал оставлять ей хорошие куски мяса.

Мы общались редко, но содержательно. Саша всегда любил испытывать судьбу: один из первых приобщился к тарзанке (я только с ужасом смотрел на отснятое со стороны видео), начал прыгать с парашютом (после надрался с летчиками, заполучившими знаменитость), однажды на нас со встречной полосы вылетел автомобиль (это была резвящаяся братва), однако Саша не свернул на обочину и продолжал переть на них — тут у братвы не выдержали нервы, и они свернули.

У сына случилось много перипетий из-за сопротивления «Взгляду» части нашего общества, мне до сих пор некоторые правдолюбцы пишут, что я неправильно воспитал сына (посмотрел бы я на их сыновей!). В Сочи арестовали, подбросив в номер несовершеннолетних девиц, бухнули бутылкой по голове в Питере, он неоднократно попадал в автоаварии и драчки с неприятными последствиями, которые приходилось устранять хирургам в ЦИТО. Во время путча нам удалось встретиться и на всякий случай (пахло порохом!) договориться о явках в уже заграничном Таллине (позже редакция АиФ опубликовала черный список подлежащих аресту: я был в их числе, ну а Саша вещал по радио в Белом доме, где ожидали штурм силами спецназа КГБ).

Во время громких октябрьских событий 1993 года сына, тогда депутата Верховного Совета, силой увезли за город некие невнятные «монархисты» или «колчаковцы» с дерзким планом обменять его на прекращение обстрела Белого дома Ельциным. В результате не без помощи Саши они

напились в дым, потеряли бдительность, и ему удалось ускользнуть и добраться до Москвы. Чуть позже Саша с остальными «взглядовцами» появился на телевидении с призывом не реагировать на клич Гайдара «выйти на улицы». Сейчас вся перестройка и перипетии девяностых годов выглядят несколько опереточно — на самом деле, это была русская революция, по масштабам и последствиям сравнимая с Октябрьской.

Распад Союза я почувствовал гораздо позже, но в любом случае опереживаю поэту Денису Новикову:

Мы ехали шагом, мы мчались в боях,
Мы ровно полмира держали в зубах,
Мы выше чернил и бумаги,
Писали свое на рейхстаге...
Подумаем лучше о наших делах:
Налево — Мамона, направо — Аллах.
Нас кличут почившими в бозе,
И девки хохочут в обозе.

Слава Богу, курс медленно и болезненно менялся!

Александр Любимов то появлялся на экране, то уходил в подполье, но остался жив и здоров. Женат, я имею счастье порой целовать свою внучку, реже — трех внуков. Огромным несчастьем для всех нас была внезапная смерть Кати от аневризмы аорты. Мы с сыном временами путешествовали вместе. Вот мы на Кубе вместе с Генрихом Боровиком и Сергеем Бодровым у дома Хемингуэя, пьем дайкири в его любимом пабе, вот мы ловим лангустов на той же Кубе. В Лондоне бывали частенько, там поминали покойную маму, разумеется, склоняли голову пред родильным домом в квартале «людей бездны», имели честь быть приглашенными на день рождения писателя Джона Ле Карре у него дома, махнули в Шотландию и даже опробовали там истин-

ный скотч. Что еще сказать хорошего и плохого? Сын помог нам поменять квартиру и построил великолепный дом в районе Пироговского водохранилища. Что ж, не будем выпендриваться, повторим строчки нашего Уильяма Шекспира:

Жизнь только тень.
Она — актер на сцене.
Сыграл свой час, побегал, пошутил
И был таков.
Жизнь — сказка в пересказе
Глупца. Она полна трескучих слов
И ничего не значит.

Александр Михайлович Любимову, сыну моему, уже за шестьдесят лет! Господи, как стремительно летят наши хрупкие жизни! И все эти трудные и счастливые годы мы вместе! Часто ругаемся до омерзения и спорим до посинения, но быстро миримся, забывая обиды. Я живу в воспоминаниях: вот Саша на постромках скользит по совсем неароматной палубе на проливе Ла-Манш. Кадры сменяют кадры, тасуются, как карты, возвращаются в колоду и снова с треском, с громом и молнией вылетают оттуда. В ресторане Дюкасса у казино Монте-Карло так долго ждем неприхотливый заказ, что съедаем весь хлеб. Блуждаем по кладбищу Ниццы, ищем и находим могилу одного из Вишневских и светлейшей княгини Юрьевской — легендарной Катрин. Вот мы с Таней в горном кафе в Цермате глядим, как с горы мчатся вниз пять точек, они приближаются, растут, превращаются в Сашу, Наташу и внуков. Вот все дружно плаваем в Москве-реке в Ильинском, а вот Саша зажигает на Новый 2000-й год потрясный фейерверк в Австрии. Вот идем на художественную выставку МОСХ на Малой Грузинской, где вывешены великолепные мастера

Лесин, Провоторов и другие — я так рад, что приобретаю сына к живописи! Вот он прыгает с тарзанки, и у меня душа уходит в пятки. Мы уже ползем к Гробу Господню в Иерусалиме, он болен, но смеется, мы продираемся через толпу в Доме Плотника в Вифлееме. А вот Саша целует нас с моей женой Таней на венчании в деревенской церкви — придумали же венчаться после гражданского брака и тридцатилетней жизни вдвоем! Вот играет на гитаре, и мы вместе поем и поем, и нежно звенят струны, и души сливаются, и мы счастливы, что поем и поем, и это не кончится никогда.

Нонфикшн о маме и папе (по делу из Центрального архива ФСБ РФ)

Мама умерла внезапно 22 марта 1946 года от паралича сердца (таков был тогдашний диагноз).

В тот вечер у нас во львовской квартире (где стены были расписаны через трафареты под райский сад с жар-птицами) веселились гости. Мама в длинном вечернем платье фотографировалась, смеялась, но вдруг ей стало плохо. Меня мигом изолировали в отдельной комнате, и я только слышал, как суетились люди, хлопали двери и отчаянно лаяла наша собачка Ролька. Запах лекарств заполнил квартиру, папа ходил с перекошенным лицом... Прощались с мамой в часовенке на Лычаковском кладбище, теперь прах мамы уже в Москве, в могиле на Ваганьковском кладбище. От мамы сохранилась лишь старомодная черная сумка — и всё. Больше ничего не осталось.

И вот совсем недавно в моих руках оказалась копия её письма в секретно-политический отдел НКВД в связи с арестом моего отца — тогда старшего лейтенанта государ-

ственной безопасности. Обвинение: троцкист и враг народа. Копия рассекреченного дела получена из ФСБ совершенно официально и помогает понять, каким образом формально обставлялись сталинские репрессии. Отец — Любимов Петр Федорович, 1900 года рождения, русский — о своем аресте почти ничего не рассказывал, более того, относился к аресту как к нелепому и даже забавному случаю. Видимо, он был рад, что его не расстреляли, а лишь уволили из органов (оставив в запасе) и даже помогли устроиться на приличную работу в Киеве. Тем более, что продержали его в тюрьме лишь несколько месяцев. Однако уже во время войны, которую он прошел в Смерше, его большой шеф и приятель Виктор Семенович Абакумов огорчил папу: «Петя, какой же идиот понесет дело сидельца в ЦК для утверждения “генералам”?» Это было неприятно! Действительно, как хорошо быть генералом и кто же не хочет им стать? Но вышвырнули папу, большевика с 1918 года, не на улицу, а на должность уполномоченного по мерам и весам измерительных приборов в Киеве с трехкомнатной (!) квартирой на улице Двадцать Пятого Октября (!). Тогда он был в одиночестве, а в поздние советские времена это место превратилось в солидный Комитет стандартов, фактически, министерство — вот он закон Паркинсона! Папа пережил сумасшедшие годы революции и Гражданской войны, ожесточенную борьбу с антоновцами и другими инсургентами, которых тогда называли бандитами, участвовал в арестах и вдоволь нахлебался всего. Долго работал в ключевом СПО — секретно-политическом отделе (его возглавляли такие деятели, как Агранов, Курский, Молчанов — все пошли под нож в тридцать седьмом). Великий Маяковский, друг Агранова, восторженно писал: «Громи врага секретчики и крой КРО¹!»

¹ Контрразведывательный отдел. — М. Л.

Так что папу укатали чекистские горки — накатался он вдоволь. Поэтому, когда ему стукнуло пятьдесят лет (а выслуга уже была за тридцать), он ухитрился соскочить с приличной должности заместителя начальника управления контрразведки Приволжского военного округа в г. Куйбышеве (Самара) на полковничью пенсию «по состоянию здоровья» (практически был здоров).

Папа происходил из крестьянской семьи в городишке Кадом, что был в Тамбовской губернии, окончил церковно-приходскую школу, даже пел с братом в церковном хоре, имел неплохой лирический тенор. Немного работал слесарем. В революцию 1917 года двинулся в Тамбов на заработки, где устроился в ЧК как достойный «классовый элемент». Позже был переведен в Москву в ЧК-ОГПУ, там закончил рабфак. Так что фактически хорошего образования не имел. Из заполненной им в тридцать седьмом году анкеты арестованного вырисовывается более радужная, но странная картина: профессии и специальности, оказывается, нет, социальное положение — из крестьян-батраков (!), образование среднее. Правда, отец любил книги, главным образом Толстого и Чехова, много читал, часто ходил в театр, особенно в оперу, мечтал о карьере певца.

О Троцком он, конечно, слышал, даже участвовал в аресте его жены (однажды поведал, как она возмущалась: «Вы знаете, что подняли руку на вождя революции?!»), но вряд ли представлял, что такое троцкизм, кроме как оппозиция сталинскому режиму. Я сам не вылезал из изучения партийных документов, сдавал много раз экзамены по истории партии, в том числе на кандидата исторических наук, даже Троцкого читал, и что я могу сказать? До революции Ильич не раз клеймил его как «иудушку», но в результате принял в РСДРП(б) и даже дневал и ночевал с ним в Смольном в роковые дни революции. Троцкий был одним из

организаторов Октября, создателем Красной армии, победившей в Гражданской войне. Лозунг мировой революции тогда разделяла вся партия, включая Сталина, который в 1920 году вместе с Тухачевским участвовал в войне с Польшей с целью сделать её коммунистической, правда, безрезультатно. Сам Сталин, в угоду союзникам распустив Коминтерн в 1943 году, активно поддерживал революцию в Китае и создание КНР и после войны успешно преобразил Восточную Европу в «страны народной демократии» — разве это отказ от мировой революции? Хрущев и позже Брежнев поддерживали революционную Кубу, Никарагуа, Вьетнам и большинство национально-освободительных движений. В перестройку всё это сошло на нет, а ныне США и другие страны экспортируют цветные и подобные революции во все страны, включая Россию. В оппозиции Троцкий проиграл Сталину, был осужден партией, выслан в Алма-Ату, а затем за кордон. Там он проводил мысль о «термидоре» революции и неизбежном перерождении партии в «новый класс» (это, кстати, сбылось). Сталин его ненавидел всем фибрами души и уничтожил в Мексике. Собственно, какой троцкизм мог исповедовать мой отец и многие другие не шибко образованные соотечественники? Да никакой! В те революционные времена это понимали, как несогласие с линией партии, и его было достаточно для клейма «врагов народа».

Так как же развивалось дело? Смотрим документы. «В августе 1936 года в 4-й Отдел ГУГБ поступило заявление от Оперуполномоченного 1 отделения Особого отдела УНКВД Западной области Саввиной. Она сообщала о том, что во время пребывания в Москве в 1931 году (подумать только: целых пять лет оперативная дама раздумывала, наступать или нет¹!) познакомилась на квартире оператив-

¹ Кстати, до доноса, как отмечено в деле, ранее встречалась с нижеупомянутым Рудини, что наводит на некоторые крамольные мысли! — *М.Л.*

ного работника СПО НКВД СССР Любимова с неким Рудини Петром Борисовичем, который в разговорах с Саввиной проявил себя как троцкист и в личной беседе с ней высказывался в к-р (контрреволюционном. — М. Л.) клеветническом духе о руководстве ВКП(б) и положении в стране». Кроме этой чекистки, в гостях у отца в квартире в Даевом переулке было еще несколько сослуживцев, которые и привели с собой бдительную даму из Смоленска. Согласно её доносу, никто из присутствующих этого разговора не слышал, Саввина якобы сообщила тут же о своем разговоре моему отцу, но он только высказал свое недоумение. Собственно, вся клеюза повисла в воздухе, однако, чтобы закрыть дело, отца заставили написать объяснение. Это он и сделал, полностью отрицая и разговор с Саввиной, и знакомство с Рудини до прихода его на вечеринку. Нормальному человеку трудно представить психоз в стране, развернутый под руководством ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным. Можно только вообразить (если хватит мозгов!), что произойдет, если все граждане начнут вспоминать с кем и о чём они говорили 5 лет назад на разных вечеринках?

Теперь стоит представить, сколько драгоценных чекистских сил потрачено на изучение этого доноса: проведена установка всех действующих лиц через разные картотеки, собраны на них сведения, возможно, за кем-то выставлено наружное наблюдение, организована прослушка. А ведь таких доносов даже официально было свыше двух миллионов, и становится понятно, почему органы работали почти до самого утра. Утешало только, как писал Н. Эрдман, что «в миллионах разных спален спят все люди на Земле. Лишь один товарищ Сталин никогда не спит в Кремле». И всё равно бедняги-чекисты не успевали! В данном случае после объяснительного рапорта отца начальство делу хода не дало, однако вскоре внезапно всплыло другое обстоятель-

ство: был арестован «активный член к-р организации Нестор Голубенко», женатый на Татьяне Болтянской — троюродной сестре моей мамы. Разумеется, отец был знаком с Голубенко, вместе с женой бывал у него дома, принимал супругов у себя. Папа снова писал рапорт, в котором объяснял, что «он изредка встречался с Голубенко в семейной обстановке и что во время имевших место встреч Голубенко в его присутствии никаких разговоров политического характера не вел и никаких антисоветских высказываний или настроений с его стороны он, Любимов, не замечал». Чуть позже несчастный Голубенко выбросился в пролет лестницы на Лубянке и, умирая, попросил вызвать отца. Умиряющего тут же грозно спросили: «Зачем?!» Голубенко ответил: «Любимов, повидавши меня, расскажет моей жене о моем состоянии». Но рьяные чекисты не слезали с умирающего. На вопрос: «А вы рассказывали Любимову о ваших настроениях?» — он ответил: «Нет, не говорил». На повторный вопрос (представим этот жуткий допрос!) Голубенко ответил также отрицательно. Но и этого показалось мало, поэтому был допрошен другой «участник к-р группы», Самойлов, который подтвердил, что Голубенко является дальним родственником моего отца по жене и что «в присутствии этого сотрудника НКВД (моего отца. — М. Л.) никаких антисоветских разговоров не велось». Казалось бы, вопрос исчерпан, «больше никаких материалов, устанавливающих связь Любимова с Голубенко, а также упоминаний о характере этой связи, в деле не имеется». Ан нет! Чекисты прекрасно знали, что лучше перебдеть, чем недобдеть: этого требовала великая партия, показатели арестов врагов народа должны расти такими же темпами, как рост добычи угля и стали, как рост урожайности и сознательности трудящихся! Поэтому в феврале 1937 года после обыска на квартире в Даевом переулке Любимов П. Ф. был арестован, сдан на хранение наручные

часы, получил взамен квитанцию, приобретенную к следственному делу, и был препровожден в камеру.

Дальше речь пойдет не об отце, а о моей маме Людмиле — отец обращался к ней не иначе как к Милочке, — о её терзаниях и муках в связи с этим арестом. Её не отправили в ссылку или на рудники в Сибирь, как множество членов семей «врагов народа», однако сарафанное радио тут же разнесло весть об аресте, и венец творения, честные советские люди заволновались: а как же квартира врага народа? Претендентов из соседей хватало, на редкость скоропалительно состоялся суд, постановивший уплотнить или выселить семью проклятого врага народа. Правда, какая-то умная голова, еще не сменившая законность на революционную целесообразность, посоветовала предварительно запросить всемогущие органы. Ведь Любимов только арестован, но еще не осужден! К счастью, некая умная голова из органов подтвердила, что, разумеется, выселение и т. п. возможны лишь после вынесения приговора (а злые языки и иностранные агенты утверждают, что советская власть во всем всегда несправедлива).

Мама была в отчаянии: шутка ли, остаться одной с трехлетней на руках и с мрачной перспективой. Более того, её мучило, что отец попал в тюрьму исключительно по её вине — угораздило же ей быть троюродной сестрой жены государственного преступника! Что делать и что вообще можно предпринять, когда вокруг царит такая вакханалия? Маму вызвали в папин отдел на допрос — детали беседы нигде не отражены. Однако после этого визита взволнованная Милочка написала письмо Виктору Николаевичу Ильину — другу дома и коллеге папы по секретно-политическому отделу, который вел допрос. Разумеется, Ильин передал это письмо чекистам, занимавшимся отцом, и они прилежно приобщили его к следственному делу.

Мама писала, что на встрече нервничала и волновалась, а позже пожелала изложить всё в письменном виде. Тут она взяла всю вину на себя: приехала в ноябре 1931 года в Москву, жить негде, временно поселилась у троюродной сестры Тани, муж её оказался недружелюбным, более того, «этот человек — ужасный деспот, хам, самовлюбленный, в общем, неприятный тип». Думается, всё было не так или не совсем так, но мама пыталась спасти всю нашу семью, как-то отмыться — не писать же, что враг народа был добряком и рубахой-парнем? Не написала же, что он агент царской охранки или друг Троцкого, в конце концов! А что касается хамов, то Россия никогда не жаловалась на их дефицит, и даже покойный товарищ Ленин считал Иосифа Сталина грубияном, но генсеком его всё же сделал.

Да, мама и отец приглашали чету Голубенко на новоселье в 1932 году, в Даев переулок, «они немного посидели и уехали» (!). А в 1936 году маму посетила Татьяна, за которой потом заехал на машине муж, не раздевался (!), забрал жену и уехал. Всеми силами мама пыталась доказать, что никакой близости с троцкистом и вражиной Голубенко у нее и отца не было и в помине, даже совсем наоборот. Родители приходили к Голубенко на празднование Великого Октября 7 ноября, пришли поздно, гости уже отужинали и играли в шахматы (интересный штрих, а говорят, что на Руси допиваются до положения риз!). Хозяин их встретил, познакомил с гостями и ушел доигрывать партию, а «Любимов остался в дамском обществе», словно предчувствовал, что Голубенко арестуют. Правда, признается мама, один раз с мужем и ребенком они пришли в гости к соседям Голубенко — чете Кащенко (мама в свое время переселилась к ним от «хама» Голубенко), там появился и Голубенко, «у которого попросили машину, чтобы отвезти ребенка» (вот и я попал в мировую историю!). Как пишет мама, мой отец не одобрял кон-

такты с Голубенко. «Считаю необходимым подчеркнуть, что каждый намечаемый мною “визит” к Голубенко стоил всегда больших уговоров, слез и скандалов, я всегда ссылалась на то, что мне неудобно избегать с ними встреч, так как я считала себя обязанной, благодаря тому, что она меня приютила и этим дала мне возможность жить в Москве. Дело в том, что Любимов избегал общества не только Голубенко, но и других моих знакомых, так как Любимов всегда больше предпочитал свою среду». Увы, девушка Саввина, наклепавшая на папу, была именно из этой среды, да и сам Рудини раньше служил в ЧК. Куда же деваться? Разве что укрыться от врагов народа на необитаемом острове?

Далее мама уже грудью пошла на защиту отца: «Я же, понятно, имела своих знакомых, потому что Любимов работал дни и ночи (!), а я была предоставлена самой себе». Когда арестовали Голубенко, отец попросил маму разорвать отношения с этой семьей. «В конце концов, когда из деликатной формы Любимов перешел в угрожающее наступление вплоть до развода со мной, я обещала с женой Голубенко прекратить встречи». Но, по признанию мамы, слова она не сдержала и один раз в январе 1937 года «навестила жену Голубенко — она лежала после операции в больнице. Понятно, об этом случае я ему не рассказала».

Конец письма — это уже крещендо: «За эти три месяца я многое поняла, я научилась тому, чему меня тщетно учил Любимов. Меня невыносимо мучает совесть, что из-за моих каприза и прихоти страдает Любимов, мне больно, что этот безукоризненно честный человек морально погибает или из-за какого-то недоразумения, или из-за клеветы».

Мне очень жалко маму: видно, как она изворачивается в своих попытках обелить отца, и действительно, кто же мог знать, что троюродная сестрица выйдет замуж за врага народа, потом, кстати, реабилитированного? Но любой

человек — жертва обстоятельств, и в обстоятельствах чрезвычайных он меняется чрезвычайно, до неузнаваемости.

Представьте теперь, дорогой читатель, в каком смятении метались советские люди, оглушенные свистом и визгом всесоюзной кампании по ловле и умерщвлению пресловутых врагов народа! Как судорожно писали друг на друга, как подслушивали друг друга и выискивали, что бы такое грязненькое воплотить на бумаге! Одни метили в тех, кто просто не нравился, либо мордой не вышел, либо дорогу перешел, либо мешал перебраться на следующую ступеньку карьеры — да мало ли у венца творения поводов для сотворения гадости? А уж жилплощадь заполучить, да еще в хорошем месте на Сретенке, в условиях массовой скученности населения — это мечта жива и ныне, когда некоторые господа даже отстроили золотые унитазы. История показывает, что власть в любой стране может раздуть любой вид массового психоза, будь то космополитизм (сам видел, как в конце сороковых выгоняли евреев из московского трамвая). Или квасной патриотизм, когда ревут трубы и гремят марши. Или русофобия на самый идиотский манер с придумкой фантастических историй о злодеяниях русских...

Хомо сапиенс подвержен влиянию и при надлежащей пропагандистской обработке легко преобразуется в стадного барана. Как писал Бертольд Брехт: «Шагают бараны в ряд, бьют барабаны, кожу для них дают сами бараны». Тем не менее — о, роковая случайность — уже упомянутый Виктор Ильин во время дежурства по отделу и доклада начальнику осмелился молвить: «За что сидит Любимов? Как он может быть троцкистом, если он только слышал о нем? Дело же его выеденного яйца не стоит». Так рассказывал нам с папой сам Виктор Николаевич в пятидесятых, когда после смерти вождя народов вернулся из лубянской

тюрьмы, где просидел в одиночке целых девять лет. Короче, папу освободили, мама плакала от счастья. Папа был весел, и на ночь своим прекрасным тенором регулярно исполнял колыбельную, написанную самим Моцартом: «Глазки скорее сомкни. Спи, моя радость, усни!» А мама читала мне Сельму Лагерлёф о приключениях Нильса с дикими гусями. Предвоенная жизнь казалась идиллической, я в свои семь лет был влюблен в соседскую девочку Лену и даже играл с ней в дворовой песочнице в «папу и маму»...

И вдруг грянула война, проклятая война! Как снег на голову, как внезапное землетрясение! Никто не сомневался, что всемогущая Красная Армия через пару дней, крепко дав по зубам фашистскому зверю, отгонит врага в собственную дыру — об этом постоянно твердило радио и писали газеты. Однако тучи сгущались...

Папу тут же призвали в родные органы, забыв о его троцкистских приключениях, и отправили на фронт в особый отдел — будущий «Смерть шпионам» (Смерш). Увиделись мы лишь в 1944 году. Мама, недолго раздумывая, собрала вещи и меня, мы погрузились в эшелон и направились к её родителям в Днепропетровск, где собирались переждать бурное время. Эвакуация в моем детском мозгу казалась приключением, когда можно любоваться, как прожекторы нашупывают в небе вражеские самолеты со строчащими пулеметами, но на самом деле это страшная беда, это черед безмерных страданий. Массы несчастных людей с чемоданами и тюками, толпы, штурмующие переполненные поезда с людьми на крышах вагонов, истошные крики, свистки, внезапный приказ спрятаться в бомбоубежище...

Неслучайно я плохо помню время своего детства: оно пролетело, как огненный смерч!

Прибыли в Днепропетровск к деду — видному профессору (в прошлом меньшевику: как это кадры ОГПУ разре-

шили чекисту жениться на дочке врага большевиков? Впрочем, в нашем датском королевстве и не такое бывало!) и бабушке — домохозяйке, тяжело больной диабетом и пишущей стихи (сохранился один, посвященный любимому внуку, с пожеланиями идти по пути, начертанному товарищем Сталиным). Видно, на семейном совете в Днепропетровске на ул. Карла Маркса (!) усомнились в силе Красной Армии и мудрости наших полководцев, ибо почти сразу мы все вместе рванули в Таганрог к тетушке Ане. Нет сомнения, что если бы мама со мной осталась в Киеве, то с помощью добрых соседей немцы быстро вычислили бы и уничтожили маму и меня, чекистское отродье, и гнили бы мы в Бабьем Яре или ином приюте мертвых.

Вот письмо отца от 27.07.1941 года, он проходил переподготовку в районе Киева: «Мои родные Милуша и Мишуня! По ряду понятных обстоятельств писать вам, к сожалению, не мог... Теперь я зачислен на работу в особый отдел Юго-Западного фронта и более-менее буду находиться в одном месте... Вчера перевел вам по почте (телеграфом не принимают) 1500 рублей. А вообще пошлю аттестат, по которому можно будет получать деньги в любом военкомате или НКВД... Мишутка, как твои дела? Чем ты занимаешься? Хорошо ли умеешь читать и писать? Учишь ли немецкий язык? Занимаешься ли физкультурой? Напиши мне обязательно, Мишка-Шишка... Обнимаю и целую вас всех. Папка-Потапка».

Но немец пёр и пёр — куда драпать дальше? Боже, как тяжело было маме вывозить в эвакуацию меня и нездоровых родителей со всеми пожитками! В памяти осталось страшная пересадка в Сталинграде: проход через давящую толпу, перекошенное лицо проводника, не пускающего маму в вагон... И вот она втискивает меня в окошко вагона, вот меня хватают крепкие, прокуренные руки солдат... Я в ужасе...

Я остаюсь без мамы! Поезд трогается... Мама появляется, словно в сказке, ей удалось всё же влезть в другой вагон! Я счастлив!

Боже, сколько она натерпелась! Обосновались в Ташкенте. Одноэтажный удлиненный барачный дом, комната, заваленная саксаулом, арыки, по которым пускал бумажные кораблики. Дед с бабушкой умерли почти одновременно. Жили на отцовский аттестат, он отдал его нам. Во дворе верховодила шпана. Курили махорку, используя зажигалки-самodelки из отстрелянных гильз. Крупным событием явилось мое пребывание с мамой в бане, видимо, по велению Неба — женской. О, эти милые треугольнички, с которых я не спускал глаз, опущенных якобы dolu... «Зачем вы взяли мальчика? Он же уже взрослый!» — укоряли маму голые бабы.

Мы с ребятами бесконечно играли «в войну» — «немцами», разумеется, быть никто не хотел, бросали жребий. Уж не знаю почему, но во дворе мне приклеили две клички «Геббельс» и «Красножопый». В первом случае это объяснялось большой головой, второе — загадка до сих пор.

Благодаря заботе отца мы не голодали, я занимался немецким языком, дабы быстрее уйти на фронттовую разведку и «брать языка», за мамой начал ухаживать летчик-подполковник, прилетавший в Ташкент из Ирана, оккупированного тогда нашими и английскими войсками, он заваливал меня подарками: запомнился мохеровый свитер и масса банок американской свиной тушенки. Но я был неподкупен и горд, подарки принимал, но любил только папу, а не этого хлыщеватого подполковника. Мама иногда вечерами оставляла меня в моих саксаулах, где водились скорпионы, и уходила к нему на свидания. Меня это бесило до слез, я плакал в одиночестве и просил Бога, чтобы мама быстрее вернулась. И она возвращалась! Уже в детстве я начал работать над собой, взял у старика-соседа «Капитал» Карла Маркса,

кое-что прочитал, и мама гордо говорила подругам: «А Мишенька у нас уже читает Маркса!» — от этого приятно щеко-тало в животе.

С Папкой-Потапкой шла постоянная переписка, хотя почта приходила нерегулярно, он писал мне и маме одновременно, вот его письмо: «Мила, получил от тебя целую пачку писем. Самое приятное из них — последнее (от 22. XI), это то письмо, которое ты писала мне на фронт. Его я получил только сию минуту — принесла рыжая девчонка из ППС¹. Вот сейчас я сижу в деревенской избушке в своем “кабинете” и пишу это письмо. Одет я очень тепло: валенки, двое теплых чулок (одни из них меховые — унты), шапка-ушанка, теплое белье, меховая безрукавка (самурайка), длинный полушубок, перчатки кожаные, а под ними шерстяные, теплые стёганные штаны. Когда всё это надеваешь, то никакой мороз не страшен, даже на открытом самолете». (Отец на всех фронтах служил в авиации, где было соответствующее материальное обеспечение.) Далее: «Ты напрасно хлопчешь насчет посылки для меня. Получить её, конечно, приятно, но разве можно в твоём положении заниматься такими вещами? У меня нет ничего лишнего, но меня ведь государство снабжает всем необходимым, даже ста граммами водки ежедневно. Очень прошу тебя больше не посылать мне посылок, не отрывать от себя, так как в этом нет острой необходимости».

Для письменного общения со мной папа придумал мальчика Костьку, который тоже воюет и лупит немцев, этому Костьке я очень завидовал, ибо, как и все ребята, рвался на фронт.

«Мишенька, родной! Посылаю тебе боевой, фронтовой, пламенный привет! Будь уверен, что папка твой не под-

¹ Полевой почтовой службы. — М. Л.

качает. Пока он жив и здоров, пока у него бьется сердце, пока он видит, а руки его работают, пока есть патроны в автомате и пистолете, он будет разить проклятую фашистскую гадину, которая разлучила тебя со своим папкой. Для папки твоего будет самым приятным, если ты будешь всё время учиться на “отлично”. У тебя очень много ошибок в письме. Ты запоминай, когда твои ошибки поправляют. Ты пишешь, что послал мне “песьмо” — разве правильно “песьмо”?»

Естественно, папа, кроме пафосных заявлений и замечаний, рассказывал, например, что «Костька получил звание сержанта, летает на истребителях и штурмовиках. На днях он летал на истребителе и сбил два самолета противника М-е 109 (мессершмит), это тоже истребитель одномоторный и одноместный». Так мы переписывались всю войну, пока отца после освобождения Львова не назначили зам. начальника управления Смерша Прикарпатского военного округа.

Мама рвалась в Москву, и уже в начале 1944 года мы туда переехали и остановились в комнате подруги мамы, жившей в районе Большой Серпуховской. В Москве еще оставались аэролаты и затемнение. Мама поступила на работу в какую-то артель, делавшую бусы, я ей помогал и исправно раскрашивал изнутри пустые стекляшки — заготовки, которые потом нанизывали и превращали в красочное украшение. С восторгом лицезрели знаменитый проход немецких пленных через Москву: тогда меня поразило, что многие наши женщины, не боясь охранников, охали и давали пленным хлеб и другую жратву. Однако уже к концу 1944 года после настойчивых призывов отца мы с мамой прибыли во Львов. Это была уже абсолютно другая жизнь, без жмыха и жалкой коммунальной комнаты. Папин Смерш расположился на улице Гвардейской (ранее Кадетской, ныне — парадокс истории! — Героев Майдана) в бывшем здании гестапо.

На торце здания еще оставались глубокие следы от сбитого фашистского герба, рядом — Стрыйский парк, уютная тихая улочка, где прежде в особнячках размещались фашистские бонзы, которых сменили сливки обкома партии и отцы города. Внизу для пущей радости — управление Министерства государственной безопасности. Мебель в то время попросту забирали из опустевших вражеских учреждений и квартир, гоняли за ней даже грузовики в Польшу и Германию. Так что нас встретили столовый гарнитур морёного дуба с резным буфетом, причудливо изогнутыми спинками стульев и игривая спальня карельской березы для счастливых супругов. Не знали, куда девать трофейные машины: за отцом числилось целых пять штук, включая «хорх» и мою любимую бежевую «ауди» с открытым верхом. Для личных целей отец еще за гроши прикупил себе маленький «опель», но водить он не умел, хозяйской жилкой не отличался: забыл спустить зимой воду и угробил мотор. Мама отвела меня в третий класс местной школы, там изучали украинский язык и литературу, даже Панаса Мирного и Лесю Украинку, там же я закончил семилетку. Мама за время войны измоталась и постарела, у нее появилась астма, и она курила лечебные папироски. Всегда была жизнерадостна, очень любила гостей и... вдруг!

О, как протяжно, тонко, невыносимо лаяла, выла маленькая собачка Ролька!

Отца в 1949 году перевели на работу в Куйбышев (ныне Самара), там я в 1952 году закончил школу и поступил в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Уйдя в отставку, отец разменял свою квартиру в Куйбышеве на московскую в Тестовском поселке на улице Литвина-Седого (герой революции 1905 года, везет нам с революциями!). Поступил на работу в Комитет по делам стандартов, этим занимался в Киеве перед вой-

ной. Когда началась хрущевская оттепель и из тюрем покатился вал заключенных, отца вдруг вызвали в некую комиссию по жалобе выпущенной бандеровки, которую он якобы ударил по физиономии. Наверное, так оно и было (украинские бандиты — народ отчаянный, и часто вели себя на допросах вызывающе), но отец написал объяснительку, в деле поставили точку, а позже папу даже приобщили к жертвам репрессий и выдали бумагу, похожую на похвальную грамоту.

Папа не женился, пока осенью 1958 года я не выпорхнул из гнезда в Хельсинки по линии МИДа, а по возвращении и женитьбе отдал нам с женой свою квартиру на Соколе, а сам поселился в коммунальной, у своей новой жены — актрисы ЦТСА, красавицы, снимавшейся у Эйзенштейна в «Грозном» — Жени Багорской.

За плечами у отца невыносимо тяжелая жизнь: Гражданская война, подавление антоновцев, известное Тамбовское восстание 1921 года, русская Вандея, Отечественная война. Не забывалось: «Гомельским судом был приговорен к четырем годам лишения свободы за самовольный расстрел бандита. В 1926 году амнистирован постановлением ВЦИК» (дело ФСБ). Реабилитация появилась через двадцать с гаком лет после его смерти в «Заключении (о реабилитации) по уголовному делу номер Р-26710 в отношении Любимова П. Ф. от 3 июня 2003 года». В этом документе зафиксировано, что «показания Любимова П. Ф. следственным путем не проверены и не опровергнуты. Достаточных доказательств совершения инкриминированного ему преступления в ходе предварительного следствия не добыто».

Дальше скучно и противно читать это холодное, бюрократическое творение, это «в связи», «с учетом», «в соответствии» — в общем, папа, наверное, облегченно вздохнул на небесах от счастья: лучше поздно, чем никогда! Спасибо,

товарищи! наконец-то реабилитировали! Да еще за подписью не какого-нибудь ефрейтора, аж старшего военного прокурора ГВП, полковника юстиции.

Папа счастливо жил со своей второй женой, оба прекрасно пели и иногда в гостях на два голоса исполняли оруджавскую «Пока земля еще вертится...» Но счастье продолжалось недолго: его жена, актриса Женя Багорская, скоропостижно скончалась, он остался с её престарелой матерью, которую проводил вскоре в последний путь.

Отец никогда не жаловался на свои невзгоды, старел он красиво в своих сединах, писал мне веселые письма в Копенгаген, сучал. Иногда брал внука Сашку на каток, общался и выпивал с моей бывшей женой Катей и её мужем, любил вспоминать свою первую заграничную поездку вокруг Европы, летом снимал веранду в деревне Мелькисарово, рядом с Шереметьево и не вздыхал по утраченному львовскому особняку и роскошным трофейным авто. Много раз я пытался вытащить папу к себе в Копенгаген, просил об этом и начальство, и ЦК КПСС, однако мне давали от ворот поворот, хотя случаи приглашения родителей были. Почему? Если бы не доверяли и боялись, что мы с отцом рванем на Запад в тенёта вражеских разведок, то вряд ли назначили меня резидентом. Скорее всего, косность и обычная перестраховка. В августе 1978 года моё начальство шифротелеграммой сообщило об инфаркте отца, и я тут же вылетел из Копенгагена в Москву. Успел поговорить и проститься с папой перед смертью. Похоронили его со всеми воинскими почестями, с тремя залпами...

О, великое поколение, прошедшее через страшные и героические годы России! Через кровь революции и войн, чистки, несчастья, голод, вечный дефицит. Сохранившее любовь к жизни и оптимизм. Честно служившие своей Родине.

А вот моей маме совсем не повезло. Красивая девушка из Павлограда, что рядом с Днепропетровском, приехала за блаженным счастьем в Москву, удачно вышла замуж за чехиста, родила сына, и тут мужа взяли под белые руки. Освободили, выгнали в прекрасный Киев — снова лучик счастья, — а тут война, проклятая война! Жуткая эвакуация, русский «Дранг нах Остен» в Ташкент, смерть её отца и матери, наконец, воссоединение с мужем во Львове в 1944 году в неопишуемой для того времени роскоши. И внезапная смерть через два года в тридцать восемь лет! Без мамы детства не существует, во всяком случае, так было у меня. Мне всю жизнь так не хватало мамы, нашей с папой Милочки, как больно, что она рано ушла из жизни!

А потом проклятая смерть унесла и папу, и почти всех моих близких друзей.

И невольно думаешь, что мир не изменился с первобытных времен, и абсолютно прав Уильям наш Шекспир: «Жизнь — это история, рассказанная идиотом, полная шума и ярости, но лишенная всякого смысла».

Тайна двух фотографий

В ГОСТЯХ У СТУДЕНТОВ ВГИКА

Не так давно во Всесоюзном государственном институте кинематографии побывали гостиные в СССР молодые зарубежные журналисты — англичанин Питер Веттерман и гватемалец Рафаэль Ринардо. Они приехали в Москву, чтобы познакомиться, посмотреть и подготовиться к IV Всемирному фестивалю в искусстве советской столицы. Студенты операторного и художественного факультетов показали гостям свою «Фестивальную выставку», на которой представлялись лучшие картины, рисунки и фотоснимки будущих кинематографистов.

Гости проявили живой интерес к творческим планам

молодых южантрис: Людмила Гурченко, снимавшаяся в фильме «Карнавальная ночь», и Ольга Иван, знакомой советскому зрителю по картине «Человек родился». Д. Гурченко рассказала, какие новые песни она будет исполнять в дни фестиваля.

После беседы зарубежным друзьям были показаны фильмы «Карнавальная ночь», «Человек родился», а также дипломные и курсовые работы студентов.

На снимке: Питер Веттерман беседует со студентами ВГИКа.

Фото и текст
А. Степанова
и И. Лузина.

О МИССАРЖЕВСКАЯ

Накануне Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года, уникального по тому времени прорыва иностранцев в Советский Союз, по линии Комитета молодежных организаций в Москву прибыла делегация с англичанином Питером Ватерманом и гватемальцем под именем Рамирес Рикардо. Я, тогда студент МГИМО, работал с ними в качестве переводчика: мы посетили ВГИК и встретились с блистательной Людмилой Гурченко, недавно прогремевшей в «Карнавальная ночь», и еще несколькими знаменитостями. Все мы на этом фото — живые и веселые. Через много лет я узнал много интересного и даже сенсационного об этих людях.

Но до этого рассказа несколько штрихов о тогдашней обстановке в нашей стране. Закрепленная на XX съезде КПСС политика мирного сосуществования была стимулом для резкого роста международного туризма. На иностранцев смотрели как на некое чудо, свалившееся с неба, принимали по самому высшему классу. Однажды я работал переводчиком со шведом-одиночкой — нашему питанию с черной икрой и балыками позавидовали бы короли. В Ташкенте скромного шведа встречали представители местных властей, там же вдруг появился сотрудник КГБ и дал мне указание ни в коем случае не подпускать шведа к рельсам, мостам и другим стратегическим объектам. Везде было туго с туалетами. Шведу особенно не везло: на аэродроме он в судорогах бросился в деревянный туалет, резко рванул дверь, и оттуда выпал возмущенный полковник, державший рукой дверь, поскольку не было крючка.

На фестивале я встречал на границе с Финляндией шведскую делегацию. Трепеща вошел в вагон, и в коридоре мне вдруг преградила путь милая девичья ножка, высунутая со второй полки купе: «How are you?» (Шведы говорили с нами по-английски, скандинавы привыкли к этому, много лет

позже в центре Копенгагена я видел на остановке датчанина, который отчаянно орал: «Здесь кто-нибудь говорит по-датски?!»)»

Фестиваль проходил на высоком уровне. Разинув рты, зрители смотрели, как иностранцы отбивали рок-н-ролл, девушки активно познавали впервые прелести негров, переводчиков организаторы фестиваля инструктировали убеждать гостей от вида развешанного белья (кстати, в Неаполе, например, оно висит на каждом углу). Делегацию шведов увезли в гостиницу «Алтай», там они сразу так обожрались зернистой икрой, стерлядью и осетрами, что не вылезали из туалета. Но вернемся к фотке, где запечатлены мои герои. Англичанин Ватерман попросил меня свозить его к некоему журналисту Семену Ростовскому, с которым его отец в свое время дружил в Лондоне. Слово туриста — закон для переводчика, и мы двинулись в путь. Искомое лицо проживало в Шмитовском проезде, что недалеко от Тестовского поселка, в коммунальной квартире. Комната Ростовского была сплошь уставлена книгами, это меня поразило: воистину, что еще нужно человеку для счастья? Не буфет же мореного дуба с беленькими слониками на полочке? Я тогда с жадностью читал Кампанеллу, Томаса Мора, Маркса и Энгельса, Ленина, Сталина, все партийные документы, восхищался аскетизмом и жертвенностью революционеров. И вот прямо передо мной стоит такой удивительный интеллектuala, да еще работавший не где-нибудь, а за границей. Тогда немного существовало граждан, ступивших на земли запретной заграницы, помнится, еще в Куйбышеве мы со школьным товарищем бегали лишь одним глазком взглянуть на папу знакомой девочки, который приехал из таинственной зарубежной страны. Папа, увы, оказался не соединением Ильи Муромца с Эйнштейном, а низкорослым и непримечательным брюнетом. Переваривая

первые впечатления от комнаты с книгами, я оставил англичанина наедине с Ростовским и вскоре забыл о нем.

Уже во внешней разведке истинный герой нашей службы Ким Филби, один из участников легендарной «кембриджской пятерки», в беседе со мной однажды сказал, что встречался с «нашим другом Ростовским» в Лондоне. Я навел справки. Этот человек работал под разными фамилиями, но широко известен, как публицист Эрнст Генри.

Родился 16 февраля 1904 года в Витебске, был единственным сыном из десятирех детей в семье торговца льном и спичечного фабриканта Абрама (Аркадия) Моисеевича Хентова. В 1911 году, будучи учеником гимназии, начал читать газеты, увлёкся политикой, а «перо само просилось в руки». В 1917 году прибыл на жительство в Москву. Жадно читал «Правду» и «Социал-демократа». Весной 1920 года побывал в Слуцке, Бобруйске. Был арестован и почти месяц просидел в польских тюрьмах. Лето провёл в Москве в качестве курьера Вилли Мюнценберга и Альфреда Куреллы (Коммунистический интернационал молодёжи — КИМ). В 1922 году работал в Москве — в отделе международных связей Коминтерна. Затем работал в советском постпредстве в Берлине.¹ Несколько слов о Вилли Мюнценберге, главном вербовщике и авантюристе разведки Коминтерна. Именно он затащил в свои сети преподавателя Кембриджа Добба (у него учился Филби), он и в Вену выезжал для организации сопротивления фашизму после аншлюса Австрии. Таинственно погиб во время своих частых боевых командировок.

В 1933 году Эрнст Генри переехал в Англию, работал в Soviet War News и еженедельнике Soviet War News Weekly,

¹ Информация об Эрнсте Генри взята автором из «Википедии». — Прим. ред.

где публиковались материалы, присланные из Москвы. Я не видел документов о принадлежности Ростовского к нашей разведке, но, бесспорно, он был с нею связан и активно помогал. Это был видный коминтерновец — вот он на втором снимке чокается с самим Молотовым. Фото сделано в советском посольстве во время рискованного визита Молотова в начале войны в Лондон. В разгар репрессий тридцатых годов, накануне войны, резидентура советской разведки в Лондоне была обескровлена, немногочисленных сотрудников отзывали, арестовывали и расстреливали как врагов. Неудивительно, что в таких условиях полного бардака к работе с ценной агентурой привлекались преданные делу функционеры Коминтерна, каким являлся Ростовский. В январе 1942 года Генри при содействии агента «кембриджской пятерки» Гая Бёрджесса, работавшего тогда в «Би-би-си», выступил с радиообращением о Восточном фронте. Генри рассказал своим слушателям, что Красная Армия победит, потому что «борется за народ, за Родину и за власть народа», и призывал скорее открыть «Второй фронт». Согласно представленному на Нюрнбергском процессе трофейному документу, Ростовский занимал третье место — после премьер-министра Уинстона Черчилля и архиепископа Кентерберийского Космо Гордона Лэнга — в гестаповском чёрном списке лиц, которых следовало арестовать во время проведения высадки вермахта в Англии (операция «Морской лев»). Хотя в списке было сделано примечание, что местонахождение Ростовского неизвестно.

В 1951 году вернулся в СССР. В 1952 году работал старшим редактором английского отдела Совинформбюро и на Радиокомитете. Известен под псевдонимами Лосев и Леонидов. 2 марта 1953 года арестован вторым главным Управлением МГБ СССР по подозрению в шпионаже («дело Май-

ского» — советского посла в Лондоне). В феврале 1954 года освобождён (предположительно, по ходатайству Молотова) и позднее реабилитирован. После 1956 года устроился в Институт мировой экономики АН СССР («мозговой центр» Международного отдела ЦК КПСС.

В начале 1962 года в журнале «Проблемы мира и социализма» (Международный отдел ЦК КПСС) Эрнст Генри опубликовал статью «Кто платит антикоммунистам» — первое публичное разоблачение «Конгресса за свободу культуры», финансирувавшегося фондом Форда (а на самом деле — ЦРУ). А разве наши современники не помнят фонд Сороса, активно «помогавший» российским деятелям культуры? Дорогие современники разве забыли, как на халяву приглашали за рубеж и милостиво кормили омарами? Да и во многих случаях переводят писателей на иностранный язык лишь ради прямой или потенциальной поддержки Запада, тиражи мизерные, словно флакончик пробных духов.

Эрнст Генри инициировал и подписал несколько коллективных писем, протестуя против тенденций возврата к сталинизму в шестидесятых, протестовал против процесса Даниэля и Синявского, дружил с Сахаровым. В 1980-ые, по свидетельству Якова Этингера, Генри отрицательно оценивал еврейскую эмиграцию из СССР. Скончался на 87-м году жизни 4 апреля 1990 года в Москве. В ЖЗЛ вышла книга Леонида Млечина «Эрнст Генри». Вот какой колоритной личностью оказался этот скромный жилец Шмитовского проезда!

А гватемалец Рамирес оказался бывшим поваром и великолепным анекдотчиком. Сколько лет пролетело, а я до сих пор помню его анекдот. Мужчине снится сон: вдруг начинает бурно расти его мужское достоинство, сползает с кровати, доползает до окна, вылезает, спускается по стене вниз,

уже собирается переползти через трамвайные рельсы на ту сторону улицы, ползет и вдруг... Навстречу идет трамвай! Только это и запомнил. Недавно опубликовал фото с Гурченко в интернете и вдруг получил послание от знакомого историка: «Обалдеть! Это же Роландо Моран!»

Настоящее имя — Рика́рдо Арно́льдо Рами́рес де Ле́он, гватемальский революционер, командующий Повстанческими вооружёнными силами и Партизанской армией бедняков, руководитель партии «Гватемальское национальное революционное единство». Как генеральный секретарь ГНРЕ совместно с президентом Альваро Арсу в 1997 году получил премию мира ЮНЕСКО за усилия, положившие конец Гражданской войне в стране.

Родился в семье полковника гватемальской армии. После окончания школы в 1946–1948 годах обучался в сельскохозяйственном училище, изучал право в Университете Сан-Карлос в Гватемале. Переболел туберкулёзом и в результате операции потерял одно легкое. В 1949–1951 был главой профсоюза железнодорожников. Вступил в Коммунистическую партию Гватемалы, тогда же близко познакомился с Эрнесто Че Геварой, личные отношения с которым сохранялись вплоть до его гибели в 1967 году. К власти пришел диктатор, и наш герой ушел в подполье. Не видя перспектив мирной борьбы с режимом, Рикардо Рамирес принял решение также перейти к вооружённому сопротивлению в виде партизанской борьбы. В 1972–1997 годах был одним из организаторов и главнокомандующим Партизанской армии бедняков (ПАБ), приняв имя и звание «Команданте Роландо Моран», под которым и был известен всю оставшуюся жизнь. В 1980-е силы ПАБ насчитывали 250 тысяч бойцов, воевавших на разных партизанских фронтах: фронт «Команданте Эрнесто Гевара», фронт «Хо Ши Мин» и другие. В 1982 году способствовал политическому и военному объ-

единению четырёх партизанских организаций (ПВС, ПАБ, ГПТ и Организации вооружённого народа) в Гватемальское национальное революционное единство (ГНРЕ). С 1990 года — член Командования ГНРЕ. 28 декабря 1996 года вместе с другими партизанскими руководителями торжественно вернулся на родину, выйдя из подполья. 29 декабря им и президентом страны Альваро Арсу было подписано соглашение о заключении мира, прекращении Гражданской войны в стране и гарантиях индейскому населению. Автор нескольких книг.¹

Вот с какими колоритными личностями мне посчастливилось встретиться! Увы, один раз: Людмилу Гурченко я тоже больше не встречал, лишь восхищался ей в кино и по телевидению.

¹ Информация о Роландо Моране взята автором из «Википедии». — *Прим. ред.*

Вместо послесловия

Обычно послесловие пишет известный литератор, я же позволю себе воспроизвести посвященный мне стих из венка сонетов моего близкого друга Игоря Крылова — доктора геологических наук, исследовавшего докембрийскую эпоху у нас и во многих странах, даже в далекой Австралии.

Мой друг, спешу тебе ответить,
Творец, мыслитель и поэт,
Зачем тебе венок сонетов?
Я напишу тебе букет.

Ведь согласишься со мной, мой милый,
Что в буче нашей боевой
Венки мы ставим у могилы,
А ты еще — вполне живой.
А коль взглянуть на дело трезво
(Светоний это описал),
Венок придумал Юлий Цезарь:
Он плешь венками прикрывал.
Зачем тебе такие вещи?
Ведь череп твой ничем не блещет!

Оглавление

НЕИСПОВЕДИМЫ НАШИ ПУТИ	7
РОКОВАЯ ЛОВУШКА	17
СТАЛИН И АРБУЗЫ	79
ЛЮДИ, КОТОРЫХ Я ЗНАЛ	86
Шостакович, Ростропович, Вишневецкая	88
Артисты МХАТа Борис Ливанов и Анастасия Зуева	92
У великих Георгия Товстоногова и Евгения Лебедева	95
КТО ШЕЛ СО МНОЙ ПО ЖИЗНИ В ПОИСКАХ КРАСОТЫ	97
Шпионы и актеры — близнецы-братья	97
Голые звёзды и тайны восточногерманской кухни	100
Зловещая рука ЦРУ	104
Как вербовать американских дипломатш	107
Схватка титанов	110
Сигарета Янковского	114
Шарм Владлена Давыдова	116
Холодный душ Говорухина	119
Сногшибательная улыбка Фатеевой	120
Сила духа Вадима Кожинова	123
Интервью Михаила Любимова с Вадимом Кожиновым ...	125
Писатель Юлиан Семенов	140
Евгений Евтушенко за рубежом и дома	145
Мой Левитанский	148

ШИЛЬОНСКИЙ УЗНИК ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ (Роман Калинин, при участии Михаила Любимова)	154
ГЕНЕРАЛ ЛЕОНИД ЗАЙЦЕВ, НАЧАЛЬНИК НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ	170
НА ВСТРЕЧУ С ПАСТОРОМ ШЛАГОМ	175
КАК АВТОР, КОММУНИСТ И РАЗВЕДЧИК, ВЫПИЛ ОДИН РАЗ С КАТОЛИКОМ, БЫВШИМ АНГЛИЙСКИМ ШПИОНОМ, ВЕЛИКИМ ПИСАТЕЛЕМ ГРЭМОМ ГРИНОМ	181
МОНБЛАН НЫНЕШНЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЕВГЕНИЙ ПОПОВ ЖЕСТКО ИНТЕРВЬЮИРУЕТ ОТСТАВНОГО ПОЛКАША ПО ПОВОДУ ПРИСТРАСТΙΑ К ВИСКИ И ПРОЧИХ ТАЙН ДУШИ	184
КУМИР ОСТРОВА ФАРИСЕЕВ	198
ГЕНЕРАЛ ЛЕОНИД ШЕБАРШИН – ПОСЛЕДНИЙ НАЧАЛЬНИК СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ	201
МОЙ СЫН САША ЛЮБИМОВ	210
НОНФИКШН О МАМЕ И ПАПЕ (по делу из Центрального архива ФСБ РФ)	223
ТАЙНА ДВУХ ФОТОГРАФИЙ	242
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	250

Литературно-художественное издание

Любимов Михаил Петрович

РОКОВАЯ ЛОВУШКА

Ответственный редактор *А. Поташева*
Художественный редактор *А. Яковлев*
Корректор *Е. Шемелюк*

Оригинал-макет книги подготовлен
ИП Кривенко С. В.

Подписано в печать 16.08.2024.
Формат издания 60×90 ¼. Усл. печ. л. 15,9.

Издательство «Пальмира».
197183, Санкт-Петербург, Сестрорецкая ул., д. 8, лит. А, пом. 19-Н.

Акционерное общество «Т8 Издательские Технологии».
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.
Тел.: 8 (499) 322-38-30.
www.letmeprint.ru

*Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.*